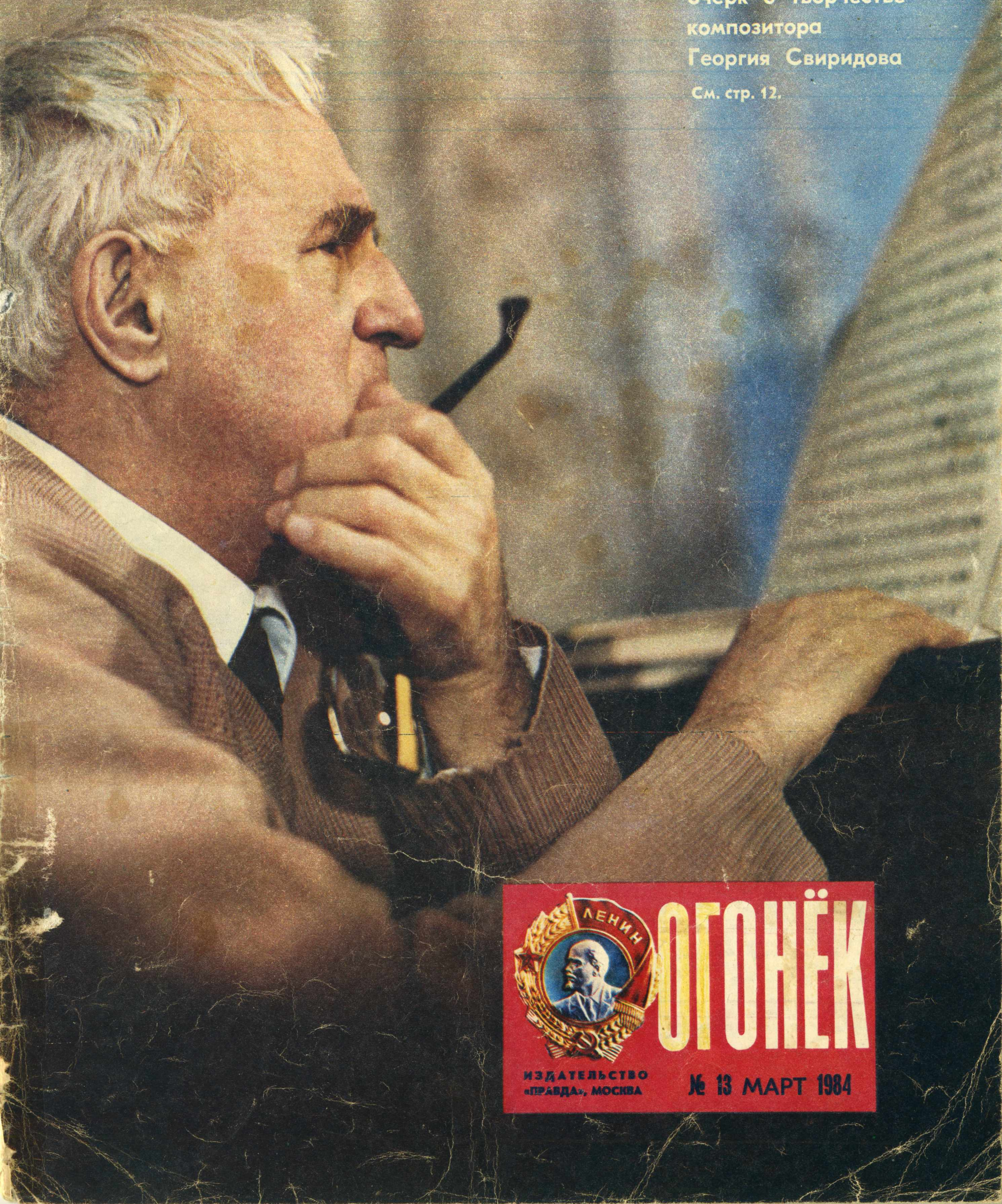

«Миру нужно
песенное слово» —
очерк о творчестве
композитора
Георгия Свиридова
См. стр. 12.

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1984

образ жизни — советский

РАБОЧАЯ ДИНАСТИЯ

Валентина Васильевна и Василий Александрович Телегины (в центре), сыновья Василий, Вячеслав и Александр, их жены и их дядя Алексей Александрович (он стоит за братом), словом, все на этой фотографии — Телегины... И все имеют прямое отношение к славному московскому заводу «Динамо». Глава фамилии, Василий Александрович, пришел на завод подростком прямо из ФЗУ в 1937-м. Война оторвала его от цеха, и на долгие шесть лет он стал танкистом; участвовал в боях под Москвой, был тяжело ранен, потом снова вернулся в строй. Сейчас В. А. Телегин работает мастером сборочного участка. За выдающиеся достижения в труде удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Собравшись в семейном кругу, взрослые подсчитали, что в общей сложности за фамилией Телегиных 150 рабочих лет, отданных «Динамо». Но тут неожиданно существенную поправку внесла хозяйка дома, Валентина Васильевна:

— Мы же Николаевых (это ее девичья фамилия) тоже должны учесть. Мой отец работал тут. Он был фрезеровщиком, изобретателем, о нем в истории завода говорится. Погиб в сорок четвертом под Ленинградом. Мои дяди и дедушка с бабушкой — тоже динамовские. И жили в этом же районе, на Борьевском проезде, теперь он Автозаводской улицей называется. Значит, еще прибавим лет сто по крайней мере. Получится четверть тысячелетия...

Вот такая она, родовитая московская династия, рабочая из поколения в поколение.

Рабочая... Что это означает? Наверное, не только профессиональную принадлежность. Но прежде всего особую классовую сознательность, верность славным пролетарским традициям. В эти дни, когда вся страна готовится высокопроизводительным трудом отметить Всесоюзный коммунистический субботник в честь 114-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, вместе со всеми на рабочих местах будут 21 апреля трудиться и Телегины.

Фото М. САВИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 13 (2958)

24 МАРТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1984

В НОМЕРЕ:

Мы сразу почувствовали благие перемены, происшедшие в нашей жизни,— впервые в практике годовой план объединения был сформирован за два месяца до нового года.

Так говорит кандидат технических наук Ю. Юшков, генеральный директор научно-производственного объединения «Уралгормаш», включившегося в крупномасштабный экономический эксперимент. Интервью «Горизонты эксперимента» — стр. 4, 5.

«Вместе с ним мы заново постигаем святые понятия — Человек, Родина, Россия, Революция...»

О творчестве выдающегося советского композитора Георгия Свиридова рассказывает В. Кухарский в очерке «Миру нужно песенное слово». Стр. 12—14.

Снегопады в Ферганской долине случаются редко, а этот — грозил бедой...

О том, как развернулась борьба со стихийным бедствием, — фоторепортаж Ю. Романова из Ошской области Киргизии «Свет тревожного солнца». Стр. 10, 11.

«...Ребята должны работать по-настоящему, а не играть в труд», —

считают в ленинабадской школе № 7, о которой рассказывают С. Власов и Э. Эттингер в репортаже «Главный урок» на стр. 15, 16 и на цветной фотокладке.

«Молодожены Игначковы нашлись».

Корреспондент «Огонька» Н. Крылова рассказывает, как по просьбе студентов из Пловдива наш журнал отыскал участников освобождения их родного города. Стр. 8, 9.

«В плену ложной версии».

Под таким заголовком публикуется обзор писем читателей очерка В. Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» и полученные редакцией в связи с этим очерком сообщения о принятых мерах. Стр. 23—25.

Продолжаем печатать приключенческую повесть

Л. Лерова, Е. Зотова и А. Зубова «Конец Сократа». Стр. 28—30.

Во время встречи.

Фото ТАСС

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

20 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко принял находящегося с официальным дружественным визитом в Советском Союзе члена Политбюро ЦК СЕПГ, министра национальной обороны ГДР генерала армии Г. Гофмана.

В ходе встречи, прошедшей в атмосфере братской дружбы и сер-

дечности, были рассмотрены военно-политическая обстановка, складывающаяся в Европе, а также вопросы дальнейшего развития сотрудничества между СССР и ГДР.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

ISSN 0131-8047
РАБОТНИЦА '84

Журналу — 70 лет

70 лет назад в Петербурге начал издаваться журнал «Работница» — первое большевистское массовое легальное издание, призванное поддерживать женское рабочее движение. В том же году — конфискация номеров и запрещение полицией, потом, в 1917 году, выпуск журнала возобновился. Однако гражданская война вновь не позволила «Работнице» выходить вплоть до 1923 года. История журнала созвучна эпохе... В 1917 году в «Работнице» были опубликованы статьи В. И. Ленина...

Семьдесят лет журнал был верным спутником многих и многих читательниц. Начиная «Работница» с тиражом в две-

надцать тысяч, десять лет назад, в шестидесятилетие журнала, выходило в свет двенадцать с половиной миллионов экземпляров, сейчас тираж — около пятнадцати миллионов!

...Увлечательное занятие — перелистывать старые номера. Год 1924-й: «Работница» ведет дискуссию — сможет ли женщина быть подмастерьем? Год 1930-й: журнал агитирует женщин за всеобщую грамотность. Год 1942-й: женщины обсуждают, как лучше помогать эвакуированным ребятишкам...

— А какие проблемы поднимает журнал сейчас?

— Те, которые волнуют сегодня советскую женщину. А их, проблем, стало неизмери-

мо больше, потому что неизмеримо возросла роль женщины в жизни нашего общества, — рассказывает главный редактор «Работницы» З. П. Крылова. — Сейчас подсчитано: в сфере материального производства в нашей стране пятьдесят один процент всех работающих — женщины. И при этом большинство из них продолжают оставаться заботливыми матерями, нежными женами — стоит ли говорить, сколько проблем ставит перед журналом сама жизнь! У нас нет каких-то специфических, феминистического плана проблем: наше не показное, а фактическое равноправие превращает все встающие перед женщинами вопросы в часть народнохозяйственных дел. И это, естественно, отражается в журнале. Возьмем последние номера. — Зоя Петровна перелистывает «Работницу». — Кстати, с этого года изменился макет журнала, его облик, формы подачи материала. Вот обложка: из номера в номер мы как бы воссоздаем стереотип советской женщины, показываем галерею наших современниц. Это стерженщица сталелитейного цеха, директор детдома, знаменитая ткачиха — о них и обложка и очерк в журнале. Героинями будущих номеров станут медсестра, певи-

ца — и так все двенадцать месяцев. Второй обязательный раздел каждого номера — передовая статья, сделанная из... письма читательницы. Почта в «Работнице» поразительно интересная, нам пишут о самом сокровенном, самом важном, а это чаще всего созвучно самым главным проблемам нашего общества...

Еще одна постоянная рубрика — выступление работника государственного масштаба о самых насущных делах, будь то эксперимент в управлении производством, качество товаров широкого потребления или всеобщая диспансеризация. Да, без участия женского труда, разума, интеллекта сейчас невозможно решить ни одну из стоящих перед страной задач... Например, неожиданно для нас, работников редакции, большую почту вызвала рубрика «Азбука экономики» — мы впервые в нашей печати даем ее в форме «деловых игр»: «Каким я вижу бригадира? Как реагировать на грубость начальника?» «Игры» оборачиваются серьезнейшим, полезным разговором...

Семьдесят лет журнала — это возраст острого, современного, умного взгляда на жизнь.

Б. СМЕРНОВ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото автора

Март 1944 года... Частые и нудные дожди, порывистые ветры, снежные вихри, густые туманы, взбухшие реки, раскисшие дороги, вязкий чернозем. По всем канонам науки, исследовавшей опыт прошлых войн, противоборствующие стороны должны зарыться в землю и использовать «климатическую паузу» для подготовки будущих сражений.

Гитлеровское командование возлагало на непогоду особенно большие надежды. «Мы благословляем эту грязь и это бездорожье», — писал один из немецких офицеров, — так как и то и другое надежнее, чем Карпаты и Альпы Трансильвании, прикрывает нас от русских, которые дьявольски активны, и дает нам возможность немножко отдохнуть и оправиться, подготовить им несколько неприятных сюрпризов».

Да, Красная Армия была активна! Одолевая топи, буераки, болота, снежную кашу и пронизывающие ливни, советские воины сбивали арьергардные части врага и упорно рвались на запад. У всех была заветная цель — быстрее выйти к государственной границе! А она была совсем рядом.

23 марта германское информационное бюро распространило такое сообщение: «Между Бугом и Днестром происходили бои местного значения, в ходе которых нами захвачены пленные... Наступающие части большевиков застревают на дорогах или у речных переправ, где они подвергаются бомбардировке». А на самом деле все было иначе. В те же дни командир 16-й мотодивизии фон Шверин, самовольно оставив позиции, в оправдание писал в вышестоящий штаб: «Отступающие солдаты из-за вязкой грязи, доходившей до колен, настолько физически обессилели, что должны были побросать свое личное оружие для того, чтобы вообще иметь возможность передвигаться. Многие падали от истощения и оставались на дороге. В этих условиях солдаты оказались полностью дезорганизованными и деморализованными...»

А наши в этих условиях наступали, да в каком темпе — по сорок — пятьдесят километров в сутки! Войска 2-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева форсировали Днестр и на плечах противника катились к Пруту.

Конечно же, выхода к государственной границе ждали все: танкисты, пехотинцы, летчики, артиллеристы, но больше всего волновались мы, пограничники, — вспоминает сержант запаса, ныне преподаватель одного из московских профтехучилищ, И. Е. Чертков. — Ведь именно наш 24-й погранотряд охранял этот участок границы до войны, и именно он, переименованный в 24-й полк, одиннадцать дней сдерживал врага на этом рубеже. Я служил связистом при штабе отряда и пото-

Ефрейтор В. Стешенко. Спустя сорок лет у пограничного знака.

му был, как говорится, в курсе дел. Первым в четыре часа утра обнаружил противника часовой заставы Василенко. Он бросил две гранаты и на несколько минут остановил врага. Тем временем политрук Баранов поднял заставу в ружье, а сам лег за пулемет. И хотя у противника было десятикратное превосходство в живой силе, пограничники три раза бросались в штыковую атаку. На четвертый раз враг не выдержал и отошел за Прут. Так же яростно сражались пограничники и на других заставах.

Против участка, который охранял наш отряд, было сосредоточено восемь дивизий с артиллерией, танками и авиацией, — продолжает старший сержант запаса, сейчас работающий на Московском радиозаводе, А. И. Варламов, — но мы держались. Потом на помощь подошли армейские подразделения, и мы стали сражаться не только на своей стороне: переправлялись через Прут, брали «языков», а когда понадобилось, выбили противника из дотов и взорвали мост. Героизм был в самом прямом смысле слова массовый. С оружием в руках сражались повара, сапожники, портные, писари. Сапожник Бара-

нов стал отличным снайпером и уничтожил немало солдат и офицеров противника. Отличным связным показал себя повар Костыльгин... Из боя отряд вышел лишь второго июля, уничтожив и ранив одиннадцать тысяч солдат и офицеров, подбив три танка и один самолет.

Через Моздок, Маныч и Сальские степи мы дошли до Террека и повернули назад, — вступает в разговор младший сержант запаса, в настоящее время контролер Карачаровского механического завода, Б. И. Сичан. — Вы не представляете, какой был подъем в полку, когда выяснилось, что мы идем на тот же участок границы, который охраняли до войны. После того, как у Могилева-Подольского переправились через Днестр, многие сняли шапки и пилотки и достали из вещмешков бережно сохраняемые зеленые фуражки. Как моряки, волею судеб воевавшие на земле, поднимаясь в атаку, надевали бескозырки, так и мы, пограничники, надевали свои фуражки в критические или торжественные минуты. А что творилось в подразделениях! Многие начали делать пограничные столбы, стихийно возникло соревнование, кто этот столб установит

первым. Всюду проходили митинги, и вообще счастливее нас, наверное, никого не было. И вот 26 марта вышли к Пруту. Что было дальше, я лично не видел, так как наше подразделение с ходу на плотках переправилось через Прут и пошло дальше.

А я видел повозку, в которой везли пограничный столб, — подхватил И. Е. Чертков, — но как его устанавливали, к сожалению, не знаю — мы тоже форсированным маршем шли вперед. Зато все это хорошо видел командир нашего полка С. Е. Капустин: на встречах ветеранов он не раз рассказывал об этом знаменательном событии. Увы, его уже нет в живых. Те подразделения, которые не получили приказ срочно переправляться через Прут, остановились у взорванного моста. Медленно подъехала повозка 7-й заставы, в ней — окрашенный в красно-зеленые полосы пограничный столб. Начальник заставы лейтенант Запрудский, сержант Логачев, рядовые Меркулов, Кравченко и Дмитриченко спокойно и деловито, будто делают это каждый день, выкопали яму и установили столб. Первый! Самый первый с 22 июня сорок первого года. Произошло это на 1009-й день войны. Всего их будет 1418, впереди еще много тяжелых боев, много побед и салютов, но этот день — исторический.

Безусловно, этот день стал историческим. «Вот она перед нами, долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад погранная врагом», — писала тогда «Правда».

24-й Прутский ордена Богдана Хмельницкого погранполк пошел дальше, он участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, но часть подразделений, преобразованных в заставы, осталась на границе. Тогда же пограничники отправили письмо Верховному Главнокомандующему: «Почти три года назад мы здесь первыми приняли бой с врагами и теперь первыми из пограничников достигли границ нашей священной Родины... Мы обязуемся порученный нам участок границы охранять так, чтобы ни один вражеский лазутчик или другой враг или нарушитель границы, как бы он ни маскировался, не прошел бы через наш рубеж. Границы нашей Советской Родины священные и неприкосновенны».

Двадцатью четырьмя залпами из трехсот двадцати четырех орудий возвестила Москва об этом огромном событии!

Недавно мне довелось побывать в тех местах, где сорок лет назад гремели бои, где советские войска вышли к Пруту, где был установлен первый пограничный знак. Я беседовал с молодыми пограничниками, видел, как собранно и четко несут они свою службу, и воочию убедился в том, что они с честью оправдывают обещание, данное их дедами и отцами, охранять порученный участок границы так, чтобы ни один нарушитель не прошел через их рубеж.

ГОРИЗОНТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

С января этого года в пяти отраслях промышленности — тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической; пищевой промышленности Украинской ССР, легкой промышленности БССР и местной промышленности Литовской ССР — начался крупномасштабный экономический эксперимент. Цель его, расширяя права производственных объединений и предприятий в планировании и экономической деятельности, ускорить тем самым переход на интенсивные методы хозяйствования, повысить темпы роста производства, улучшить качественные показатели работы, создать условия для всемерного развития творческой инициативы людей.

О первых шагах работы в новых условиях Ю. ЮШКОВ, генеральный директор научно-производственного объединения «Уралгормаш», кандидат технических наук, рассказывает в беседе с нашим корреспондентом Галиной КУЛИКОВСКОЙ.

Ю. ЮШКОВ,
генеральный директор научно-производственного
объединения «Уралгормаш», кандидат технических наук

— Нынешний, 1984 год начался для нашего объединения чрезвычайно удачно, мы сразу почувствовали благие перемены, происходящие в нашей жизни. Впервые в практике работы научно-производственного объединения (НПО), и я хотел бы это особо подчеркнуть, годовой план объединения был готов, сформирован по всем статьям еще за два месяца до наступления нового года. Генеральный директор извлек из папки и разложил на столе документы. — Заблаговременно были получены все нормативы, утвержденные на длительный срок, — фонда зарплаты, развития производства, материального поощрения, отчислений в госбюджет... Проект плана тщательно изучали и обсуждали на самых разных уровнях во всех подразделениях объединения, начиная от ученых и конструкторов институтов, инженерно-технических работников заводов до бригад-исполнителей; до мелочей увязывали и утрясали с территориальными органами снабжения, с поставщиками комплектующих изделий, а их у нас огромное количество: автомобили, подшипники, электродвигатели, пусковая аппаратура, резинотехнические изделия, — тысячи наименований. В ходе этой работы полное взаимопонимание установилось с объединением «БелАЗ», Первоуральским трубным заводом и другими предприятиями, не принимающими участия в эксперименте. Шесть раз «обкатывали» план на местах, четыре раза — в министерстве. Результаты налицо: получили надежную гарантию и уверенность в том, что он полностью сбалансирован и стабилен до конца пятилетки, нормативы пересматриваться не будут. Теперь все зависит от нас, от творческой энергии всего коллектива.

Кардинально изменился и сам характер планирования. Отныне во главу угла поставлен не общий объем выпускаемой продукции, а ее реализация с учетом поставок в срок и высокого качества по обязательствам и договорам, заключенным с заказчиками. При этом учитывается не процент вы-

полнения плана, как было до сих пор. Тогда получалось, что человек ходил на работу, чтоб гнать эти самые проценты. Теперь главное — не просто сколько станочник выточит деталей и сборщик соберет узлов, а каких деталей и узлов, чтобы они строго соответствовали номенклатуре к конкретным машинам, нужным потребителям. Каждый работающий должен знать, как это отразится на зарботке, условиях труда в цехе, какой выигрыш получит в итоге завод. Это он должен точно знать! То есть эксперимент, и в этом его колоссальное непреходящее прогрессивное значение, которое даже сейчас, в самом начале, невозможно переоценить, будет изменять психологию людей и привычное их мышление, перестраивать на экономический лад, научит видеть далеко, беспокоиться об общегосударственных делах своего коллектива. Так появляется экономическая заинтересованность человека в результатах своего труда. Вот что я, как руководитель, ценю больше всего в эксперименте. С радостью могу сообщить, что у нас многие рабочие коллективы активнейшим образом восприняли постановление партии и правительства о проведении эксперимента и сочли конкретное участие в нем своим долгом, своей обязанностью. Бригада слесарей-сборщиков Карпинского машиностроительного завода, возглавляемая Василием Антоновичем Жуковым, открыла в этом году лицо с учетом экономии материалов и трудовых ресурсов и взяла на себя коллективную ответственность за поставку изделий, которые она делает для горняков. В соответствии с такими обязательствами в этом коллективе пересмотрели порядок распределения премиальных средств...

...Мы беседуем с Юрием Ивановичем Юшковым, вызванным из Свердловска телеграммой, в кулуарах Министерства тяжелого и транспортного машиностроения в день работы коллегии по итогам ушедшего года. Для молодого НПО «Уралгормаш» (ему нет еще и семи лет) и еще более молодого по стажу генерального директора (он тут всего три года) 1983-й был

удачным. Поставки по договорам объединение завершило на 99,4 процента, а два завода — Карпинский и опытный — на все сто! Такого еще у них не было! Столь же успешно были не только выполнены, но перевыполнены все технико-экономические показатели. Темпы роста производства значительно выше, чем в первые два года пятилетки, и полностью достигнуты за счет роста производительности труда — она поднялась на семь процентов, это при трех с половиной процентах общесоюзных! Мы, конечно, поинтересовались: за счет чего? «Организационно-технических мероприятий и улучшения технологии производства», — был ответ. — Пустили участок изготовления модельной оснастки из пластмасс и внедрили метод порошковой металлургии на Карпинском заводе, а на Пермском заводе горно-шахтного оборудования — специализированный участок станков с числовым программным управлением. В Кыштыме вошли в строй специализированный участок по производству товаров народного потребления и участок точного сталеного литья, а это не только рост производительности труда — высвобождено 53 человека, но и экономия металла. Замковое соединение для нефтяников начали делать не из круглого проката, а из полой трубы, расход стали снизился на треть. Кстати, у нас разработана специальная программа по экономии металла. А это означает, что есть еще один показатель нашей работы с плюсом...

Тут уместно сказать, что добрая слава идет и о машинах и оборудовании, созданных в НПО. Именно тут, в стенах Свердловского института горного и обогащения машинного машиностроения, впервые в мировой практике родился комплекс машин на монорельсовом ходу, который, как писала «Правда» в своей передовой, «обещает переворот в отработке крутопадающих жильных месторождений». Испытания на руднике «Чадак» в Узбекистане показали, что производительность труда этот комплекс увеличивает в три-четыре раза, а себестоимость извлекаемой руды

снижается на тридцать процентов. На угольные карьеры Экибастуза поступил на смену старому новый, шнеково-бурильный станок СБР-160А. Он работает в комплексе с роторным экскаватором, высокопроизводителен, надежен и создает комфортные условия для рабочего. Другой станок, ударно-канатный БС-2 прошлого года рождения, успешно трудится на БАМЕ — готовит под опоры мостов и путепроводов сваи большого диаметра.

Что же касается выполнения программы социального развития, то достаточно перечислить новые жилые дома, большой детский сад, животноводческие фермы, теплицы... По всему этому можно заключить, что объединение вступило в экономический эксперимент основательно подготовленным, на крепкой материальной базе и с солидным творческим заделом.

— Словом, показатели работы НПО настолько хороши, что вряд ли их сможет улучшить участие в экономическом эксперименте, — не без лукавства подзадумав Юшкова, заранее предвидя шквал возражений, которые последуют. С Юрием Ивановичем мы встречались и ранее, года полтора назад, и до сих пор не изгладились из памяти его сетования на ущемление прав трудового коллектива в использовании заработанных фондов, несправедливое отношение к предприятиям, берущим напряженный план и волею случая оказавшимся в цейтноте, в то время как иные, отстоявшие облегченную программу, остаются в выигрыше и торжествуют, предвкушая премии и почести...

Юшков разгадал мой замысел:

— Напротив. Вот только сейчас мы и вздохнем, возьмемся за работу, засучив рукава. Ведь руки у нас были связаны! Давайте сопоставим. За последние годы принимался ряд важных документов, направленных на улучшение работы промышленности и интенсив-

О ЧЕМ СПОРЯТ
ЭКОНОМИСТЫ

«Поиск». Так называется недавно вышедшая экономическая повесть доктора экономических наук, профессора Д. Валоого. Прежде всего поиском является сам жанр, преодолевающий традиционные границы. Это публицистика, соединяющая глубокое научное исследование с яркой и общедоступной формой его изложения. Герои повести заняты проблемами экономической науки и ее применением на практике. Они действуют на таком несправедливо обойденном вниманием художественной прозы поприще, как механизм управления экономикой.

Но главный поиск, разумеется, не в форме. В повести речь идет о поиске наиболее эффективных методов хозяйствования, показателей планирования и оценки работы производственных коллективов в 50-е и 60-е годы. Для этого использованы материалы реальных экономических дискуссий того времени. Из большого круга проблем отобраны такие, которые представляют интерес и практическое значение для решения и нынешних задач совершенствования руководства производством в свете указания февраль-

ского (1984 года) Пленума ЦК КПСС о необходимости серьезной перестройки системы управления экономикой, всего нашего хозяйственного механизма. Основное внимание автор сосредоточил на показе научной необоснованности валового подхода для оценки работы производственных коллективов.

Герой повести, фронтовик Васильев, после демобилизации работал в строительном управлении и заочно учился, а после окончания института стал директором завода. В институте его учили: чем дешевле выпущенная продукция, тем лучше! А на практике оказалось: чем дороже, тем лучше! Снижение затрат вело к ухудшению основных показателей работы коллектива. Сделав экономический анализ на заводе, Васильев установил: бывший директор слишком увлекся удешевлением продукции. Это привело к уменьшению объема валовой продукции, а следовательно, и к снижению производительности труда, которая определяется выработкой в рублях на одного рабочего. Уменьшился и фонд зарплаты, который также исчисляется по валу.

Интересно задумана и решена встреча молодых ученых, обсуждающих актуальные проблемы руководства экономикой.

Дмитрий Валоого. Поиск. М., «Молодая гвардия», 1983, 366 с.

ное развитие всех отраслей экономики. В печати очень много было выступлений о расширении прав трудовых коллективов и хозяйственников, об инициативе и предприимчивости. Предприятия изыскивали резервы для увеличения объемов производства. Но как только дело доходило до распределения плодов ударного труда, то нередко они оказывались отобранными у этого коллектива и перераспределены между другими. Люди теряли веру, это подрывало авторитет хозяйственников. А сколько планируемых, ограничивающих самостоятельность показателей! Практически любой пункт деятельности предприятия запрограммирован. Получается парадокс: с коллектива спрашивают результаты его деятельности, а все остальное за него решают другие. Дело в том, что на сегодня не существует достаточных юридических гарантий охраны прав предприятий. В их хозяйственную деятельность вмешиваются многие организации, не неся никакой ответственности за возникновение моральных и материальных потерь в результате своих действий. Главное для них процент плана, а не экономика. И получается, что слова и дела не идут в ногу.

Теперь на предприятиях, включившихся в экономический эксперимент, положение в корне меняется. Наше министерство, Минтяжмаш, — а надо сказать, что оно очень много делает для проведения эксперимента, — ограничило количество утверждаемых показателей, и некоторые из них мы разрабатываем самостоятельно. Вследствие того, что нормативы, легшие в основу плана, в разработке которого участвовал коллектив, переутверждению и изменению не подлежат и главный из них норматив заработной платы на рубль продукции, — фонды предприятия (заработной платы,

социального развития, технического перевооружения, развития производства) поставлены в прямую зависимость от конечных результатов, достигнутых коллективом. Как заработаем — так и получим. Выполним поставки по договорам, — а каждый процент перевыполнения сулит 15 процентов прибавки к фонду материального поощрения, — снизим себестоимость и трудоемкость наших машин — никто не отберет! Все будет наше. Начнем зарабатывать свои фонды. И сами будем их распределять.

— Пожалуй, Юрий Иванович, об этом поподробнее.

— Администрация по согласованию с профсоюзным комитетом имеет возможность из фонда заработной платы поощрять высококвалифицированных рабочих, занятых на ответственных участках, — разрешена надбавка к тарифной ставке. Стимулируются инженерно-технические работники и служащие, те, кто активно внедряет новую технику и технологию — снижает затраты на производстве, повышает качество и т. д. Доплаты будут уменьшены или отменены, если отношение к делу у человека ухудшится. Разрешено оплачивать совмещение профессий и должностей как рабочим, так и инженерам, служащим без утверждения в вышестоящих организациях. Коллектив сам распорядится фондом социально-культурного и жилищного строительства. Сами решим, что для нас строить в первую очередь — пионерлагерь, кафе или школу.

— Да, теперь у вас широкое поле деятельности. Но и ответственность возросла!

— И она должна быть на всех уровнях, во всех службах, заводах и цехах. Включаясь в эксперимент, мы видим самое сложное наше «поле» в воспитании у каждого труженика интереса к экономике, возбуждении его инициати-

вы. Только при этом научимся объективно оценивать состояние наших дел, научимся считать, знать затраты и результаты в каждом самом малом звене коллектива. Каждый работник НПО, будь то плановик, сборщик или конструктор, должен иметь свой хозяйственный план. Тут, конечно, предстоит самое кропотливое — работа с людьми. И что греха таить, на многих предприятиях она не на таком уровне, на каком бы хотелось ее видеть. Тут мы возлагаем все надежды на общественные организации, на профсоюз и комсомол.

— Вы еще ничего не сказали о мозговом центре НПО. «Уралгормаш» — научно-производственное объединение с двумя институтами, в Свердловске и Перми. В них разрабатываются конструкции новых машин. От качества и технического уровня их во многом зависит прогресс некоторых других отраслей народного хозяйства, особенно горнодобывающих...

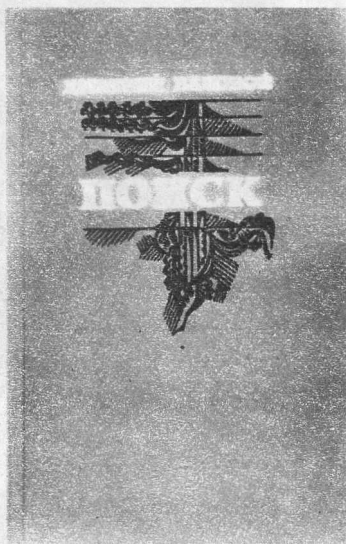
— К этому вопросу я и собирался перейти. Дело в том, что «Уралгормаш» относится к тем объединениям, которые в экономической литературе получили название смешанного типа. И вот почему. Кроме институтов и двух опытных заводов, у нас есть еще четыре машиностроительных завода с серийным производством техники. На первый взгляд при такой структуре как будто бы идеальные условия для самого быстрого внедрения и освоения выпуска новых машин: спроектировал, построил на опытном заводе экспериментальный образец, испытал — и можно в серию. Но не все так гладко, как на первый взгляд. В этой стройной цепочке нет чрезвычайно важного звена — развитой технологической службы объединения. Дело в том, что это объединение было создано на базе конструкторского института, неспособного решать вопросы технологической экспертизы вновь создаваемых проектов и разрабатывать предложения по улучшению технологических узлов и деталей проекта целевых машин. Это приводит к тому, что многие «новинки» не технологичны, а следовательно, трудоемки. Но даже если не вдуматься, обнаружится такой изъян, все равно для изготовления «новинки» нужна технологическая оснастка. Ее надо разрабатывать на стадии проектирования. Тогда на создание и внедрение машины уйдет в среднем не шесть лет, за которые она может уже морально устареть, а срок в два раза меньше. Проблема эта весьма актуальна не только для нашего НПО, но и для других научно-производственных объединений, а их в стране 250. Второй путь масштабной интенсификации производства — строгая специализация наших заводов. В их номенклатуре встречаются машины и механизмы, имеющие весьма отдаленное отношение к горной технике. Вот и получается, что Карпинский завод, к примеру, только на 15 процентов удовлетворяет потребность промышленности в зарядных, остродефицитных, машинах. Если б завод занимался только ими, то резко бы повысилась производительность труда, снизилась их себестоимость, а качество машин возросло, что позволило бы резко снизить трудоемкость в горнодобывающей промышленности. Наши ученые подсчитали, что при осуществлении только двух этих мероприятий — специализации и технологической службы — в ближайшие семь лет, до

1990 года, государство получило бы экономический эффект до 85 миллионов рублей.

— А как обстоит дело с фондом развития науки и техники?

— Мы его создаем, он нам очень нужен для повышения технического уровня производства. К решению этих вопросов подключаем научный потенциал наших институтов. Отделам даны конкретные задания. Созданы рабочие группы из лучших специалистов. Они проведут экономический анализ выпускаемой заводом продукции по ее совершенствованию, снижению материалоёмкости и трудоемкости изготовления. Стремясь приблизить науку к производству, создаем подразделения институтов непосредственно на заводах. Психология проектантов, конструкторов тоже перестраивается на экономический лад. Творцы новых машин с начала до конца участвуют во внедрении своих детищ и в запуске их в серийное производство, на ходу корректируя отдельные узлы и оперативно решая возникающие вопросы. В этом принципиальное отличие институтов НПО от самостоятельных научно-исследовательских и проектных учреждений. Я уверен в том, что научно-производственные объединения, состоящие только из институтов и опытного производства, не могут эффективно связать науку и производство. Какими бы значительными ни были результаты научной деятельности, без своевременного и широкого их практического внедрения они лишь красиво оформленные проекты...

На что бы еще мне хотелось обратить внимание? Качественные изменения, происходящие в экономической жизни страны, подсказывают мысль о том, что система управления промышленностью устарела. Сложившись четверть века назад, она уже не способна удовлетворять и эффективно обслуживать производственные отношения сегодняшнего дня, работает с большими пробуксовками и требует существенного обновления. Наука об управлении и организации производства отошла от жизни в область теорий. Над нами, первичным звеном промышленности, навис огромный аппарат, который уже стал тормозом в работе предприятий. А ведь успех каждого из них во многом зависит от уровня и качества руководства. Пока же процветает дублирование производственных функций министерства, объединений и подчиненных им заводов. До сих пор нет четкой регламентации отношений между ними. Я уже говорил о столкновении местных, региональных и ведомственных интересов. Все эти проблемы ждут решения. И еще. Включившись в эксперимент, мы начали большое государственное дело. Естественно, что на нашем пути могут встретиться подводные камни и рифы. Нам, руководителям объединений и предприятий, следует осмысленно и грамотно пользоваться предоставленными нам правами. При этом не следует забывать, что эксперимент не догма и требует совершенствования и корректив, что предстоит колоссальная работа по его широкому распространению. Мне по душе то внимание, которым окружены участники эксперимента со стороны партийных и хозяйственных органов, и это вселяет уверенность в успех.

Здесь наряду с исследователями выступают директор предприятия, председатель колхоза, управляющий строительным трестом. Используются достоверные материалы. Наиболее принципиальные позиции автор воспроизводит в высказываниях и мыслях ученых. В собиравшихся образах героев прослеживаются позиции известных современных экономистов. Устами Кузнецова и Бельского, например, говорят экономисты, выступающие за повышение ро-

ли прибыли и ее превращение в главный оценочный показатель. Масобин и Ермых представляют противников использования товарных отношений при социализме. Сам же автор отстаивает необходимость сочетания стоимостных, натуральных и трудовых показателей — укрепления централизованного планирования и управления.

В конце повести ее герой объявляет о намерении провести заседание «Делового клуба», чтобы обсудить итоги экономической реформы и проблемы дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма. В этой связи хотелось бы пожелать автору реализовать замечание одного из героев повести, Венедиктова, приглашать на такие заседания «представителей центральных экономических ведомств, включая авторов инструкций и других нормативных документов», чтобы иметь возможность рассказать затем о ведомственных интересах и позициях, которые далеко не всегда совпадают с общественными. Такой разговор особенно необходим в связи с проводимыми сейчас глубокими экономическими перестройками, хозяйственными экспериментами, успех которых во многом зависит от адаптации к новым требованиям экономических ведомств.

Книга Д. Валового представляет интерес для широкого круга читателей, стремящихся разобраться в актуальных проблемах советской экономики, выработать современное экономическое мышление, стать инициативнее, работать эффективнее.

П. БУНИЧ,
член-корреспондент Академии наук СССР

КУКРЫНИКСЫ-84

Страну пытаются толкнуть
На авантюрно-скользкий путь.

Дм. Дёмин

Фото АП — Джапан пресс — ТАСС

ЛИВАН

Израильская военщина, подстрекаемая и поддерживаемая Соединенными Штатами, продолжает бесчинствовать на юге Ливана. Командование оккупантов провело массовые обыски и аресты, отдало приказ о закрытии в Сайде морского порта.

На снимке: израильский патруль на территории морского порта в Сайде.

ЯПОНИЯ

«Американскому ядерному оружию не место на Японских островах!» — под таким лозунгом в стране набирает силу движение за срыв планов Вашингтона оснастить базирующиеся в японских портах корабли 7-го флота США крылатыми ракетами «Томагавк». Каждая такая ракета, установка которых начнется с июня нынешнего года, может нести ядерный заряд, в 15 раз превосходящий по мощности атомную бомбу, сброшенную американской военщиной на Хиросиму. Вооружение этим смертоносным оружием надводных кораблей и подводных лодок, базирующихся в портах Йокосука, Сасебо и на Окинаве, таит в себе, как подчеркивает газета «Акахата», серьезнейшую опасность для населения страны.

На снимке: демонстрация протеста жителей города Йокосука против оснащения крылатыми ракетами кораблей 7-го флота США.

САЛЬВАДОР

Правительство США намерено резко расширить политическое и экономическое вмешательство в дела Центральной Америки. Такова цель объявленной Рейганом новой программы по этому региону. Мероприятия администрации основаны на рекомендациях так называемой «комиссии Киссинджера», созданной для оправдания агрессивного интервенционистского курса США в этой части земного шара. В ее рамках только в виде прямой военной помощи сальвадорская диктатура в 1985—1989 финансовых годах получит 376 миллионов долларов. В страну будут направлены крупные партии современного американского оружия, а также многочисленные «инструкторы» по обучению головорезов тактике антипартизанской войны.

На снимке: сальвадорские каратели, обученные американскими «инструкторами», проводят очередную облаву.

Этот снимок прислали в «Огонек» студенты из болгарского города Пловдив. На фотографии себя узнали жених с невестой и их одноклассники.

Свадьба Игначковых.

МОЛОДОЖЕНЫ ИГНАЧКОВЫ НАШЛИСЬ

Н. КРЫЛОВА

Николай Капитонович Игначков был на работе, когда раздался телефонный звонок.

— Вы в Болгарии воевали? — спросил сослуживец.

— Воевал.

— А город Пловдив освобождали?

— Освобождал.

— Так это не ваш ли снимок в «Огоньке» напечатан?

Николай Капитонович Игначков спустился в заводскую библиотеку, открыл журнал... и оказался в солнечном октябре сорок пятого. Поезд шел из Пловдива в Софию. Бравый лейтенант в лихо надвинутой на чуб пилотке ехал туда, чтобы в советской миссии зарегистрировать брак с медсестрой Аней. По торжественному случаю невеста принарядилась: вместо гимнастерки на ней была блузка, собственноручно сшитая из какой-то шторы.

А когда молодожены Игначковы вернулись в Пловдив, в расположение своей части, их ждал сюрприз: офицеры, товарищи Николая, устроили для них свадебный стол. Были и цветы невесте, и вино, и патефон. Вот за тем столом и была сделана фотогра-

фия, что тридцать восемь лет спустя появилась в «Огоньке». Ее прислали в редакцию вместе с двумя другими снимками советских воинов — освободителей Пловдива студенты экономического техникума имени Васила Левского. Техникум этот находится у подножия холма, на котором стоит «Алеша» — почитаемый и любимый в Болгарии памятник советским воинам. Уже несколько лет продолжается экспедиция «Ищем тебя, Алеша», цель которой — разыскать участников освобождения Болгарии. Заметка в «Огоньке» называлась «Освободители Пловдива, отзовитесь!». И они отозвались.

«Молодожены на снимке в 36-м номере журнала — это мы», — написали в редакцию Николай Капитонович и Анна Алексеевна Игначковы из Гомеля.

...Они встретили меня на вокзале и повезли к себе домой, на улицу Сосновую. У них большая дружная семья — два сына и дочь, пятеро внуков.

Их биография — это биография поколения, которое вынесло на своих плечах войну. После десятого класса паренек из сибирского

села пошел в армию. Артиллерийское училище в Ленинграде, ускоренный выпуск — война уже полыхала на нашей земле, — и свежеспеченный лейтенант отправляется на фронт. Боевое крещение командир взвода Игначков получил в донских степях. Освобождал Запорожье, Никополь, Одессу. За Ясско-Кишиневскую операцию получил «Красную звезду», а еще раньше, под Сталинградом, — «За отвагу». Фронтowymi дорогами прошел Молдавию, Румынию.

— Никогда не забуду, как встречали нас в первом болгарском селе, — вспоминает ветеран. — Названия его я не запомнил, где-то возле Добрича (теперь город Толбухин), а день тот навсегда в памяти остался. Все село высыпало на улицу. Наши машины шли как в живом коридоре. Радость переполняла людей. «Добре дошли, братушки!» и сейчас у меня в ушах звучит.

Он рассказывает, как ликующая толпа остановила колонну, как начался стихийный митинг, как затащили их в подвалчик, стали угощать каким-то необыкновенным вином. Наверное, то было просто

доброе болгарское вино, а необыкновенным оно казалось потому, что ведь это было вино Победы.

...Их часть уже громила фашистов на территории Югославии. Здесь, на кукурузном поле, лейтенант Игначков был ранен очередью из автомата. Его отправили в госпиталь, который находился в Пловдиве. Рана оказалась серьезной, лечиться пришлось долго. Но все равно Николай Капитонович вспоминает то время как счастливое. В госпитале он встретил Аню и отпраздновал Победу.

— После того как пал Берлин, мы со дня на день ждали сообщения о конце войны. И вот этот день наступил! — вспоминает Николай Капитонович. — Все раненые, кто только мог ходить, оказались в ресторанчике, что был недалеко от госпиталя, на горе. Туда вела крутая лестница, и начальник госпиталя — он тоже с нами праздновал — вызвал автобус, чтобы отправить раненых обратно в палаты.

Госпитальная палата. Там они познакомились, когда синеглазая сестричка пришла перевязывать раненого лейтенанта. Сколько их, раненых, прошло через ее руки! Она была ровесницей болгарских ребят из техникума имени Васила Левского, когда, окончив курсы медсестер, начала работать в госпитале. Зарплату отдавала в Фонд обороны. Потом — фронт, полевой госпиталь. С ним и дошла до Пловдива.

Анна Алексеевна достает награды — мужа и свои, выкладывает на стол семейные альбомы. Листаю их, и с фотографий на меня смотрят молодые лица. Фронтвые снимки. Первые послевоенные. Друзья, одноклассники, родные. Дети, а на последних страницах — внуки.

— А где же свадебный снимок, тот, что в «Огоньке» появился? — спрашиваю.

— Его у нас и не было, — отвечают молодожены Игначковы.

— Как же он попал к пловдивским студентам?

Ответ на этот вопрос — в письме болгарской журналистки Вербы Чавдаровой. Корреспондент газеты «Комсомолска искра», она собрала много материалов о советских воинах, участниках освобождения Болгарии. Скоро должна выйти ее книга. Отрывок из книги был опубликован в болгарской печати, и ребята из Пловдива попросили у Вербы несколько адресов. Она послала им три снимка, те самые, что опубликовал «Огонек». А фото свадьбы Игначковых ей передал одноклассник Николая Капитоновича Петр Лихтман в Одессе, на встрече ветеранов бывшей 46-й гвардейской пушечной артиллерийской Запорожско-Одесской Краснознаменной ордена Суворова II степени бригады. Никто из участников встречи не знал, где сейчас Игначковы. После войны одноклассники потеряли друг друга из вида.

«Как я обрадовалась вашему письму, — пишет Верба Чавдарова Игначковым. — Так долго я вас искала, и вот наконец мы можем разговаривать, пока только в письмах... Я очень рада, что вы живете дружно и что любовь, родившаяся в нашем городе, жива в ваших сердцах. Понимаю, как вам хочется увидеть Пловдив, и могу уверить, что это желание сбудется». Николай Капитонович показывает мне письма от одноклассников, ко-

...и сегодня.

Молодожены в 1945 году

В. Суриков. 1848—1916. КАЗАК В ЛОДКЕ. Этюд к картине «Степан Разин».

Куйбышевский художественный музей.

Н. Касаткин. 1859—1930. ДОБРЫЙ ДЕДУШКА.

Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева.

которые отозвались на публикацию «Огонька». Я уже знаю их имена, они написали в редакцию, и я всем сообщила адрес молодоженов.

— Это из Пензы, от Володи Брилевича. Самый близкий мой фронтовой друг. С ним в артиллерийском училище на одной парте сидели, с ним всю войну провоевали.— Николай Капитонович вынимает из конверта фотографии.— Вот он, Володя. А это его жена. У них два сына, двое внуков. И я ему послал нашу с Аней фотографию. Володя мне сразу же ответил: «Дорогой Николай Капитонович! Сколько радостного волнения доставило твое письмо! В нем так много дружеского тепла, что я понял: Игначков Коля остается прежним другом, хотя с фотографии на меня смотрит лицо, мало похожее на Николая 45-го года. Лицо Ани сохранило больше знакомых черт. Как бы ни было, вы оба мне понравились: не старые, а красивые, бывалые люди».

А вот письмо из Дагестана: «В центре — наша невеста Аня, рядом с женихом Брилевич, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Плотников. Слева, откинувшись на спинку стула, — я, гвардии лейтенант Магомед Букаров. Справа в глубине снимка виден патефон. Его принесли болгарские друзья, они тоже были на свадьбе».

Сейчас я уже на пенсии, но продолжаю работать начальником Магарамкентского управления оросительных систем. Имею восемь детей, десять внуков. С «Огоньком» — продолжает автор письма, — у меня давние связи, вот уже 35 лет я его подписчик».

«На снимке в «Огоньке» я второй слева, — пишет Иван Митрофанович Коцулал из Фастова, бывший командир батареи топографической разведки. — Так давно и так близко! Как увидел в «Огоньке» снимок, стал искать свои фронтовые фотографии. Брилевича нашел, твою — ты в ките с гвардейским знаком и в фуражке...»

У меня два сына и дочь, как у вас с Аннушкой. Получил письмо от Володи Брилевича. Жизнь мы прожили не напрасно. Нам уже за шестьдесят, но если Родина прикажет, готовы снова встать в строй.

Ты, Николай Капитонович, самый старший из нас по званию, тебе и карты в руки, назначай время и место встречи».

Так почти сорок лет спустя соединили однополчан пловдивские студенты.

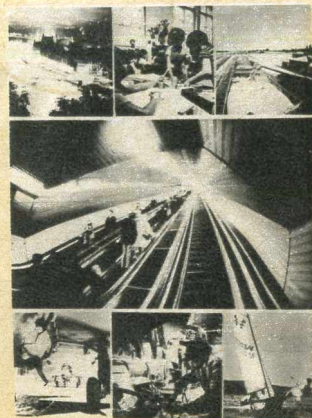
II курс Б, который прислал снимки в «Огонек», носит имя ленинградки Веры Кукуверовой, героини погибшей во время Великой Отечественной войны. «Мама ее жива, мы переписываемся с ней. Погибшие вечно остаются молодыми. Вечная память тем, кто отстоял мир для нас», — пишут болгарские ребята. Они благодарят «Огонек» и сообщают: «Теперь у нас созданная небольшая архив, в нем снимки, письма, вырезки из фронтовых газет. Откликнулись и дочери капитана Шутева, первого советского команданта Пловдива. Его самого уже нет в живых. Мы получили много писем от освободителей нашего города. И в каждом письме наказ нам, молодым: берегите мир!»

фотокамера друзей

Сегодня — премьера рубрики. Учитывая пожелания, мы начинаем знакомить читателей «Огонька» с работами фотомастеров братских социалистических стран. Первым в «Огоньке» выступает ведущий фоторепортер венгерского еженедельника «Орсэг-вилаг» Шандор КОВАЧ. Он — лауреат многих фотовыставок у себя в стране и за рубежом, неоднократно бывал в Советском Союзе. Те, кто в Венгрии регулярно читает «Орсэг-вилаг», совершили с его помощью заочные путешествия на Дальний Восток, Камчатку и Сахалин, побывали на Кавказе и в Средней Азии, многих городах нашей необъятной Родины.

На четвертой странице обложки этого номера «Огонька» вы видите фотографии Шандора Ковача, которые знакомят с сегодняшним днем его родины — Венгерской Народной Республики.

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ НАШЕЙ

Корнел ХАЙНАЛ,
главный редактор венгерского еженедельника «Орсэг-вилаг»

Мне довелось видеть Будапешт в февральские дни 1945 года, когда в городе только смолкли оружейные раскаты, но еще не рассеялись черные дымы пожаров. Не верилось, что фашистская ночь наконец позади и наступает новый, светлый день. Как не верилось, что разрушенный во время штурма Будапешт сможет быстро залечить военные раны. Сколько бы лет ни прошло с той поры, я всегда буду помнить 4 апреля. Тот самый день, когда с прошлым было покончено навсегда. День освобождения моей страны!

...Осенью исторического года освобождения Венгрии войсками доблестной Советской Армии в Будапешт приехал хор под управлением Александра Свешникова. Со сцены восстановленного к тому времени Дома офицеров солдаты в своих белоснежных с вышивкой платьях пели русские классические и народные песни. Не знаю, что они чувствовали в тот момент, но отлично помню реакцию аудитории. В зал пришли люди прямо с улиц, лежавших в руинах: они сидели в поношенных пальто, плотно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, и слушали. Поначалу в напряженном молчании, затем зал сотрясали бурные овации. Особенно горячо были встречены народные песни. В них сразу же слушатели распознали ритм жизни другого, пока что еще не совсем знакомого народа, глубину его духовного мира.

Слова песен никому не были знакомы, но все превосходно понимали их ритмику и эмоциональный строй, дружно подпевали хором. Безошибочно зал отгадал скрытую в песнях печаль и радость, те тончайшие полутона, что уходят корнями своими в далекое прошлое.

Так соприкоснулось друг с другом свободное дыхание двух народов... Не перестаешь удивляться и даже восхищаться, видя, как жизненные порывы двух людей сливаются воедино, взаимодействуют, не теряя индивидуальных особенностей, взаимно до-

полняя и обогащая друг друга. Так бывает, когда возникает подлинная дружба. Не только между двумя людьми — между народами разных стран. Тем радостнее, когда мы оказываемся свидетелями мгновений, предопределяющих весь последующий ход нашей жизни, потрясающих наши чувства... Позабывать такие мгновения невозможно.

По-своему знаменательной была осень 1980 года. В Венгрии проходили Дни советской культуры — в ответ на Дни венгерской культуры, состоявшиеся годом раньше в Советском Союзе. Заключительный концерт в будапештском театре имени Эркеля открывает оркестр Ленинградской филармонии под управлением дирижера Юрия Темирканова.

Звучит венгерский национальный гимн. Обычное в таких случаях протокольное вступление перед началом обширной концертной программы превращается в настоящее чудо! Ленинградцы играют так, что потрясают всех до глубины души. Гениальные сочинения Эркеля раскрываются во всей полноте своего богатства. Я слежу за лицами людей — на глазах у многих слезы...

Не так давно французская национальная академия грамзаписи наградила призом «Золотой Орфей» один из выпущенных в Венгрии оперных дисков. Знаком высокого международного признания отмечена запись шедевра Белы Бартока — оперы «Замок герцога Синяя Борода» в исполнении оркестра Венгерской государственной оперы под управлением Яноша Ференчика. Главные партии исполнили — на венгерском языке — солисты Большого театра Союза ССР Евгений Нестеренко (Герцог) и Елена Образцова (Юдит). Всемирно известные мастера вокала, представ однажды перед взыскательной венгерской публикой, стали ее любимцами. Движимый искренним восхищением, Янош Ференчик говорил: «Работать с такими певцами — ни с чем не сравнимое наслаждение. Одно то,

что они пели на языке оригинала, само по себе говорит, как близко к сердцу восприняли свою работу вокалисты с мировой славой».

И снова мы говорим о слиянии жизненных ритмов двух народов... Венгерские пьесы идут во многих советских театрах. Несколько лет назад в Ленинградском драматическом театре имени Горького роль Городничего в «Ревизоре» сыграл на венгерском языке Ференц Каллаи, а ту же роль по-русски в спектакле, поставленном в будапештском Национальном театре, — ленинградец Кирилл Лавров. Публика превосходно понимала обоих актеров.

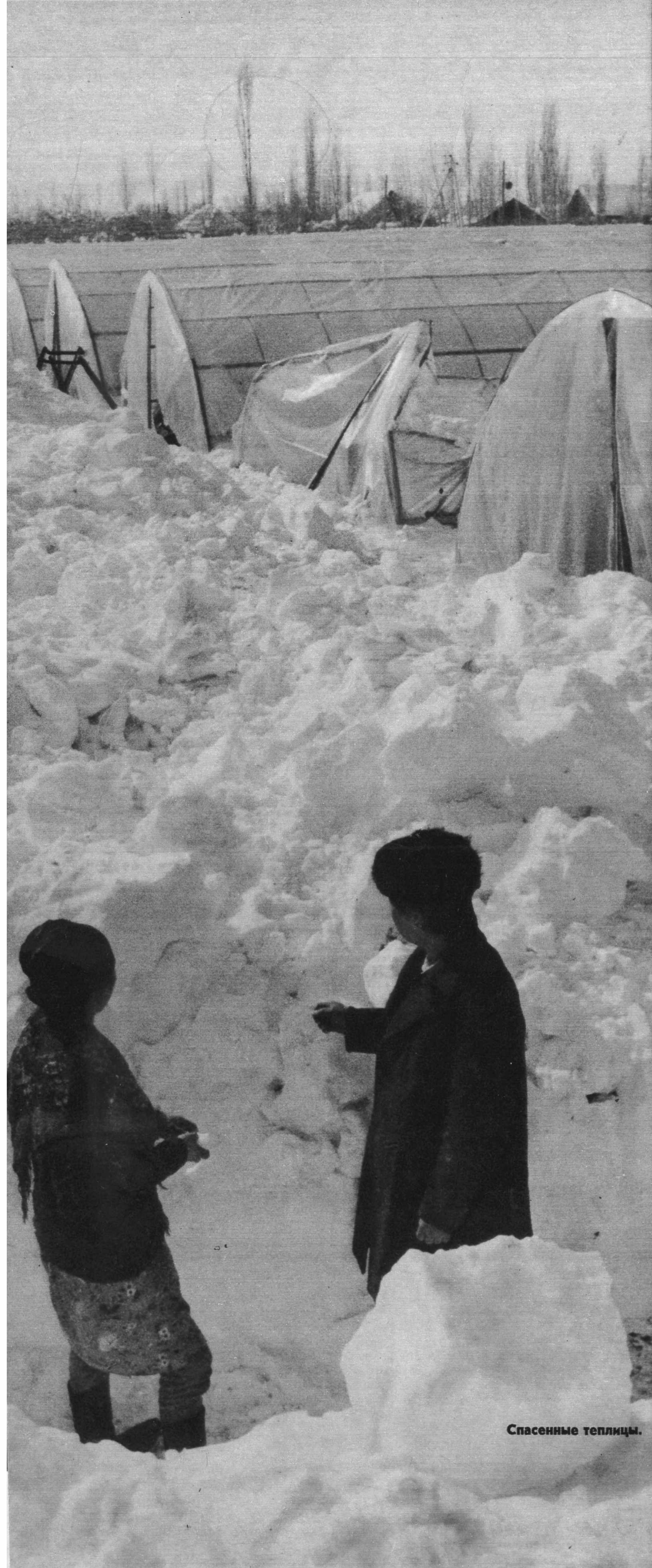
Я мог бы написать о том, как благодаря советам Галины Улановой и ее восхитительному сценическому мастерству получил замечательное развитие наш классический балет; о том, как личными знакомыми, друзьями многих венгров стали такие большие художники, как Сергей Образцов, Игорь Моисеев, Борис Александров, Аркадий Райкин, оба Ойстраха — отец и сын.

В прошлом году на сессии Межправительственной советско-венгерской комиссии по культурному сотрудничеству были обсуждены вопросы дальнейшего углубления совместной творческой работы в книгоиздании, кинематографе, театре, литературе, изобразительном искусстве, музыке. В ходе сессии подписан протокол с рекомендациями комиссии на ближайшие пять лет.

Взаимное глубокое ознакомление с жизнью наших народов, уважение к духовным сокровищам, ими созданным, — вот что главное в культурных связях двух дружественных стран. Почти за сорок лет, прошедших со времени освобождения моей страны Советской Армией, сделано много. А предстоит сделать еще больше, чтобы наполнить нашу прекрасную жизнь теми бесценными, незабываемыми мгновениями, ради которых, собственно, и живем.

Будапешт.

Спасенные теплицы.

СВЕТ ТРЕВОЖНОГО СОЛНЦА

**с места
события**

Юрий РОМАНОВ,
фото автора

Пошел снег. Ну и что? Снег зимой, кого этим удивишь? Но в данном случае нужно учесть одно обстоятельство. Снегопад в Ошской области Киргизии в это время года последний раз был в 1929 году. Конец февраля в Ферганской долине — это весна! Через несколько дней земля должна была бы принять в свое лоно первые семена.

Да, этот снегопад грозил бедой. Деревья склонились под белой тяжестью. Провода провисли и полетались. А снег все шел и шел. Час за часом, день за днем.

Дороги в здешних местах идут по ущельям, вдоль порожистых рек. Тонкие их ниточки сплетаются в населенных пунктах, и кажется, что на громады гор накинута сеть. Но сплетенную людьми сеть рвали тысячетонные снежные лавины, рухнувшие с гор в ущелья.

...Здание облисполкома. Третий этаж. Кабинет председателя Абди-

Вертолет привез корма.

ваита Таджикибаева. Которые сутки здесь не гаснет свет. Товарищ Таджикибаев возглавил группу по борьбе с заносами. Говорит по телефону голосом, севшим от напряжения. Телефоны звонят беспрерывно.

...Центральная усадьба совхоза «Ак-Джар». Самое короткое за историю хозяйства собрание. И самое бурное. Люди рвались на дальние чабанские стойбища — помочь чабанам и овцам. Но отобрали только двоих — Абдылдабека Султанбаева и Манана Тоноева. А критерий отбора — надежность. Их двоих послали верхами в горы. Каждый шаг с трудом. Лошади не идут — плывут и тонут с головой в сугробах. Во вьюках свечи, продукты, теплые вещи. На дорогу, которая в обычных условиях отнимает часа полтора, ушли сутки.

...Урочище Чон-Казык. Тяньшанские ели и фисташковые заросли... Снег накрыл урочище огромным саваном. Двенадцать отар совхоза имени Сагындыкова в первые же сутки оказались отрезанными от кошар, от запасов корма. Часы шли. Снегопад продолжался. К исходу вторых суток навалилась реальная опасность гибели овец. Овцы по такому снегу не идут даже под угрозой гибели. На помощь пришли аксакалы. Неожиданно для выбившихся из сил чабанов вынырнули из снегопада седебородые всадники — человек пятьдесят! Они развернутым строем прошли тяжелейшим путем от кошар к высокогорным пастбищам. Не отдохнув ни минуты, развернулись и двинулись обратно, еще и еще углубляя и трамбуя протоптанную копытами дорогу. По их следам и ринулись тысячи спасенных овец.

...Всего несколько дней назад в теплицах совхоза имени Тайгараева высадили рассаду. Сотни пленочных теплиц, словно воздушные замки... И сотни, тысячи тонн снега обрушились на них. Почти пять суток шел снег, и все пять суток люди противостояли стихии, оберегали хрупкие конструкции. Сабир Абдасулова, Кундуш Сариева, бульдозерист Мамыт Парпиев, тракторист Коен Маматов, экскаваторщик Эйшим Мамазаиров, автогрейдерщик Джума Абдуллаев. Они под ветром воздвигли горы снега, который не смог похоронить труд полеводов, убить миллионы нежных растений.

...Старший пилот-инспектор Киргизского управления гражданской авиации Виктор Григорьевич Морковкин с сомнением смотрел на небо. Утренняя слепящая голубизна медленно затягивалась белесой мути. Надвигался снежный заряд. Второй пилот вертолета МИ-8 Юрий Грязнов все понял без слов. Он принес в кабину валенки и теплые полушубки.

Вертолет направился вдоль ущелья. Опытные летчики командир Юрий Панибратец и Виктор Морковкин не один десяток лет работают в горах. Они внимательно вглядываются в окружающее нас белое безмолвие. Мы говорим с бортмехаником Владимиром Калиной, стараясь перекричать грохот мотора.

— Давно начали полеты?

— Как только откопали машину...

— Груз?

— Корма, Тюки сена, комбикорм, продукты, одежда. Вывозим ослабевших животных...

Внизу, на склоне, утоптанная овцами площадка. Животные сгрудились у кормушек. Там же люди с вилами. Заметили вертолет, машут руками. Кошары похожи на верблюдов со множеством белых горбов. Снег, снег... Успел заметить, как одна из крыш рухнула...

...Вертолет взлетает. Приземляется. Снова взлетает — и так день за днем. Перекачка топлива, загрузка... Вертолетное звено Киргизского управления гражданской авиации в дни разгула стихии стало надежным помощником не только для чабанов. Вот очередная машина летит вдоль Чаткальского хребта. Один за другим вываливаются на склон мешки с комбикормом. Взрывается снег. Корм разлетается далеко-далеко, это подкрепление и для диких обитателей гор.

...Наконец над горами опрокинулась синяя чаша нового, совсем голубого неба. Сугробы сразу осели, по колеям засверкала вода.

В штабе борьбы с разбушевавшейся стихией немного разрядилась обстановка, и мы получили возможность спокойно поговорить. Председатель правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров Киргизской ССР П. М. Ходос, секретарь Ошского обкома Компартии Киргизии Р. С. Кульматов и председатель облисполкома А. Т. Таджикибаев стоят у окна. Стоят молча, заново переживая тревожные дни и ночи.

Петр Михайлович Ходос нарушает молчание:

— Ну, что ж, давайте подведем итоги... И выключим, наконец, свет! Солнце на дворе... Что у тебя, Абдибаит Таджикибаевич?

— Трудно. Повреждены часть кошар, чабанские дома, фермы и конюшни... Снегопад вынудил животноводов израсходовать большие запасы кормов. Израсходованы запасы горюче-смазочных материалов, предназначенные для весенне-полевых работ. Часть озимых вымерзла...

Да, убытки, убытки. И все-таки главное не отары и не оборванные провода. Главное — люди. Благодаря их мужеству потери меньше, чем они могли бы быть. Конечно, недоедали, недосыпали, но вновь и вновь выходили из тепла на бурн, на мороз и торили дороги, спасали скот и добро.

Петр Михайлович сказал:

— Сейчас к вам на помощь идет вся республика, вся страна... Газ Узбекистана, хлеб и фураж — из Сибири, нефть — из Тюмени, машины, горючее, одежда, продукты. Все уже на колесах! Так что не грусти, председатели!

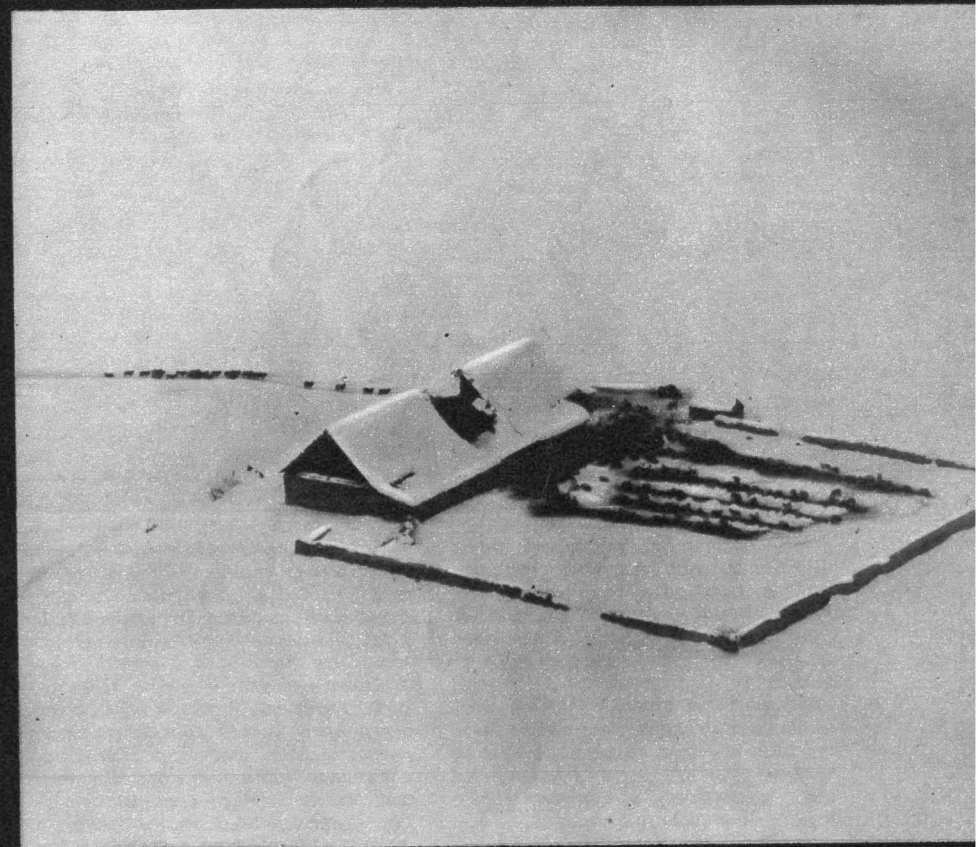
Мы улетаем. Над городом как ни в чем не бывало стояло чистое, весеннее солнце. Еще недавно тревожное солнце...

Киргизская ССР.

И техника и люди — на расчистку кошар совхоза имени Ю. А. Гагарина.

Снег продавливал крыши...

И снова пойдут по горам отары.

Музыка Георгия Свиридова занимает особое и необыкновенно важное место в духовной жизни нашего общества. Все больше становится аудитория ее слушателей. Творчество композитора находится в стремительном движении, каждое новое произведение раскрывает все новые его грани.

Как художник и как личность Г. Свиридов сформировался на глазах людей моего поколения. Мне довелось знать его еще в довоенные совместные студенческие годы в Ленинградской консерватории. Уже и тогда все мы выделяли его музыку как явление исключительное: в 19 лет композитор создал сочинения, признанные в наше время классическими образцами искусства! А в нем подкупала огромная целеустремлен-

ность, особенно в своей профессиональной, композиторской среде. Но такова часто судьба художника, идущего собственной дорогой. И такой художник не должен бояться одиночества, ибо его ведет чувство истины, которую он ощущает, быть может, иногда и один.

Эту вечную устремленность к истине, к постижению правды и несет неповторимое искусство Г. Свиридова, человеческое, народное по духу своему и выражению, совершенное по форме. Его музыка своим содержанием, нравственно-этическим строем, высоким полетом мысли в состоянии ответить на то важное, сокровенное, чем живет современный человек. Ей присуще драгоценное свойство объединения, сплочения людей, она вызывает горячий их отклик, пробуждает чувство общности с идеалами, которым верен сам композитор. Вместе с

временной музыки как музыки симфонической, инструментальной, где есть и великие имена и вершины, вошедшие в советскую классику, но где было и есть немало вторичного, подчиненного окостеневшим нормам. Острая полемичность Свиридова объяснима: художник, преданный высокой традиции, он решительно не приемлет приглашенные ремесленные схемы, его творческие искания носят подчеркнуто «антиакадемическую» направленность. Чуждо ему в равной мере холодное, сухое, математически выверенное сочинительство, когда автор усердно изобретает свои или повторяет чужие замысловатые музыкальные структуры, превращая музыку в суетную «звуковую игру», лишенную живого человеческого чувства и поэтической образности.

Конечно же, выбор пути нельзя объяснить одним полемиче-

разгадав и обозначив в нем вечное, влив в него свежую кровь, вдохнув новую жизнь.

В музыке концерта для хора «Пушкинский венок» доминирует, казалось бы, ясное, мудрое, классически уравновешенное отношение к жизни. Но Пушкин, как говорил Г. Свиридов в выступлении перед показом этого произведения по телевидению, жил в исключительно бурное время, богатое крупнейшими событиями и грандиозными потрясениями. Грозы века проносятся и в «Пушкинском венке», особенно зримо в хоре с солистом-басом «Зорю бьют...» — редкой и в наш бурный век концентрации трагического и одновременно сурово-величавого. Именно в такие бурные времена, — подчеркнул в том же выступлении композитор, — возникают особо гармоничные художественные натуры, воплощающие в себе высшее устремление чело-

М

иру нужно песенное СЛОВО

В. КУХАРСКИЙ

ность — при очень широком круге интересов, куда входили и литература, прежде всего поэзия, театр и жадное поглощение массы редких книг по русской и всемирной истории, прочно оседавших в памяти, и многое другое. Подкупала и обезоруживающая дерзость его горячих, порой резких суждений, которые вначале могли и обескуражить, а на самом деле, как выяснилось, содержали свежую, обжигающую мысль, восставшую против шаблона, рутины, расхожих представлений.

Г. Свиридов прошел сложный, не лишенный противоречий путь исканий, не избежал и трудностей роста, издержек и кризисных моментов, заставлявших его музу молчать по нескольку лет, в течение которых происходило его человеческое и художественное созревание.

Громадна освоенная им культура: народная и старинная культовая русская музыка, Глинка и «Кучкисты», Бетховен, Шуберт, Шуман и Вагнер, Дебюсси, Рахманинов, Стравинский, Шостакович (сильное влияние которого Свиридов испытал в годы своего художественного становления)... Весь этот опыт, так же как опыт современных ему композиторов, не прошел бесследно для Свиридова, он претворен в его музыке с величайшим своеобразием и самобытностью.

На большом и трудном своем пути Свиридов далеко не всегда

ним мы заново постигаем святые понятия — Человек, Родина, Россия, Революция, ощущаем эпическую поступь истории и беспокойное биение пульса современности.

Независимо от жанров, к которым обращается композитор, всюду его мысль и чувство проявляют себя крупно, масштабно, охватывая широкий круг жизненных явлений. Черты свиридовского стиля ясно видны уже в фортепианном трио, созданном в молодые годы, в Триптихе для симфонического оркестра. Широко популярны его симфонические сюиты «Время, вперед!» и «Метель», где подлинный демократизм выражения соединен с блистательным мастерством, с отечественной рельефностью. Стоит вспомнить знаменитую тему-мелодию из сюиты «Время, вперед!». Полная порыва, звенящая упругим ритмом, она стала поистине музыкально-символическим выражением нашего времени.

Однако главное русло свиридовской музыки пролегает в сфере вокального (песни и романсы), хорового (многочисленные хоры и капелла и хоровые концерты) и вокально-симфонического (кантаты и оратории) искусства.

В этом жанровом пристрастии к песенному началу музыки в сочетании с высоким поэтическим словом он смело пошел против предпочтительного развития сов-

ским запалом художника, который по самой сути своей — создатель нового, человек большой жизненной идеи.

Для его творчества, обращенного к самой широкой аудитории, одушевленного идеями современной жизни, нужны были искренность, открытость выражения, живая интонация, музыкальная речь, растворенная в мелодии привольного дыхания и одновременно идеально чуткая к движениям мысли и чувства человека. В своих исканиях, начатых в 50-е годы, композитор возродил вокально-хоровое искусство как особо значимый, коренной пласт русской культуры, возродил его на уровне классики, вдохнув в эту сферу творчества свежее, свиридовское.

Огромно значение поэтического слова в сочинениях Г. Свиридова. Вряд ли можно совсем по-новому определить его редкий дар почувствовать, услышать, в самом себе, распеть и передать людям глубины поэзии, к которой он обращается. Об этом сказано многое, в частности, в недавно вышедшей очень хорошей книге о Свиридове. Остановлюсь лишь на следующем.

В поэзии, независимо от времени, когда она создавалась, Г. Свиридов находит духовно близкое современникам. Это удивительное умение: приблизить, сделать остросовременным старое — далекое или более близкое, точно

века, устремление к внутренней гармонии человеческой личности в противовес хаосу мира». Вызревшая в творческих поисках, в самом жизненном опыте композиторская мысль нашла в «Пушкинском венке» идеальное, подлинно классическое выражение.

В музыке «Поэмы памяти Сергея Есенина», цикла «У меня отец крестьянин», кантаты «Деревянная Русь», в песнях и хорах на слова поэта — народная распевность его стиха, нежнейшая музыкальность лирики и упоение красотой крестьянского труда, драматизм ломки деревенской жизни и ясный, сын-новинный взгляд в будущее Родины.

Так каждый раз композитор теснее сближает свою музыку с личностью поэта, с тем, что он нес современникам и далеким потомкам. В то же время он всегда видит и чувствует ту историческую закономерность, по которой «прошлое, — как писал А. П. Чехов, — связано с настоящим непрерывною цепью событий», а также ассоциации в сфере нравственности и психологии, духовного и эмоционального восприятия мира; и стоит только дотронуться до одного конца этой цепи, как дрогнет другой.

Историческая память соединяет времена. У великого художника она соединяет самое великое для всех времен. В музыке Свиридова наше чувство и воображение всегда точно ухватывают широкую перспективу, связывающую ог-

ромные пласты жизни и культуры прошлого и настоящего. Как точен в этом исторический, нравственный, эстетический выбор композитора, лучше всего говорят его слова, в данном случае обращенные к Пушкину: «Эта гармония внутреннего мира соединена с пониманием и ощущением трагичности жизни, но в то же время она является преодолением этого трагизма. Стремление к внутренней гармонии, сознание высокого предназначения человека — вот что сейчас особенно звучит для меня в Пушкине». Столь же созвучен, дорог этот человеческий идеал современным читателям Пушкина и слушателям Свиридова.

Обычно скупой и немногословный во всем, что касается художественного процесса, Георгий Васильевич как-то сказал:

— Я ношу в себе стихи до тех пор, пока не воспринимаю их как свои собственные, написанные мною. Только тогда из них возникает музыка.

Можно представить, зная Свиридова, как сложен этот процесс погружения в творчество поэта и свое собственное, когда приходит в движение интеллект художника и высветляющее мысль пронзительное чувство; когда тонкое знание поэзии, умение прочесть ее свежо и непредвзято пропущается через собственный, необыкновенно наполненный эмоциональный мир...

Глубина музыки Свиридова убеждает и еще в одном: он видит, чувствует, воспринимает («саоими») не только стихи, но проживает заключенную в них саму жизнь — и ту, что вдохновляла поэта, и нынешнюю. Он поверяет стихи жизнью.

Г. Свиридов словно бы выступает от миллионов своих современников, находящихся в его творениях то, чем полна их душа, к чему прикован их ум, открыт внутренний мир. И это мгновенное душевное единение с музыкой Свиридова рождает неповторимое чувство сопричастности к идеалам, к борьбе и вере героев свиридовских произведений, убежденность в их жизненной подлинности.

Нас кровно задевают запечатленные им в музыкальных образах судьбы людские, жизнь в ее многообразии, размахе, резких контрастах. Общее и личное у Свиридова всегда крепко слиты: большие события истории и современности проходят через живые человеческие души; а в судьбе героя, раскрывается ли она в лирическом раздумье, драматическом монологе, в напоенной красотой и поэтичностью песне-повествовании, — выражение личного, своего, так значительно, что входит в сознание и чувство людей как выражение их собственного восприятия мира.

Началом поиска композитора, главного в его жизненном и творческом призвании, стала вокальная поэма «Страна отцов» на слова Аветика Исаакяна. В ее строгих драматических картинах оживают образы скитальца на чужбине, матери, творящей молитву о нем, умирающего на поле брани солдата, хлебороба, народного певца-сказителя... Чудесную лирику и лукавую усмешку, протестующую сатиричность, главное же, гордость и силу духа человека из народа передает музыка песенного цикла на стихи Р. Бёрнса.

Выдающееся создание Свиридова — его «Патетическая оратория» на слова В. Маяковского. Это мастерски, с гигантским размахом написанные картины-символы: «Марш» — революционное шествие миллионов, «Бегство генерала Врангеля» или высокопоэтическая мечта — «Здесь будет город-сад!...». Ослепительный финал оратории называется «Солнце и поэт». В этой могучей музыке воспета созидательная энергия искусства, творческой личности: она приравнена к энергии Солнца и Народных Масс, творящих Историю.

Судьба «Патетической оратории» удивительна. Она исполнялась бесчисленное количество раз в самых различных аудиториях, начиная от рабочего клуба, стадиона до оперных театров и крупнейших концертных залов мира.

Необычайно многогранно раскрывает композитор поэтический мир Блока в циклах «Петербургские песни», «Песни безвременья», в кантате «Ночные облака», в других песнях и хорах. Музыка Свиридова ведома глубины блоковского трагизма, боль и ощущение восторга бытия, смятенность и порывы к «несказанному свету». Композитор воссоздает музыкальные пейзажи, восприятие которых всегда пропущено через его одухотворенную мысль, затаенное или открытое чувство («Весна», «Флюгер», «Перстень страдания», «За горами, лесами», «Утро в Москве»). Он рисует причудливо-колдовские картины, передающие драматическую многозначность жизни («Балаганчик»), или обращается к очищающим человека буйным силам природы («Весна и колдун»).

«Курские песни» — хоровая поэма о крестьянской Руси, где и суровые драмы жизни, и неизбывная красота девичьей лирики, а в целом же — нравственная цельность, очищающая мудрость восприятия мира, земли, природы, так органично пришедшие к Свиридову из народной песни и так значительно раскрытые им. И вновь — живая народная стихия в хоровой поэме «Ладога» на слова Александра Прокофьева, глубокая, как озеро, в эпической части «Озерная вода», в полных суровой северной красоты картинах пейзажах, стремительная в бьющих юмором, лихой крестьянской частушечностью жанровых эпизодах.

В музыке Георгия Свиридова сплелись воедино суровый реализм и высокая романтика, тончайшая лирика и величественный эпос. Соединение всех этих черт необыкновенно органично, естественно. Они образуют единый сплав, создают неповторимый стиль свиридовской музыки, которую не спутаешь ни с какой другой. Путь музыкального реализма, на который встал Свиридов и не покинул его, несмотря ни на какие зигзаги художественной жизни, привел его к созданию крупнейших художественных ценностей, составляющих гордость советского искусства.

Георгий Васильевич постоянно устремлен к жизни, его волнует все, чем живет страна, весь мир. В выступлениях, статьях, в спорах в товарищеском кругу, а спорщик он горячий и интересный, Георгий Васильевич не перестает возвращаться к темам: художник и народ, художник и время. Его

искусство овеяно бурями и грозами, пронесшимися над Россией. Оно могло быть рождено только становлением новой жизни во всей ее сложности и противоречивости, самим духом революционной эпохи в трагическом, но и в нравственно очистительном ее величии. Глубокая, полная силы и страсти музыка Свиридова — искусство огромной исторической перспективы как в содержании своем, так и в художественном выражении.

Творчество Свиридова, получившее широкое признание в нашей стране, оказало и оказывает большое обновляющее воздействие на весь процесс развития советской музыки. Среди его единомышленников — многие талантливые композиторы, которые подхватили его искания и открытия и сейчас вместе со Свиридовым обогащают огромный опыт хоровой и вокальной музыки, ставшей в последние десятилетия одной из ценнейших традиций советской многонациональной культуры.

Самую высокую оценку слушателей и критики получила музыка композитора за рубежом. В многочисленных статьях, исследованиях неизменно подчеркивается, что музыка Свиридова открыла новые горизонты реализма, что она является ярчайшим продолжением великой русской музыкальной традиции сегодня.

Я вспоминаю майские дни 1969 года, когда в Париже состоялся фестиваль советской музыки. Популярный «Театр де ля Вилль», где давались основные концерты фестиваля, был переполнен. Во время исполнения «Курских песен» и хоров на слова Есенина — теснейший контакт эстрады и зала, музыки, исполнителей и публики. Парижская печать, восторженно писавшая о многих «открытиях», сделанных музыкантами Запада на этом фестивале, самым «поразительным» из них назвала советскую симфоническо-хоровую музыку. Я был свидетелем триумфального шествия крупнейших творений Свиридова и в Токио, Мехико, в городах других стран. В Лондоне, после того как прозвучали последние такты «Патетической оратории», вся публика встала и устроила долгую овацию. Английские газеты отметили, что после ораторий Генделя едва ли какой-нибудь другой композитор был удостоен подобной чести.

Я нахожусь под огромным впечатлением от вокальной поэмы Георгия Свиридова «Отчалившая Русь» на слова Есенина. Прошло немало времени после первого ее исполнения в Большом зале Московской консерватории, но до сих пор живет во мне чувство приобщения к чему-то исключительному по силе воздействия, красоте, душевной глубине. Вдохновенно пела Елена Образцова, а те, кто слышал самого композитора, ведущего фортепианную партию, вряд ли забудут его игру.

Каждый раз, когда слушаешь произведения Свиридова, вдохновленные поэзией Есенина, думаешь: вот музыка, которая исчерпывающе полно выразила мир поэта! Потом рождаются новые создания композитора и раскрываются новые миры этой поэзии, как и глубина свиридовского дара ее постижения.

Справедливо суждение о том, что Свиридов, обратившись к Есе-

нину, увидел и открыл в нем не только несравненного лирика, но и мыслителя и визионера, певца и провидца народных судеб.

В основу поэмы «Отчалившая Русь» положены двенадцать стихотворений, написанных Есениным в бурные революционные, переломные для России годы (1914—1919). Эти стихотворения объединены музыкой в единое целое по идее, по внутреннему сюжету и по выверенности контрастов. В поэтической композиции отражено основное в творчестве Есенина того времени, его вера в очистительную силу революции; в ней он увидел осуществление давних народных надежд на высокую справедливость, чаяния о свободе и вселенском братстве. Эти идеи выражены в необычайно богатой стихотворной образности, близкой народной поэтике, в легендарных символах.

Все это передано музыкой Г. Свиридова в концентрации сильнейших чувств; более того, в переосмыслении композитором поэзии раннего Есенина символика ее обрела иную масштабность, иной смысл, эпической силой музыки она словно вознесена на космические просторы Вселенной.

Все в движении, в пути, непрерывно бьется пульс времени, жизни, пульс истории. Все на резких контрастах, где и драматизм, и вершины трагического, и поэзия светлой мечты, и упоение природой, красками и запахами родной земли. Выражение мысли и чувства предельно активно, в каждой части они окажутся исчерпанными до дна.

С первых же тактов «Осени» завораживает свиридовский мелодизм. Поет не только мелодия, поет каждый аккорд, звук, каждое слово, создавая настроение тихого восторга перед красотой увядающей природы. Безмятежная пасторальность, струящийся пастушеский напев лишь раз взрываются кульминацией на смысловом акценте стихотворения: неожиданно возникающем образе безмерного человеческого страдания. Эффект сильнейший, объяснить же, как он достигнут, трудно; душа-мелодия требует полета, и песня взмывает высь! С «Осенью» переключается четвертая часть — «Серебристая дорога». Здесь — свои тонкие оттенки, навеянные юношеским раздумьем о дороге жизни. В обеих частях, да и во всей поэме, — масса звукоизобразительных приемов. Здесь они вызваны еще и богатством, обилием красок поэзии Есенина, его цветовой символикой. Музыка с почти зримой конкретностью передает чистые и нежные тона осени или серебристость пути, при помощи терпких, секундовых гармоний — удивительно точное соответствие есенинским метафорам («осень — рыжая кобыла...», «лязг ее подков...»). Лаконизм приемов необыкновенный, как необыкновенен художественный результат; стоит, например, в музыкально-поэтический контекст вкратиться двум звукам — октаве в верхнем регистре, как рождается тончайшее изображение-символ, передающее суть стихов («Серебристая дорога, ...свечкой чистотетверговой над тобой горит звезда»). Мастерство наивысшее и притом изысканное.

Вторая часть — напев в пути, вдалеке от дома, от «Голубой Руси» («Я покинул родимый дом»)

развивает излюбленный Свиридовым мотив страннических лирико-философских песен-раздумий.

Третья — «Отвори мне, страж заоблачный, голубые двери дня...». Музыкальное воплощение сложной символики стихов вбирает в себя многое: гордость духа лирического героя поэмы, жажду независимости, творческий порыв. Отсюда постепенно вырастающее драматическое напряжение музыки.

Свободная полетность господствует в пятой песне — «Отчалившая Русь», давшей название всей поэме. На крыльях трепетной «лебединой» мелодии, стремительно-плавного ритма Россия в образе птицы, словно под голубым небесным куполом, парит в вышине. Здесь впервые в поэме выражена всеобщность, соборность чувства, а звоны-перезвоны колоколов и крики птичьей стаи (гармонические краски у фортепьяно) звучат призывно, празднично.

И как резчайший контраст следует часть «Симоне, Петр... Где ты? Приди...» — легендарное и вечно живое повествование о предательстве, попорченной вере в ближнего, смертельном одиночестве человека. Музыкальная декламация, вскрывающая психологический смысл каждого слова, достигает трагической силы — масштабов Мусоргского! Напряженность ее не спадает ни на мгновение, сгущаясь к концу в диалоге: «Друг... Ты откуда?» «Шел за тобой...» «Кто ты?» «Иуда!» — шамкнул прибой». Роль отвечает этим словам раскатом звучности в низком регистре.

Как чуткий драматург, Свиридов после такой части (скорее, музыкально-театральной сцены огромного воздействия) не мог повернуть развитие поэмы в противоположную эмоциональную сферу.

Следующий монолог, «Где ты, где ты, отчий дом...», в известной мере становится ее продолжением. «Медленно, тяжело, драматично» (ремарка автора) падают слова-воспоминания... Картина разрухи, социального потрясения подчеркнута — по контрасту — нахлынувшими миражно-сказочными видениями образов родной природы. Здесь вновь слышна тонкая, многокрасочная образность, органично входящая в строй монолога.

Веселая космическая круговерть затеяна музыкой в части «Там, за млечными холмами». Это словно бы космос в народном пересказе, где смешались небеса и земля, где среброструнный Водолей «Медведицей с лазури — как из бочки черпаком», а «в небо вспрыгнувшая буря села месяцу верхом», где и «дед мой тянет вершей солнце с полдня на закат»... И все это неукротимо несет в частушечном напеве под серебристый перезвон колоколов. Народная поэтика стихов получила глубоко народное воплощение в музыке.

«Трубит, трубит погибельный рог!» — эти стихи Есенина выразили тревогу и скорбь поэта по невозвратно уходящей в прошлое старой деревне. Композитор, мне кажется, сегодня услышал в них и выразил лучшее: чуждость народу всего прошлого, механистичного, бездушного, того, что иссушает сердца, искажает естество человека.

«По-осеннему кычет сова...» — монолог об уходящей молодости,

уходящей жизни («скоро мне безлиствы холодеть...»), грустный его зачин сразу настраивает на психологическую глубину этой замечательной музыки, написанной буквально на одном дыхании.

Но человек велик верой своей в жизнь, в зарю надежды, в «неуемный ветер», проносящийся над родной землей. Кажется, что музыка предфинальной части «О верю, верю, счастье есть!» выразила все чувства человека, обращенные к Родине: от восторга перед ее далами, лирического вдохновения «пастушеской грусти» до строгого, величественного пророчества ее судьбы, многострадальной и гордой. Старинные лады, которыми пользуется здесь композитор, придают особую торжественность звучанию.

Финал — «О родина, счастливый и неисходный час!» — вдохновенный гимн солнцу, свету, добру, вечному движению, устремленному в бесконечность. Музыка невероятного эмоционального напряжения, эпической величавости; неукротим поток мелодии, которому, кажется, нет ни конца, ни края; безудержно устремлен, как разжимающаяся пружина, могучий ритм. А над ними — радость и ликование звонов. Все направлено к одной цели, все слилось в неповторимом образе.

Страстное, пламенное музыкальное повествование Г. Свиридова, кажется, выросло из самих глубин сердца, оно выражено так мощно, человечно, как может выразить только художник, одаренный гением.

«Отчалившая Русь» собрала все лучшее в индивидуальности ее автора. Горячее постижение жизни и высочайшее мастерство во всех сферах музыкальной выразительности. Обращаясь к музыке Г. В. Свиридова, обычно отмечают прежде всего ее русскую распевность, мелодические образы необычайной красоты и глубины. Это так. Но в равной степени можно и нужно говорить о новаторстве композитора в создании стиля острохарактерной музыкальной декламации, который уже сейчас следует признать уникальным художественным явлением искусства нашего века. Индивидуален и неповторим его гармонический язык, соединяющий могучую и строгую диатонику, ладовость своеобразной подголосочной полифонии с найденными им смелыми современными приемами письма. Необходимо говорить и о тончайшем мастерстве композитора в сфере колорита, инструментальной звукообразности как сильнейшей краски в палитре свиридовской музыки.

И все же — мелодия, песня!

В раздумьях Сергея Есенина «Быть поэтом...» о своем призвании и долге он, отвергая канаречность «с голоса чужого», о которой только и скажешь — «жалкая, смешная побрякушка», бросает как призыв — «Миру нужно песенное слово...»!

Творчество Георгия Свиридова — пламенное слово. Оно страстно отрицает зло, человеческое разьединение, душевную, нравственную дисгармоничность. Оно летит над землей, пробуждая в людях высокие идеалы добра, человеческого достоинства, сознание ответственности каждого перед жизнью, дающей лишь однажды.

Это слово правды.

среди книг

ЗОРКОСТЬ СЕРДЦА

«Редко кто начинает репортаж, попав сам на операционный стол. Но именно с этого я начала свой рассказ об известном офтальмологе профессоре С. Н. Федорове. После операции на обоих глазах я не пользуюсь очками и от случая к случаю вожу даже машину».

Эти первые слова книги Наталии Бианки «Обыкновенное чудо» сразу рожают доверительное отношение к рассказу писательницы. Казалось бы, просто и бесхитростно рассказывает она о своем горе, приведшем ее к профессору С. Н. Федорову, об операции, о соседях по палате, о врачах и сестрах Научно-исследовательского института микрохирургии глаза. Теплая волна сочувствия больным и благодарности врачам передается от автора читателю, захватывает его и не покидает до конца книги. И понимаешь, что сдержанный и мужественный рассказ писательницы о собственной беде лишь предлог, повод, чтобы ввести нас в операционные и лабораторные институты, показать их жизнь и работу, атмосферу, наполненную творчеством, трудом, самоотдачей.

Предисловие к книге написал известный ученый в области офтальмологии профессор Л. Ф. Линник.

В центре повествования — образ директора и организатора института С. Н. Федорова. Его самобытный характер наиболее удался Бианки. На страницах книги профессор Федоров активно действует, борется, живет. Блестящий хирург-первооткрыватель, он, одолевая трудности, идет к своей цели. Святослав Николаевич отчаянно смел, упорен, порой резковат. Он отличный организатор, ученый, мыслящий глубоко и масштабно. Разве удалось бы С. Н. Федорову преодолеть предубеждение многих ведущих специалистов, создать, по существу, научный центр микрохирургии глаза, не будь у него этих качеств?

Естественно переходит автор из операционных и лабораторий института к раздумчивым беседам с профессором Федоровым, в которых ученый с присущей ему страстностью высказывает свои мысли, заботы, огорчения, делится замыслами, раскрывает новые горизонты медицины.

Образ С. Н. Федорова не заслонил и других героев книги — коллег и учеников профессора. У многих из них есть имя в медицинской науке, научные труды. Автор показывает их работу, для каждого находит нестандартные теплые слова, выявляющие творческую и человеческую индивидуальность.

Наталия Бианки, «Обыкновенное чудо». Московский рабочий, 1984 г., 127 стр.

И все-таки главные герои книги не врачи, а те, кто пришел в институт с надеждой на излечение.

«Саша видит снова», «Операция в автобусе», «Наташа Бадина» — эти и другие главы, где рассказывается о судьбах людей, что встретились автору в институте профессора Федорова, являются наиболее эмоциональными.

Кто прежде всего читает книги о медиках? Не будем лукавить, скажем честно — те, кто воочию столкнулся с болезнью, своей собственной или родных, близких. Как правило, эти люди уже придирчиво проштудировали доступную им литературу по данному вопросу. В книге Н. Бианки «Обыкновенное чудо» они найдут массу интереснейших, доходчиво изложенных сведений о различных заболеваниях глаз — ката-

ракте, глаукоме, близорукости, отслойке сетчатки, о самых современных методах лечения таких недугов.

Но основное в рассказе Бианки не это. Автор заставляет поверить в то, что даже самый тяжелый недуг, еще вчера грозивший слепотой, можно преодолеть, заставляет поверить в разум и талант хирургов, ученых. Книга «Обыкновенное чудо» несет в себе заряд оптимизма, столь необходимый каждому в минуты слабости.

И врачи, работающие в области микрохирургии глаза, тоже прочтут книгу с большой пользой для себя. Член-корреспондент АМН С. Н. Федоров не делает секрета из своих методов, он стремится к их широкому внедрению. Сотрудники института читают лекции, проводят показательные операции, принимают у себя специалистов из самых дальних уголков страны.

Однако, хотя герои книги — это врачи и больные, ее с интересом прочтет самый широкий круг читателей, столь увлекающе, эмоционально, ярко, с огромным запасом доброты она написана. К. Г. Паустовский как-то заметил, что тот не писатель, кто не прибавил людям зоркости. Бианки, рассказывая о тех, кто сохраняет людям зоркость глаза, учит нас зоркости сердца.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ГЛАВНЫЙ УРОК

Сергей В Л А С О В,
фото Эдуарда ЭТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Ленинабад — областной центр в Таджикистане. Небольшой в общем-то город на Сырдарье, хоть и очень древний: Ходжент — так называли его раньше — исчисляет свой возраст тысячелетиями.

...Жил себе город спокойно, но вот зачастили сюда гости. Нет, не на знаменитый шелковый комбинат, а... в школу. В среднюю школу номер семь. Из министерства просвещения, из Академии наук, репортеры столичных газет. Ученые института педагогики занялись изучением ее опыта.

Что же, собственно, в этой школе случилось? По-моему, ничего особенного. Просто живут здесь ребята и учатся так, как им и положено жить и учиться на исходе двадцатого века. При одном условии, конечно: если им — ДОВЕРЯЮТ.

Директора «седьмой» Владимира Сергеевича Ежова я застал у него в кабинете, он готовился к семинару-практикуму директоров «Роль трудового воспитания в формировании коммунистического мировоззрения», который в его школе должен был проходить завтра.

— Вот хорошо, вовремя приехали, — сказал Ежов, — поговорите с директорами, узнаете их впечатления.

Я уже гадался, что впечатления могут быть совсем неадекватные. От одного учителя пришлось услышать: «Ох, уж эта седьмая школа! Не было бы ее, всем бы хлопот было меньше. А то вот горно распорядилось, чтобы другие школы перенимали ее опыт, как будто это так просто».

Назавтра гостей, а их собралось человек двадцать, первым делом повели по мастерским, где шли уроки труда. Впрочем, вряд ли то, что здесь происходило, можно было назвать уроками. В столарке ученики пятого «А» сколачивали посылочные ящики.

— Тридцать восьмой! — радостно воскликнул преподаватель Мурод Юнусов, ставя последний ящик на вершину аккуратно выстроенной пирамиды. — Одиннадцать мальчишек сделали за три часа. Чистая работа! — добавил Юнусов, хлопнув по крышке ящика. — А иначе нельзя: свое клеймо на продукцию ставим: «Седьмая школа». Отец или мать купят ящик, увидят клеймо, порадуются за сына...

— Ну, а еще что делаете?

— Вон смотрите! — Юнусов показал на стенд, где висели об-

разцы готовой продукции. — Фигурная ножка для кровати, ножки для шифоньера и письменного стола, деревянный набор для кухни, красочные доски для резки овощей. Все это делают ребята пятых — седьмых классов. По договору с мебельной фабрикой работаем...

Когда мы с Юнусовым остались наедине, он мне сказал:

— Главное — не надо мелкой опеки. Мы наших учеников за младенцев держим, а они часто лучше взрослых соображают. Вон возьмите Равиля Ибратова — в седьмом классе учился, когда придумал он раздвижной защитный щиток для полукруглого ножа. Теперь при обточке на столярном станке стружка не летит в разные стороны, очки не нужны, время на уборку экономится.

— Сейчас одно хитрое приспособление для фигурной обточки древесины разрабатываю, — сказал мне потом Равиль.

— Изобретателем будешь?

— Нет, в цирковое училище хочу пойти.

— А как же изобретательство?

— Ну, это для общего развития...

«Для общего развития»... Точно сказано.

...В соседней мастерской слесарными работами руководит Александр Каримович Бережной. Здесь мальчики постарше делают вешалки, ножницы для резки жести, оправки для кристаллов, фигурные винты, плашкодержатели, ручки для токарных станков. Рабочие места оборудовали своими руками. На стенке возле каждого верстака аккуратно развешаны напильники, молоток, зубило, линейка, кернер. Шкафы для заготовок и инструмента тоже сделали сами — из отходов, да так мастерски, что трудно и поверить, что все это самодельное.

Затем мы прошли в швейный цех, здесь парадом командует Александра Николаевна Жилкина. Мастерская в самом деле выглядит очень яркой и нарядной из-за обилия цветастых тканей, из которых девчата шьют распашонки, ползунки, трусы, наволочки. Всю эту продукцию ждут на швейной фабрике, откуда она поступает на прилавки магазинов. Более тридцати тысяч изделий хорошего качества выдали ученицы за последние шесть лет.

— Мы тоже хотели заключить подобный договор, но фабрика отказалась, — поведала мне шепотом одна из директрис. — А Жил-

кина там свой человек, шестнадцать лет проработала.

Как я потом узнал, Александру Николаевну действительно многое связывает со швейной фабрикой: восемь последних лет была начальником пошивочного цеха. Когда она приходит сюда за кро- ем или за фурнитурой, на проходной у нее по старой памяти и пропуска не спрашивают.

— Многие бы хотели работать так, как седьмая школа, — продолжала скептически настроенная директриса, — да не многим это удается. Связи нужны.

— А с мебельной фабрикой у седьмой школы тоже связи? — спросил я.

— Конечно! Юнусов там долгое время работал. Без этого разве дали бы ребятам такие заказы?

Так вот, оказывается, где собака зарыта. Связи — вот в чем секрет успеха школы номер семь. С таким убеждением я и зашел в тот кабинет, где ученики девятого «А» под руководством Виктора Алексеевича Лигера ремонтировали электродвигатели. Непростое это дело: надо разобрать двигатель, демонтировать сгоревшую обмотку, зачистить статор, заново намотать проволоку на катушки, сделать бандаж киперных лент, залить лаком, собрать, обкатать на стенде.

— Для кого ремонтируете? — спросил я, глядя на дюжину готовых к отправке электродвигателей, сложенных в углу мастерской.

— В основном для строительных организаций. Для СМУ-32, например, — ответил Лигер.

— У вас с ними давние связи? — сделал я ударение на последнем слове.

— Да, еще с 1977 года, когда мы дали объявление в газету, что принимаем заказы на ремонт.

— И так сразу вам его доверили?

— А что тут удивительного! Вон посмотрите, какие взрослые парни, — кивнул Виктор Алексеевич в сторону ребят, увлеченно возящихся с роторами и статорами.

Подхожу, знакомлюсь. Юноши охотно рассказывают о своих планах на будущее. Один собирается пойти на стройку, другой — на мебельную фабрику, третий — на консервный комбинат, четвертый думает стать врачом, пятый — служить в милиции...

— Значит, ни один из вас не хочет после школы заниматься электротехникой. Не жаль времени, — спрашиваю, — потраченного на этот ремонт?

— Что это за мужчина, который не может собрать и разобрать электродвигатель, — было мне ответом.

Ответ не мальчика, но мужа...

Что ж, пусть практическая электротехника или швейное дело и не станут в жизни ребят главным занятием, но производительный труд непременно поможет им, выбирающим свой путь, выбрать его более точно, более осознанно.

Это и есть профориентация в действии.

Когда потом директора собрались в кабинете В. С. Ежова, я спросил об их впечатлениях.

— Здорово, чего ж говорить! — выразил мнение большинства директор пятнадцатой школы Хамид Толибов. — Без сомнения, производительный труд школе необходим.

— Почему же у вас он так медленно внедряется?

Вот что ответили директора почти в один голос:

— В школах-то все понимают, что ребята должны работать по-настоящему, а не играть в труд. Но вот на предприятиях этого понять не хотят. Сто причин находят, чтобы отказаться от договора с нами.

— Не доверяют, значит?

— Да, не доверяют!

— А почему седьмой школе, — спрашиваю, — удалось договор заключить? Связи?

— При чем тут связи? — вступил в разговор директор тринадцатой школы, кандидат педагогических наук Абдурахмон Бегматов. — Просто здесь работают настоящие энтузиасты своего дела, подвижники. Они и создали в школе поистине творческую атмосферу.

Мнению Бегматова можно верить: в его диссертации не один десяток страниц посвящен опыту седьмой школы. Здесь учились три его дочери. Каромат и Рафбат сами стали теперь учителями, преподают русский язык. Сабат — студентка политехнического.

«Энтузиасты своего дела, подвижники». Да, среди педагогов «седьмой» их немало. Не могу не назвать ветеранов, тех, кто работает здесь со дня основания школы, более двадцати лет. Прежде всего им принадлежит заслуга создания той творческой атмосферы, о которой говорил Бегматов. Это Хайри Холматова, учитель начальных классов, кавалер орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Преподаватель русского языка и литературы Валентина Павловна Филинова, историк Полина Ефимовна Копейкина, учителя-методисты Мухтар Атаев и Максуд Касымов, завуч старших классов Махбуба Байматова, учителя химии Мавджда Хасанова и Татьяна Николаевна Виноградова, «англичанка» Тамара Степановна Боднюк, завуч по производственному обучению Эдуард Сергеевич Качаев,

Когда учитель и ученик становятся соавторами: Э. С. Качаев и член школьного ВОИРа, ученик девятого класса Андрей Векличев.

физик Георгий Германович Ласс, организатор внеклассной работы Эмма Григорьевна Ваксман...

Как-то не очень вяжется слово «ветеран» с обликом энергичной, молодой на вид, вездесущей Эммы Григорьевны. Кажется, что она одновременно пребывает сразу в нескольких местах. Да, многое в школе держится на ее плечах: слеты, вечера, клуб девушек «Лолла», кружки национального и бального танцев, клуб поэзии, конкурсы... Словом, все то, что объединяется емким понятием «эстетическое воспитание».

— Представьте, люблю работать со «сложными», с ними интереснее, — говорит Ваксман. Она в свое время в городском отделе внутренних дел была инспектором по делам несовершеннолетних, с тех пор, видно, и осталась у нее тяга к трудным подросткам. Вместе поют, танцуют, обсуждают новые книги, спорят о вечных проблемах. Вместе растут...

И вот результат: три года назад на учете в городской инспекции по делам несовершеннолетних состояло девять ребят, сегодня — лишь один. Из полутора тысяч учеников. Этот один перешел сюда из другой школы, где от него отказались после того, как он был условно осужден на два года за кражу велосипеда. Закрепили за ним наставника — Мавджуду Хасанову. Ох, как нелегко было ей поначалу с ним! Случалось, прогуливал уроки, ходила искать его. Однажды нашла на стадионе — сидит и смотрит, как ребята в футбол гоняют.

— А ты почему не играешь? — спросила учительница ласково. — Ну, если не играешь, пойдём со мной... Пожалуйста.

Ни словом не упрекнула больше, но с тех пор мальчик пере-

стал прогуливать. Повезло парню, что попал в такой коллектив, в такую школу. За два года хорошо продуманная система комплексного воспитания сделала свое дело, парнишка нормально теперь учится, увлеченно работает в мастерских, занялся спортом...

— Хотим ходатайствовать, — говорит Хасанова, — о досрочном снятии с него условного осуждения. Уверена, что он найдет свое место в жизни.

...Семинар директоров завершился докладом Э. С. Качаева, завуча по производственному обучению (есть и такая необычная должность в школе), о методах организации школьного... ВОИРа. Вот уже несколько лет школа номер семь является коллективным членом (единственным, кстати, в республике) Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Непривычное сочетание, не правда ли, — школа и ВОИР. Тем не менее за семь лет учениками восьмых — десятых классов сделано и оформлено 86 рационализаторских предложений. Четыре из них внедрены на промышленных предприятиях Ленинграда.

— Если мы и достигли каких-то успехов, — говорил Эдуард Сергеевич, — то причина тому даже не производительный труд, а именно техническое творчество. С самого начала мы поставили своей целью научить ребят самостоятельно думать, привить им вкус к новаторскому мышлению, изобретательству. Да, мы учим детей мыслить. И убеждены — нет ничего более эффективного для общества, чем воспитание личности, человека, умеющего и любящего красиво трудиться...

Много лет назад, наблюдая за мальчишками на уроках труда, Качаев пришел к выводу, что

увлечь их по-настоящему работой можно только при условии, что она будет творческой. Если дать ребятам возможность выдумывать, фантазировать, словом, как-то проявить свое «я». Америки, прямо скажем, он не открыл, но идея, осенившая Качаева, теперь его не отпускала. Не один день, не одну ночь просидел Эдуард Сергеевич, разрабатывая новую модель занятия, своего рода идеального урока, когда преподаватель перестает быть опекуном и превращается в творческого руководителя, когда и ученик и учитель становятся соавторами...

И получилось вот что. Вместе с производственным заданием ребята получали теперь и задание творческое: придумайте, как... Разрешается выдавать любые идеи, самые безумные. «Твори, выдумывай, пробуй». Учитель только дает направление мысли, а ученики подхватывают идею.

«Придумайте, как спасти электродвигатель, если предохранитель вышел из строя». И ребята придумали. Их устройство «Универсальная защита электродвигателя» было удостоено диплома ВДНХ, его авторы, пятеро учеников и преподаватель Виктор Алексеевич Лигер, награждены медалями главной выставки страны. А с промышленных предприятий посыпались в школу заявки — взрослые дяди просили ребят поделиться секретом устройства.

«Придумайте, как сделать приспособление для одновременной обработки внешней и внутренней поверхностей деревянного стакана». И братья Бегушевы предложили (не сразу, конечно, а после долгих споров, раздумий) такое устройство, что даже учителя за голову схватились: не может быть! «Может!» — доказывали ребята. И доказали. Сами разработали конструкцию, сделали чертежи... Направили потом авторскую заявку в Госкомитет по делам изобретений и открытий. Оттуда ответили: увы, опоздали, подобное изобретение уже было сделано немецким инженером в 1927 году...

Нет, не опоздали Марат и Салават Бегушевы. Успели. Успели стать творческими личностями. Оба поступили в МВТУ имени Н. Э. Баумана, оба — авторы нескольких изобретений и рацпредложений.

«Придумайте...» С таким заданием ученики отправляются и домой. И уже после школы, на улице, в автобусе, у телевизора за ними неотступно следует эта потребность — думать. Что-то сдвигается в душе ребенка: ему дозволено дерзнуть, в нем приглушен страх перед авторитетом взрослых. Нет, не о слепом нигилизме речь — об умении осмыслить, сравнить, сопоставить, выбрать более совершенное... Именно такому серьезному отношению к своим маленьким открытиям учат ребят в школьной организации ВОИРа. Учат оформ-

лять свои идеи, подавать заявки на рацпредложения, словом — быть на уровне века.

Юные рационализаторы школы — неизменные участники выставок научно-технического творчества, ставшей уже традиционной «Всесоюзной недели науки и техники для детей и юношества». Тридцать медалей участников ВДНХ СССР с гордостью привезли ребята домой из Москвы. С некоторыми из медалистов я познакомился. Это поистине увлеченные, одержимые люди. Они знают, чего хотят, жизнь их наполнена содержанием и смыслом.

Андрей Векличев, например, ученик девятого класса, — автор или соавтор многих интересных разработок. Медаль главной выставки страны он получил за приспособление к токарному станку для расточки поверхностей сложной конфигурации. Экспонатом школьного музея стало сделанное Андреем вместе с его товарищами, Галей Туленковой, Сашей Векшиным, Женей Просенко, акустическое ружье, точнее, устройство для прослушивания и записи звуков на расстоянии. Обычно для этого (к примеру, для записи голосов птиц) применяют сложное и дорогое оборудование, а тут школьники под руководством Александра Каримовича Бережного так хитро подобрали резонансные трубки, — сделали своего рода орган в миниатюре, что это намного повысило чувствительность и направленность действия микрофона. Слабый шепот за сто метров хорошо слышен. О «ружье» сообщил журнал «Изобретатель и рационализатор», и пошли в школу письма с запросами — к ученикам за консультацией обращались специалисты разных профилей.

Любовь к труду можно привить детям только через творчество, не устаю повторять Э. Качаев. Истина, впрочем, не новая. Но знать истину — одно, следовать ей — совсем другое. Для Эдуарда Сергеевича она стала убеждением. Два года назад в Душанбе вышла его книжка «Рекомендации по созданию первичной организации ВОИРа в средней школе». Доказав на собственном опыте и опыте своих коллег, что ребята могут быть настоящими изобретателями и рационализаторами, Качаев делится своими мыслями с другими. Чтобы им легче было идти дальше.

Сорок две тысячи рублей заработали школьники за последние семь лет. На них закупили оборудование для мастерских, форму для военно-спортивной игры «Зарница». Спортзал оснастили таким инвентарем, что другие школы завидуют. Традиционными стали поездки в Москву, Ульяновск, Бaku, Tашкент, Куйбышев... Намного интереснее, содержательнее живут теперь ребята. Очень важно, что они проникаются при этом мыслью: чтобы хорошо жить, надо хорошо работать.

Пожалуй, это главный урок...

Русский язык таджикским ребятам преподает Мухаббат Бахадурова.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Сегодня в школе субботник * Юный изобретатель Андрей Цахарнас * Преподаватель физкультуры Ю. А. Войчишин сумел так поставить тренерскую работу, что появились у школы свои чемпионы республики и области по легкой атлетике * Швейный цех — раздолье для старшеклассниц * С увлечением работают мальчишки в мастерской у Мурода Юнусова.

СИГНАЛ С ПЕРЕВАЛА

А. ВАСИЛЕЦ

Подполковник Мирзоян минуту стоял неподвижно, не отрывая взгляда от какой-то только ему одному известной точки на карте, потом резко обернулся к сидевшим в палатке офицерам и сказал:

— Лобовой атакой перевал не взять. Нужно ударить с тыла. — И спросил, обращаясь к капитану Шнякину: — Кого предлагаете послать?

— Лейтенанта Глухова, — без колебаний ответил комбат.

— Глухова? Уж больно молод. Может, кого постарше?

— Справится, товарищ подполковник, — стоял на своем Шнякин. — Глухов — решительный, думающий офицер. К тому же эта местность ему хорошо знакома, да и люди у него подготовленные.

— Хорошо, пусть Глухов. Отряд по готовности будет доставлен в ущелье, а к утру должен выйти к перевалу. Основная задача: подавить уже известные нам огневые точки «противника» и те, которые будут обнаружены в ходе боя. Ваш батальон поднимается в атаку только по сигналу Глухова с перевала — пусть это будет зеленая ракета.

Михаил Глухов и командир роты Владимир Мукомелов прикидывали состав обходящего отряда. Уже были записаны фамилии сержантов Захарова, Тимофеева...

— Пулеметчиком берите Воданюка, — посоветовал командир роты. — Не забудьте и Аспанова. Оба отличные самбисты и в рукопашном бою стоят десятка. — Потом, помолчав, спросил: — А что вы думаете по поводу Рекина?

— Думаю, что он прекрасно стреляет, силен, вынослив, пройдет там, где не каждому под силу.

— Значит, берете?

— Нет, не беру.

— Почему?

— Да потому, что Рекин с некоторых пор уверовал в свою незаменимость.

— А я бы именно поэтому взял его! В деле, на которое вы идете, может представиться случай «излечить» Рекина.

— Что ж, пожалуй, вы правы.

Когда отряд был готов, лейтенант тщательно проверил экипировку солдат, уточнил, у всех ли есть бинты, взяли ли маскхалаты, динамитные шашки, проверена ли рація.

— А теперь не будем нарушать традицию и попрыгаем, — сказал Глухов.

Строй пришел в движение. Лейтенант внимательно слушал. «Порядок, ничто не звякнуло, не

клацнуло, — удовлетворенно подумал он. — Теперь можно докладывать о готовности».

Через час вертолет доставил отряд в ущелье и улетел.

Вытянувшись в цепочку, взвод направился вверх. Впереди «бой», для победы в котором нужны не только храбрость и умение отлично стрелять, но и хладнокровие, выдержка, трезвый расчет, военная хитрость.

Во время короткой остановки Глухов позвонил сержантам и указал ледорубом на раздвоенную вершину.

— «Верблюда» видите? С него перевал как на ладони. Есть возможность добраться до двугорбой вершины засветло.

— Не дойдем, товарищ лейтенант, — возразил Тимофеев. — Скоро стемнеет, а до «верблюда» по ущелью часа четыре ходу.

— По ущелью — да. А если перемахнуть вот этот хребетик, то можно успеть.

— Но там же...

— Знаю. Только это не самое страшное. Разве мы не брали подобных препятствий раньше?

— Брали, но не все.

— Ничего. Когда-то надо начинать и новичкам. А вы пойдете в дозор. Сигналы об опасности — положением автомата.

Глухов опасался, что «противник» может устроить засады на тропах, ведущих к перевалу, и поэтому решил выйти к нему с такого направления, откуда его никто не ждет. Правда, это связано с дополнительными трудностями, путь через двуглавую вершину нелегкий, но в своих бойцах лейтенант был уверен. Выход же к «верблюду» засветло давал отряду большие преимущества: можно скрытно понаблюдать за лагерем «противника», обнаружить места расположения огневых точек, составить план их ликвидации. Словом, нужно спешить!

Крутая наледь одним краем упиралась в отвесную стену, другим обрушивалась в глубокий каньон, на дне которого шумела река. Источенная солнцем поверхность льда была рыхлой, коздреватой. Наледь слезилась тысячами мелких струй и тайла в себе немалую опасность.

— Кто пойдет первым? — спросил Глухов.

— Я, — шагнул вперед ефрейтор Рекин.

— Хорошо. Как думаете проходить?

— Да ее перебежать можно, товарищ лейтенант! — горячо начал ефрейтор. — Вот с этой площадки взять разгон и проскочить до карниза. А там уже и до края рукой подать. Быстро и надежно, — улыбнулся ефрейтор.

— Нет, Рекин, ненадежно. Проходить будете по всем правилам,

со страховкой. Когда закрепите веревку на той стороне, вернетесь за рюкзаком. Ясно?

— Так точно, — ответил ефрейтор и принялся закреплять на ботинках «кошки».

Все напряженно следили за тем, как Рекин выдалбливал ледорубом ступеньки, шаг за шагом подвигаясь по наледи. Наконец веревка, закрепленная на той стороне за выступ скалы, натянулась и бойцы один за другим стали переправляться через наледь. Когда Глухов остался один, он махнул рукой Рекину, чтобы тот вернулся за рюкзаком. Ефрейтор, насвистывая и всем своим видом показывая пренебрежение к опасности, ступил на лед, не держась за страховочный конец.

— Рекин, прекратите! — сердито крикнул Глухов, но было уже поздно: нога ефрейтора сорвалась со ступеньки, и он, пытаясь поймать ускользнувшую из-под рук веревку, зашатался, все больше наклоняясь к пропасти...

До «верблюда» оставалось всего ничего, но на пути отряда раскинулась широкая заснеженная ложбина. Слева ее окаймляла почти отвесная стена, а правым краем она уходила в долину, по которой извилистой лентой протянулась дорога. По ней черными букашками ползли в сторону перевала машины. «Подкрепление подтягивают», — подумал Глухов и хотел было скомандовать отряду двигаться вдоль левого края снежника, как вдруг сержант Тимофеев, шедший впереди во главе дозора, резко остановился и поднял автомат стволом вверх. Это означало, что он обнаружил засаду «противника». И действительно, присмотревшись, Глухов увидел, что внизу, где снежная белизна соединялась с зеленью долины, двигаются вооруженные люди.

— Нельзя идти, придется темноты ждать, — невольно переходя на шепот, сказал сержант Захаров.

Глухов посмотрел на солнце, повисшее над левой грядой, потом туда, где была засада, прикинул расстояние и скомандовал:

— Всем надеть маскхалаты! Оружие и другие темные предметы обмотать бинтами. У кого очки — снять, во время движения на часы не смотреть. Сейчас солнце наш союзник, но оно же может и навредить, если будем небрежно действовать.

Снежник миновали благополучно. Тимофеев, наблюдавший в бинокль за «противником», никаких признаков беспокойства у него не заметил.

С двуглавой вершины открылся перевал. В лучах закатного солнца весь лагерь «противника» был как на ладони. Прикрывая рукавицей стекла биноклей, Глухов и Захаров изучали каждую высотку, каждый скальный выступ или карниз, на которых могли быть огневые точки.

Наноса на карту укрепления «противника», Глухов мысленно распределял, кому из отряда поручить их ликвидацию. «Четыре пулеметных гнезда можно без шума убрать ночью. На это пойдут Воданюк с Аспановым: самбистам и карты в руки. Пожалуй, Захарова нужно с ними послать, он своей расчетливостью уравнивает их горячность».

— Товарищ лейтенант, посмот-

рите на те карнизы, — сказал Захаров. — Это же целые бастионы с пулеметами и артиллерией! Не подступитесь.

— Почему же? Мы с тобой, может, и не подступимся, а подрывники доберутся. С этим ясно. А вот что делать с обоими палаточными лагерями «противника»? К ним действительно не подступитесь. Особенно мешает тот часовой, который ходит по карнизу — ему сверху все видно.

— Эх, Рекина бы сюда! Он же в монету ножом попадает, — со вздохом сказал сержант Агданский.

— О потерях дома будем говорить, — оборвал его Глухов. — А с часовым Маметанов справится.

Рядовой Бекжан Маметанов — единственный солдат из роты, оставшийся «в живых» после «дуэли на автоматах», которую командир проводил на стрелковом полигоне. Суть ее в том, что солдаты, разбитые на пары, по команде бегом устремляются к огневому рубежу, отыскивают каждый свою мишень и поражают ее. Тот из двоих, кто сделал это быстрее, остается «живым». Маметанов тогда «перестрелял» всю роту.

— Итак, нападение на верхний лагерь организуем следующим образом... — Глухов изложил свой план, а в заключение сказал: — Сигнал нам подадут подрывники. В это же время снизу ударит весь батальон.

За ночь некоторые огневые точки «противника» были уничтожены без шума. Возле оставшихся затаились бойцы, чтобы по сигналу атаки забросать их гранатами. Большая часть отряда во главе с лейтенантом изготовилась к бою на скале, нависшей над верхним лагерем.

Едва в небе забрезжил рассвет, как тишину гор нарушил глухой взрыв. Гулкими раскатами отозвались ущелья, с нарастающим грохотом обрушился вниз, к перевалу, камнепад, сметающий укрепления «противника». В небе вспыхнула яркая зеленая звездочка сигнальной ракеты. Тут же из ущелья загрело громовое «Ура!» ринувшегося в атаку батальона.

В стане «противника» подняли тревогу, но в этот момент со скалы метнулись вниз три веревочных конца, и по ним как снег на голову посыпались бойцы лейтенанта Глухова. Хлестко «ударили» пулеметные и автоматные очереди — это Воданюк с Маметановым прикрывали «огнем» спуск отряда со скалы.

Не прошло и часа, как перевал был полностью занят батальоном капитана Шнякина.

Вечером в казарме шло оживленное обсуждение проведенного учения. В центре внимания были бойцы обходящего отряда. Они наперебой рассказывали подробности похода по горам и действий в тылу «противника». Один только Рекин против обыкновения был хмур и неразговорчив.

— Ничего не поделаешь, — развел руками лейтенант Мукомелов, перехватив отрешенный взгляд Рекина, — вы сами виноваты.

— Но я ведь не упал, товарищ лейтенант, — с обидой сказал солдат. — Это же лейтенант Глухов «сбросил» меня.

— Недоставало, чтобы вы и в самом деле свалились в пропасть. Хватит и того, что это действительно могло случиться. Надеюсь, вы задумаетесь над этим и поймете, что с горами шутки плохи.

Страховка и еще раз страховка * Рядовой Бекжан Маметанов — умелый и отважный боец * Крутая каменная стена тоже будет преодолена * С этих круч простреливается каждая тропинка, по которой может отходить «противник» * Скалы мотострелкам не помеха.

Фото В. ЧЕПИГИ

«Маяковский в Индии» — такова была тема вечера, состоявшегося в Музее В. В. Маяковского в Москве. Индийские литераторы, работающие в издательствах «Прогресс» и «Радуга», читали стихотворения Маяковского, переведенные на языки народов Индии. Их представлял известный индийский поэт, переводчик на язык хинди Маяковского, других произведений советской литературы и русской классики Маданлал Мадху.

Сообщение на тему «Маяковский в Индии» сделал член-корреспондент АН СССР Е. П. Чельшев. Тепло встреченный участниками собрания, выступил посол Республики Индии в СССР профессор С. Нурул Хасан.

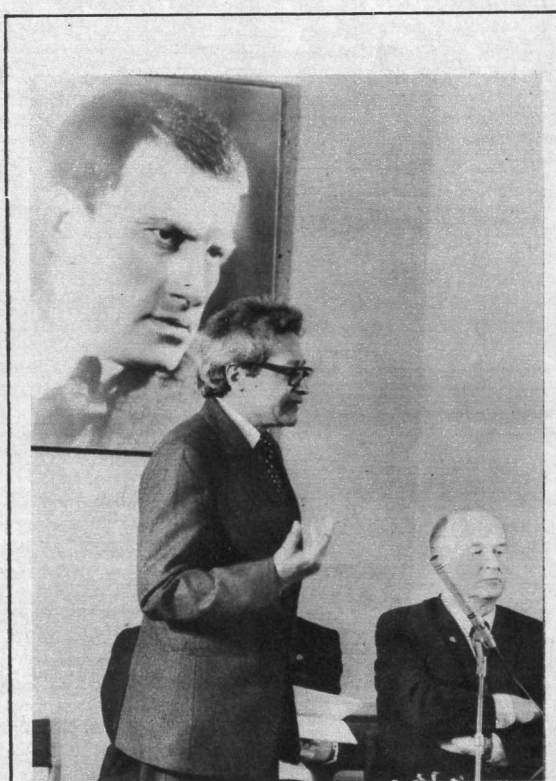
МАЯКОВСКИЙ В ИНДИИ

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
вице-президент Общества советско-индийской дружбы

О Маяковском впервые услышали в Индии в 30-е годы. Бурное развитие национально-освободительной борьбы, назревание кризиса колониальной системы стимулировали в то время создание литературы, выдвигающей на первый план идею освобождения человека и общества. В 1936 году создается Ассоциация прогрессивных индийских писателей. Руководителем ее становится основоположник критического реализма в прозе хинди и урду Премчанд, которого иногда называют «индийским Горьким».

Злободневным, острополитическим содержанием наполняется индийская поэзия. В поисках новых путей и средств художественного осмысления действительности индийские поэты обращаются к опыту советской литературы. Тогда же становится известным в Индии имя Владимира Маяковского. Оно звучит сначала как легенда, как прекрасная мечта о поэте, рожденном великой революцией. Несмотря на запреты колониальных властей, прогрессивные индийские литераторы стремятся познакомиться с его творчеством. Свойственное Маяковскому, как и Горькому, стремление приблизить искусство к народу было близко и понятно демократически настроенным индийским писателям. «Как дореволюционная литература России, так и советская литература открыли глаза нашим поэтам, послужили для них вдохновляющим стимулом к созданию стихов и песен о нашей стране и ее народе», — писал известный бенгальский поэт Бишну Де. Однако из-за колониальной цензуры, а также из-за языкового барьера, трудностей перевода творчество Маяковского, как и вся советская поэзия, долгое время оставались малодоступными для индийцев. «Несмотря на огромный интерес и любовь к советской поэзии, она все еще остается малоизвестной нашим читателям», — продолжает Бишну Де. — Возьмите хотя бы Маяковского. Много ли мы о нем знаем? Некоторые наши поэты пытались переводить на бенгальский язык его стихотворения, но пока что им удалось сделать лишь очень немногое». Заметим, что эти строки были написаны в 1972 году.

Открытие и постижение Маяковского в Индии — сложный и длительный процесс. В декабре прошлого года я работал в крупнейшей в Индии калкуттской национальной библиотеке, собирая материалы для своей книги о русской классике и советской литературе в Индии. Просматривая пожелтевшие от времени литературные журналы 40—50-летней давности: «Ханс», «Вишаль Бхарат», «Сарасвати» на языке хинди, «Урду» на языке урду, «Паричой» на бенгальском языке, хранящие память о бурных, драматических событиях тех лет, я обнаруживал

Индийский поэт Маданлал Мадху сказал: «Перевод поэтических произведений вообще нелегок, а переводить поэзию Маяковского особенно трудно. Во-первых, индийские стихотворные размеры довольно сильно отличаются от русских, во-вторых, поэзия Маяковского имеет свои отличительные особенности — необычный размер стиха, своеобразная рифмовка, оригинальные образы, местные реалии и т. д. Очень трудно сохранить все это при переводе на язык хинди, сделать так, чтобы индийский читатель воспринимал бы Маяковского как своего поэта. Я много раз читал свои переводы русским друзьям, знающим язык хинди, индийским товарищам. По возможности старался учесть их замечания и пожелания, вносил в перевод необходимые изменения. Я рад, что индийские читатели обрели возможность и радость знакомства с творчеством великого поэта. Насколько мне известно, это единственный сборник стихов Маяковского, в котором широко представлено его многообразное творчество. Хотелось бы перевести на язык хинди поэму Маяковского «Хорошо!».

в них многие публикации о нашей стране, о советской литературе. Как интересны и дороги они для нас сегодня. Их можно рассматривать как продолжение традиций, начатых книгами «Советская Россия» Джавахарлала Неру, написанной им после визита в СССР в 1927 году, и «Письма о России», принадлежащей перу Рабиндраната Тагора, посетившего Москву в 1930 году. Нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы в условиях колониального режима, полицейских репрессий и цензуры смело и открыто говорить о первой в мире стране социализма, о литературе, рожденной Великим Октябрем. Банарасидас Чатурведи, Рамвилас Шарма, Пранашчандра Гупта, Шивдансинх Чаухан, Амритрай, Гопал Халдар, Ахтар Хусейн Райпури, Саджад Захир, многие другие известные индийские литераторы стремились донести правду до своих соотечественников о советской литературе, о творчестве ведущих советских писателей. Именно они впервые познакомили своих соотечественников с Маяковским. Они писали о Маяковском как о воплощении идеала революционного поэта, отразившем в своем творчестве крушение старого мира, как о поэте Великого Октября, открывшем новую эпоху в истории человечества. «Чудесная сила, с которой он отливал в стихотворную форму свои политические убеждения, привлекала к нему наши сердца», — говорит о Маяковском известный поэт урду Али Сардар Джаффри.

Особенно усилился в Индии интерес к творчеству великого пролетарского поэта в годы Великой Отечественной войны. Чувством солидарности, восхищением благородным подвигом советских людей, вступивших в смертельную схватку с фашизмом, наполняются стихотворения многих индийских поэтов военных лет. Некоторые из них являются первыми переводчиками стихотворений Маяковского на индийские языки. «Мое первое знакомство с русской поэзией начинается со стихотворений Маяковского», — пишет один из первых его переводчиков на язык хинди, известный поэт хинди Хариванша Рай Баччан. — Именно он пробудил у меня интерес к русской и советской поэзии». Вслед за ним на язык хинди стихи Маяковского переводит Рангей Рагхав, на урду Али Сардар Джаффри, на телугу Шри Шри, на маратхи Амар Шенх. Все это известные индийские писатели, внесшие большой вклад в развитие своих национальных литератур. Поэма «Владимир Ильич Ленин» — первое произведение Маяковского, к которому обращаются индийские переводчики. Вслед за ней переводятся «Стихи о советском паспорте», «Наш марш», «Левый марш».

Перевод Маяковского на индийские языки — длинный и сложный путь к полноценному познанию подлинника. Следует заметить, что первые переводы на индийские языки произведений Маяковского были сделаны с английского языка, что, естественно, не могло не сказаться на их точности. В то же время поэты-переводчики всячески стремились максимально приблизить перевод к оригиналу, передать не только содержание, но и форму стихов Маяковского, используя для этого любую возможность привлечения в качестве консультантов либо советских друзей, либо индийцев, в какой-то степени владеющих русским языком. Об этом интересно рассказывает Х. Р. Баччан в своем предисловии к поэтическому сборнику «Шестьдесят четыре русских стихотворения», переведенных им в 1943—1963 годах, изданному в Дели в 1964 году.

Укрепление советско-индийских культурных связей способствует активизации и совершенствованию работы в области художественного перевода советской литературы в Индии и индийской литературы в нашей стране. За последние годы работа по переводу поэзии Маяковского на языки народов Индии приобретает качественно новый характер. Все большую остроту при переводе приобретает проблема адекватности перевода, поисков наиболее соответствующей оригиналу лингвистической формы, языковой природы образа. Переводы становятся все более точными и художественно зрелищными, чему во многом способствует творческое сотрудничество индийских поэтов-переводчиков и советских литераторов. В качестве примера хочу привести перевод на язык хинди отрывка из поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Разговор с фининспектором о поэзии»; ряда других стихотворений Маяковского, выполненных Рамешом Каушиком и включенных в его сборник «101 стихотворение советских поэтов», вышедший в свет в Дели в 1975 году. Издание этого сборника предшествовало почти двадцатилетний кропотливый труд поэта-переводчика, которому большую помощь оказал один из первых переводчиков и популяризаторов русской классики и советской литературы в Индии, Шивдансинх Чаухан, а также наши товарищи, живущие и работающие в Индии.

Однако качественно новый этап в популяризации творчества Маяковского в Индии определяется прежде всего тем, что переводом его стихов начинают заниматься индийские литераторы, хорошо владеющие русским языком. Все те, кто переводит стихотворения Маяковского непосредственно с русского языка, имеют возможность лучше и точнее воспроизвести индивидуальное своеобразие подлинника, творческой манеры великого советского поэта, точнее передать печать времени, исторической обстановки, отраженной в его поэзии.

Работа по переводу стихотворений Маяковского непосредственно с русского языка была начата в Москве в издательстве «Прогресс».

На вечере в Музее Маяковского выступает посол Республики Индии в СССР С. Нурул Хасан.

Пионерами ее выступили известные индийские литераторы Зое Ансари, который в 60-е годы, работая в «Прогрессе», перевел несколько стихотворений Маяковского на язык урду, и Маданлал Мадху, выпустивший в 1976 году сборник переводов на язык хинди избранных стихотворений Маяковского, предисловие к которому написал Алексей Сурков. В нем впервые на языке хинди приводится полный текст поэмы «Владимир Ильич Ленин», а также «Стихи о советском паспорте», «Левый марш», «Что такое хорошо и что такое плохо?» и др. В отличие от многих предшествующих переводов, сделанных через английский язык, в переводах, осуществляемых с подлинника, соблюдается собственная стихами Маяковского рифма, сохраняется их специфическая форма.

Не только в Советском Союзе, но и в Индии разворачивается работа по переводу стихотворений Маяковского непосредственно с русского языка. Заслуживает в этом отношении внимания выпущенный в свет в 1983 году индийским издательством Гарибхашри Пракашан сборник стихотворений, озаглавленный «Маяковский. Дореволюционные стихотворения. Перевод с русского», выполненный Варьяном Синхом.

Обращение индийского поэта-переводчика к раннему Маяковскому обусловлено, на наш взгляд, близостью современным индийским читателям проблематики его дореволюционной поэзии. Какой путь исканий и противоречий прошел Маяковский, прежде чем нашел свое место в революционной борьбе, осознал себя поэтом-глашателем Великого Октября? Как решительно боролся он против эстетизма буржуазного декаданса, против мира собственников и эксплуататоров? Как ненавидел он войну и разрушение, как страстно мечтал он об общечеловеческом счастье, о гармоничном человеке, освободившемся от буржуазной морали? Все эти проблемы стоят на повестке дня современной индийской литературы, затрагивают за живое индийских читателей.

Индийские поэты не только переводят Маяковского, но и следуют за ним, стремясь творчески осмыслить его революционную, новаторскую поэзию применительно к своей национальной почве. Четкий классовый подход, коммунистическая идейность творчества Маяковского оказали огромное воздействие на поэзию Амара Шенха, — утверждает известный маратхский литератор П. К. Атре.

Одним из лучших произведений, написанных в Индии о В. И. Ленине, является яркое, образное стихотворение «Ленин», созданное в 1944 году рано ушедшим из жизни замечательным бенгальским поэтом Шуканто Бхотточарджу, в котором нельзя не заметить влияния Маяковского. Индийский поэт пишет:

Ленин — в борьбе, в нашей силе безмерной,
в сердце моем, нетленный, бессмертный!

«Ленин и теперь живет всех живых» — этот мотив красной нитью проходит через все стихотворение Ш. Бхотточарджу, в котором появляется новая тема большого общественно-политического звучания — тема огромной роли ленинских идей в пробуждении народов Востока.

Ленин — повсюду, где волны народного гнева,
где революция — пламенем в небо,

Ленин — в Америке, в Африке, во Вьетнаме,
повсюду, где реет свободы знамя.
...Индия стонет, страдает, но ждет
избавленья —
где-то в народе рождается Ленин.

Перевод Н. Горской.

Гимном трудовому народу, расправившему плечи, поднимающемуся во весь свой могучий рост, звучит стихотворение «Рождение республики» (1950) популярного поэта хинди Рамдхарисинха Динкара.

Слышишь, как поступь новых времен
в скалы прибоем бьет?
Освобождайте скорее трон —
владыка-народ идет!
От гневного крика его дрожат
темницы и бастионы.
От мощного вздоха его с владык
слетают, как пух, короны...

Перевод С. Северцева.

Нельзя не заметить, что здесь гиперболический образ народа-исполина, сбросившего цепи колониального рабства, вышедшего на дорогу к новой жизни, близок образу Маяковского:

Гром разорвал побережий уши,
и брызги взметнулись земель за тридевять,
когда Иван,
шаги обрушив,

пошел
грозою
вселенную выдвигать.

По своей эмоциональной насыщенности, тоналности, по образному строю поэзия Динкара весьма близка творческому почерку Маяковского. Вспоминаются встречи и беседы с ним почти двадцатипятилетней давности. Как восторженно отзывался Динкар о Маяковском, как мечтал перевести и издать на языке хинди сборник его стихотворений. К сожалению, ему удалось осуществить лишь очень небольшое из задуманного.

В Индии Маяковского также иногда сравнивают с рано умершим талантливым поэтом хинди Гаджананом Мадхавом Мунтибодхом. В его трагических по содержанию стихотворениях, изображающих страдания человека, жертвы социальной несправедливости, звучат ноты надежды. Как и дореволюционный Маяковский, Мунтибодх находит в себе силы вырваться из ненавистной ему действительности, устремиться к свету и лучшей жизни. Как и Маяковский, Мунтибодх сравнивал самого себя с мусорщиком, очищающим жизнь от грязи и мусора.

Говоря о влиянии Маяковского на творчество прогрессивных индийских поэтов, нельзя не обратить внимания на одну его характерную особенность. Индийские поэты иногда как бы ведут разговор с самим Маяковским в собственных его поэзии форме и стиле. Примером такой «переключки» является сборник стихотворений «Маяковский», вышедший в свет в 1963 году, принадлежащий перу индийской писательницы, переводчицы русской литературы на язык хинди Виджайи Чаухан. Сборник открывается стихотворением «Маяковский», представляющим собой диалог переводчицы с памятником поэту.

Как много раз стояла я у твоего подножья,
Смотрела на тебя и каждую минуту ожидала,
Что оживешь ты и шагнешь со своего

пьедестала,
Крикнешь голосом своим громоподобным:
«Эй, товарищ автобус!

Остановись!
Отвези меня туда, на стройку,
Где должен я прочесть

Свой стихи рабочим
Сегодня в полдень.
Они ведь тоже включены в

Ваш семилетний план!»

Индийские литераторы, обращающиеся к современной советской литературе, обнаруживают в ней продолжение традиций Маяковского. Так, например, в предисловии к сборнику своих переводов избранных стихотворений Андрея Вознесенского известный поэт хинди Шрикант Варма проводит параллель между поэзией А. Вознесенского и творчеством Маяковского.

Голос Маяковского все громче звучит в современной Индии. Прогрессивные индийские писатели рассматривают великого пролетарского поэта как своего учителя и наставника, как товарища по оружию, сражающегося в едином строю с ними против старого мира, за свободу и счастье человека. «Влияние Маяковского», — пишет А. С. Джафри, — охватывает все страны, потому что Маяковский — это поэт не одной какой-нибудь страны, Маяковский — это поэт эпохи, той эпохи, которая стала будущим человечества. Везде, где люди стремятся к свободе, слышно биение сердца Маяковского.

премьера

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

О трагической судьбе героя, поднявшего голос за справедливость, за человеческие права, восставшего против мракобесия, лицемерия и жестокости буржуазных воротил, рассказывает «Монолог на Городской площади». Пьеса Г. Зубкова поставлена Московским новым драматическим театром...

В нашей стране и за рубежом известно имя Георгия Зубкова; он — лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, автор многих книг, киносценариев на международные темы. Мы все хорошо знаем его и по телевизионным выступлениям, всегда остро насыщенным современностью, эмоциональным осмыслением происходящих событий.

Точно соответствует замыслу драматурга режиссура С. Враговой. Ей свойственна простота и четкость социальных решений, достоверность в показе явлений жизни; достаточно вспомнить поставленный ею на сцене этого же театра «Утиловск» Л. Леонова.

...Всего три часа осталось жить журналисту Марио. У него не будет завтрашнего дня. Но и сегодняшние минуты он проживает честно и открыто. Он заново пройдет нелегкий путь борьбы и исканий, тревог и сомнений, и мы видим, что он полон уверенности, мысли, глубоких переживаний. Лишь в самом конце, когда Марио, сыгранному Н. Попковым, останется жить лишь несколько секунд, герой совсем тихо скажет свои последние слова: «Я многое успел повидать, о многом размышлял. Но никогда так ясно не понимал и не чувствовал необходимости определить свое место в этом мире постоянной борьбы...»

Рядом с главным героем живут, борются его друзья, коллеги — люди со своими сильными и слабыми сторонами, порывами, настроениями... Интересно, что оценка их поступков, их нравственных качеств опять же преломляется как бы через образ главного героя. Это и друг Марио — Редактор (А. Курский) — человек честный, неспособный ни на какие компромиссы. Это Вожак (В. Левашев), закаленный в борьбе, немногословный, внешне суровый... Это Аминь — жена Марио, интересно сыгранная Л. Медведевой.

Должна заметить: в спектакле нет ни одного актерского просчета. Интересен и вовсе не обычный образ Хозяина в исполнении Б. Гусакова. Ведь, что греха таить, в некоторых спектаклях еще бытует эдакий незатейливый стереотип дельца-капиталиста. Зато Б. Гусаков показывает нам человека неординарного. Это натура весьма сложная, противоречивая, где есть и сила и хитрость; есть коварство, жестокость, а в то же самое время — вдруг сентиментальность.

Хороши, интересно решены в спектакле массовые сцены, сцены пикета; они подчеркивают позицию Марио, дерзнувшего бросить вызов ненавистному, лживому миру.

Эмоциональный накал спектакля подчеркнут и музыкой талантливого молодого композитора М. Муромова.

Разговор о решении спектакля будет неполон, если мы не заметим декорации Н. Ткачука. Вот, например, часы на сцене... Это не только символ, метафора последних мгновений жизни Марио, но и прекрасная площадка, где выступают герои. А ведь Марио именно на Городской площади произносит свой последний монолог... Это не случайно: ведь сюда придут жители города. И он скажет им правду. И умрет.

Его самоубийство — он принял яд — открытый вызов миру сытых и богатых.

Отрадно, что театры все больше, все чаще обращаются к международной тематике, к политическим пьесам. Это — веление времени.

Марина ДМИТРИЕВА

Аминь — Л. Медведева,
Марио — Н. Попков.

Фото Т. Кисчун

А. ГОРБЕНКО

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Харьковский государственный ордена Трудового Красного Знамени академический русский драматический театр имени А. С. Пушкина был основан в начале 30-х годов. «Самое трудное в строительстве театрального дела,— писал первый художественный руководитель театра Н. В. Петров,— это организовать творческий коллектив и вести его первые два-три года по намеченной заранее творческой программе... Правильно намеченный и пройденный путь первых сезонов создает такую силу традиций, которая помогает дальнейшей жизни иногда на протяжении многих лет и даже десятилетий».

За короткий срок театр русской драмы завоевал широкую популярность у многочисленных зрителей. Н. Петров и его ближайший помощник А. Крамов принадлежали к тому поколению советских художников, которые многое предвосхитили в мировом театральном процессе, верно почувствовали стиль эпохи и нашли пути к его выражению языком театра. Уже первые спектакли, созданные ими на харьковской сцене,—«Интервенция» Л. Славина и «Чудесный слав» В. Киршона, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского и «Далекое» А. Афиногенова—были пронизаны оптимизмом, революционной романтикой, пафосом первых пятилеток.

Театр чутко отзывался на важнейшие события того времени. Шел 1936 год. У всех на устах было одно слово—Испания. Ее народ первым с оружием в руках встал на борьбу с фашизмом. Страна эта стала родной и близкой советским людям. В то тревожное время А. Афиногенов в течение двенадцати дней написал пьесу о героической и самоотверженной борьбе испанского народа «Салют, Испания!». Спустя две недели харьковский театр русской драмы одним из первых в стране показал зрителям премьеру этой пьесы.

Зрелость театра с особенной наглядностью проявилась в его обращении к художественному воссозданию образа В. И. Ленина.

Первому исполнителю роли Владимира Ильича на сцене харьковского театра русской драмы А. Крамову удалось в пьесах «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» Н. Погодина передать определяющие черты ленинского гения—политическую прозорливость, революционную страстность, могучую волю, непобедимый оптимизм, веру в творческие силы народа. Талантливый артист создал многогранный образ, ярко и убедительно подчеркивая обаятельную простоту Ильича, его человечность, скромность, искрящийся юмор. Позже Крамов передаст свой богатейший опыт молодому артисту Ю. Жбакову, который продолжит сценическую Лениниану на новом этапе...

С первых шагов коллектив неустанно боролся за создание оригинального репертуара, дал путевку в жизнь многим замечательным произведениям советских авторов. Вместе с тем театр стал подлинной лабораторией новаторской интерпретации русской и зарубежной классики. На его сцене обрели долгую счастливую судьбу пьесы Островского и Чехова, Толстого и Горького, Шекспира, Шоу, Пристли, Хемингуэя...

С 1975 года коллектив возглавил народный артист УССР А. Барсегян. Естественно, театр неотделим от многообразных творческих поисков своего главного режиссера, который стремится охватить широкую панораму нашей действительности в ее главной тенденции, в перспективе ее развития, тяготеет к метафорической образности. Но прежде всего в своих спектаклях он ищет правду жизни, многозначность характеров.

Обращение к современной советской прозе открыло новые горизонты перед коллективом, дало возможность глубже отражать жизнь. Так появились спектакли «ТАСС уполномочен заявить...» Ю. Семенова, «Дипломаты» С. Дангулова. В этой постановке в роли В. И. Ленина выступил народный артист УССР Е. Лысенко. Новые решения ищет театр и в сценической интерпретации классики. Такие спектакли последних лет в постановке народного артиста УССР А. Барсегяна, как «Борис Годунов» Пушкина и «Макбет» Шекспира, «Вишневый сад» Чехова, отличаются своеобразным режиссерским решением, безупречным вкусом.

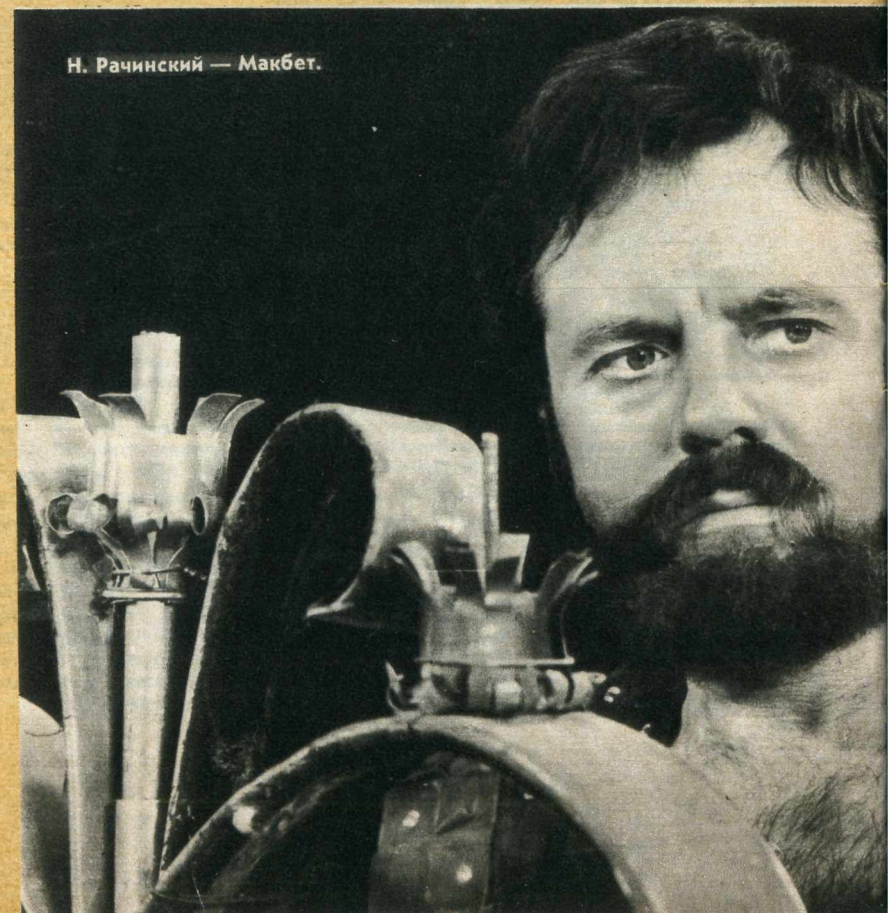
Коллектив пушкинцев встретил свой полувек юбилей в расцвете творческих сил. В его труппе сегодня актеры, обладающие высокой духовной культурой, истинной интеллигентностью, отточенным мастерством: народные артисты УССР Ю. Жбаков и Е. Лысенко, Б. Табаровский и В. Гуринов, заслуженные артисты УССР М. Тягниенко, Е. Черник... За последние годы в театр пришла большая группа талантливой молодежи—выпускники Харьковского института искусств, ученики ведущих мастеров пушкинского театра.

Интересны творческие замыслы театра. Сейчас коллектив готовит к постановке «Буранный полустанок» Айтматова, «Дачников» Горького, «Двенадцатую ночь» Шекспира. Неисчерпаема энергия коллектива пушкинцев, в этом залог их успехов.

«Последнее лето» К. Симонова.

В творческом

Н. Рачинский — Макбет.

Сцена из спектакля «ТАСС уполномочен заявить...» Ю. Семенова.

Главный режиссер театра Александр Сергеевич Барсегян.

театр

ПОИСКЕ

«Декамерон».

Е. Лысенко и Ю. Жбаков в «Темпе-1929» Н. Погодина.

Перелетные птицы

Суюнбай ЭРАЛИЕВ

ПЛАЧУЩИЙ КОНЬ

Мина взорвалась...
Повозка с кухней
с грохотом взлетела в небеса.
Конь, облившись кровью,
наземь рухнул,
и заржал,
и закатил глаза.
Глянули —
весь бок разворотило,
значит,
надо пристрелить коня.
Взял винтовку,
но остановила
жалость на мгновение меня.
— Погоди, — я так сказал
сержанту, —
как-никак, а все-таки наш друг,
разделявший с нами труд
и жажду,
зной и холод, голод и досуг.

Он снаряды на передовую
доставлял и раненых солдат,
в дым кланя дорогу фронтовую,
увозил от смерти в медсанбат.
Прощаться надо...
Мы склонились
к конской морде — и, потрясены,
видим: слезы крупно покатились
из-под помутневшей пелены.
У себя на родине немало
я объездил разных лошадей,
но что лошадь плачет — не бывало
этого на памяти моей!
Я погладил стриженую челку,
обнял шею, чтобы угадать:
ну о чем он плачет втихомолку,
не желая мира покидать?
Может быть, он вспоминает время,
то, когда беспечно сосунком
носом тыкал в бархатное вымя
с материнским сладким молоком?
Может быть, о травяном раздолье
вспоминает в судорогах он,
тихо плачет о зеленой воле,
пролетевшей, как счастливый сон.
...Но предсмертный хрип
смешался с залпом,
и, мотнув мохнатой головой,
конь замолк.

А мы пошли на запад,
выполняя долг солдатский свой.

Давай условимся с тобой,
чтоб нашу жизнь прожить
достойно,
не суетно, не беспокойно —
мы люди, тертые судьбой.
Чтоб ни обид по пустякам,
ни пересудов и ни сплетен...
Давай ни разу не заметим
то, что не подобает нам.
Великодушие и честь
пускай нас в жизни не оставят —
тогда никто нас не оставит,
да будем теми, кто мы есть.
Мы счастье позднее нашли —
так будем дорожить находкой,
поскольку слишком уж короткий
век обитателей земли.
Давай условимся с тобой,
чтоб нашу жизнь прожить
достойно,
не суетно, не беспокойно —
как люди, тертые судьбой.

Листья дрожат на ветру
словно уши земли.
В каждом урочище шум —
это ручьи шумят.
Шелест...
Шуршанье трав...
Блеянье коз и овец...
А по склону горы
девушка в красном идет,
что-то поет для себя,
ни на кого не глядя.
Девушка в красном...

Снова птицы вершат перелет —
стая с юга, другая с востока,
клин за клином из дальних
широт —
вон они в синем небе высоко!
Их дорога среди облаков,
их ночлег — где застигнет
усталость...
Сколько стран, государств,
городов
за плечами пернатых осталось!
Птичья стая, как воздух, вольна
и ничья, как небесные своды...
Под крыльями граница видна —
нет границы у птичьей свободы.
Их владения — распаханый мир...
Так летите, пернатые дива!
В синем небе то клин, то пунктир...
Прилетайте, гнездитесь счастливо!

ИЗРЕЧЕНИЕ ДЕРВИША

Поток умчится —
русло останется.
Нас похоронят —
жизнь останется.
Дважды никто не родится,
и дважды никто не умрет...
Но если
кто-то из жизни уйдет
и добрая память
о нем останется —
нечего
больше
желать!

Перевел с киргизского
Ст. КУНЯЕВ.

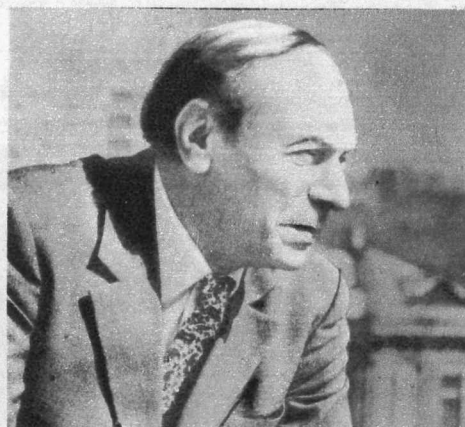
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ВЫШЕСЛАВСКОГО

ОТКРОВЕННОСТЬ

Имя Леонида Вышеславского прочно вошло в советскую поэзию уже давно, особенно же известным стало в начале 60-х годов, когда появились его «Звездные сонеты». Первое стихотворение этого цикла заканчивалось так: «Как собственной души неведомые дали разведать и открыть? Как выйти в космос мой?» А в недавно изданной книге Леонида Вышеславского «Избранное», куда включены стихи и поэмы, созданные за почти полувековой период, есть весьма примечательный «Диптих о словах». Читаем в первой его части: «К тому, что неизвестно нам, мы слово подберем, и твердо думаем, что суть отобразили в нем, меж тем и шага не прошли в неведенье своем». Читаем во второй части: «Способен только человек название дать всему, навеки словом окрестить под силу лишь ему все, даже то, чего нельзя еще постичь уму».

Нет, нет, это не парадокс и не игра ума, и нет здесь никакого противоречия, хотя так может показаться при беглом, поверхностном чтении. Напротив, поэтом чрезвычайно точно обозначены соотношения между знанием и словом, между достижениями разума и просторами того, что еще предстоит познать.

Философски осмысливая мир, Вышеславский отражает свое представление о нем в образах емких и ярких, возникающие у него ассоциации привлекают своей меткостью и глубиной. Так, например, отталкиваясь от того, что «колес в природе не найти», хотя «есть крылья, лапы, лопасти и лапы», и доискиваясь, «кто ж человеку

подсказал такое», поэт приходит к следующему выводу:

Смотрю на сад, залитый внешним цветом, —
опять зима весною сметена,
закат, сгорев, смыкается с рассветом,
цветам на смену льются семена.

За эпилогом катится вступление,
завихрены земля и небеса.
В круженье дней, времен и поколений
я слышу вещей грохот колеса!

Природа у Вышеславского всегда одушевлена, всегда в движении («глубинным, медленным роением полна лесная тишина, как будто кружатся с гуденьем бесчисленные веретена») и — неизменно — неотделима от человека, от его душевного состояния: «И в долгий час труда, и в роздых я переполнен весь, как воздух, беззвучной музыкой ветвей». Как опытный естествоиспытатель, помнящий, что человек — неотъемлемая часть природы, Вышеславский считает вполне возможной и, так сказать, неизбежной почти дерзкую метафору: «и в удивлении весна таращит лужи».

Музе поэта, столь приверженной природе, в той же мере дороги научные достижения, технический прогресс. «Счастливым переводчиком с языка науки на язык поэ-

зии» назвал Вышеславского поэт Николай Ушаков — один из наиболее верных и тонких ценителей его творчества.

Многие стихи Леонида Вышеславского посвящены любви, понимаемой поэтом как важнейшее начало в человеческой жизни, любви высокоодухотворенной и вместе с тем земной:

Но разве ты была б на свете
небес бездонней
без этих глаз и губ, без этих
плеч и ладоней!

Любовь, по мысли Вышеславского, «воздух тот, которым дышим», в ней одной «мы узнаем свое бессмертье», но является она не как нечаянный дар, а как плод усилия души:

Создав себя, создашь любовь — иначе
ее не будет, сколько ни зови.
Рванись вперед, всю жизнь переиначив,
ты — человек, творец своей любви!

Одно из лучших своих лирических стихотворений — «Откровенность» — Вышеславский заканчивает чеканным афоризмом:

Не было прозы,
а стало быть, не было
высшей поэзии
в жизни у нас.

Ему вообще присуща способность видеть высшую поэзию в обыденном. Подчас это подчеркивается даже бытовой сниженностью художественных образов: «И пух горячий, тополиный, как из распоротой перины, из полдня душного валит».

Леонид Вышеславский — русский поэт, живущий на Украине, его творчество питают два истока. Его поэзии присуща эмоциональная напряженность, но нет в ней ни ложного пафоса, ни излишних «красивостей».

Только что за сборник стихов «Близкая звезда» Л. Н. Вышеславскому присуждена Государственная премия Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко.

Передо мной простерся мир
во весь свой фронт и тыл...
К нему я слово подобрал
и тем уже открыл!

Л. ДАВЫДОВА

В плену ложной версии

В конце прошлого года в № 47 нашего журнала был опубликован очерк Виктора Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» Речь шла о том, как днепропетровской журналистке Валентине Гайдученко было предъявлено обвинение в убийстве матери. После проведенного следствия состоялся суд, который признал ее виновной и приговорил к десяти годам лишения свободы. Валентина Гайдученко виновной себя не признала и, находясь в местах заключения, настаивала на пересмотре дела. Дальнейшие события показали, что действительно у суда не было достаточно оснований для вынесения приговора. Прокуратура Украинской ССР, как об этом говорилось в очерке, признала, что «по делу были допущены грубые нарушения норм Уголовно-процессуального законодательства и прямая фальсификация».

Редакция «Огонька» получила много писем, продолжают они поступать и сейчас. Судьба Валентины Гайдученко глубоко взволновала наших читателей. Немало пришло писем от людей, так или иначе связанных с правосудием. На основании данных, приведенных в очерке, они постарались объективно оценить работу своих днепропетровских коллег. Надо сказать, что их оценка весьма критическая. Пожалуй, слова «безграмотность» и «предубежденность» встречаются в их письмах чаще других.

Вот, например, письмо из Владимира, подписанное судебными медицинскими экспертами высшей категории, кандидатами медицинских наук В. В. Миртовой, Л. Е. Полушкиной и М. А. Фурманом:

«...С большим интересом прочли судебный очерк Виктора Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» Каждый из нас проработал в судебной медицине многие годы, и у нас есть основания проанализировать те факты и, увы, домыслы, которые позволили следственным органам Днепропетровска считать Валентину Гайдученко преступницей. И так, на теле Е. И. Мусиенко обнаружен 61 кровоподтек. С изумлением мы узнаем, что их не видят в течение нескольких дней целая бригада скорой помощи и врачи 16-й больницы, куда была доставлена Е. И. Мусиенко. Заметим, что, согласно положению, о котором знает каждый врач, если потерпевший попадает в больницу с подозрением на травму или насилие, об этом необходимо немедленно сообщить следственным органам. Мы же видим, что четыре дня, пока больная была жива, поводов для суждения о криминале не было. Кровоподтеки появляются потом, после реанимации. Нередко

они могут быть более значительные, чем те, которые имелись на теле Е. И. Мусиенко. Встречаются переломы ребер, грудины, иногда повреждаются внутренние органы. Неоспоримые факты и доказательства, приведенные в очерке, позволяют нам разделить мнение автора: нет, Валентина Гайдученко не преступник, а человек, попавший в трагические обстоятельства. Юридическая и судебная ошибка тут налицо».

Не менее уверенно пишет в своем письме и заведующий кафедрой педиатрии из Винницкого медицинского института имени Н. И. Пирогова доктор медицинских наук профессор М. С. Грешило:

«Удивляет крайне низкий профессиональный уровень расследований, проводившихся днепропетровскими юристами. В уголовном деле имеется много противоречивых факторов, сопоставление которых начисто отбрасывает выдвинутое следствием тяжкое обвинение В. В. Гайдученко. Исследование показаний врача и фельдшеров станции «Скорой помощи», врачей больницы, лечивших больную четверо суток, и реаниматоров должно было направить следователя Н. Ф. Чекалина по совершенно иному пути. Убеден в том, что множественные синяки, кровоизлияния в мозг и два свежих инфаркта миокарда взаимосвязаны и имеют патологическое, а никак не насильственное происхождение».

Считаю, что грубейшие нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, допущенные днепропетровскими юристами, являются надругательством над нашей моралью и не должны остаться безнаказанными. В. В. Гайдученко должна быть полностью реабилитирована в глазах общественности».

Так специалисты оценили самое начало следствия, когда, увлекшись скандальными обстоятельствами, следователь попросту отбросил все доводы разума и рука его, как говорится, не дрогнула перед «прямой фальсификацией».

А вот письмо следователя Константина Ивановича Яковлева из Черкасс:

«Первое, что бросилось в глаза при чтении очерка и что, с моей точки зрения, отразилось на конечных результатах, это полное отсутствие контакта у следователя Н. Ф. Чекалина и В. В. Гайдученко. Именно в налаживании взаимопонимания заключается и мастерство следователя и его добросовестность. И следователь и тот, в отношении которого ведется следствие, работают над установлением истины, в этом должна заключаться их общая задача. Если же следователь получает отвод — это повод всерьез задуматься о том, насколько он правильно себя вел, насколько соответствует своей должности. Кто из нас, следователей, не испытывал удовлетворения, увидев озаренное счастьем лицо человека, когда удавалось доказать его непричастность к преступлению или же когда человек, убедившись в полной доказанности его вины, признается в ней и раскаивается. Обращает на себя внимание и то, что многие следователи, которые занимались делом В. В. Гайдученко, нисколько не отошли от выводов Н. Ф. Чекалина, несмотря на очевидное несоответствие различных обстоятельств. Что это? Солидарность?

Боязнь сказать свое слово? Или неспособность взглянуть на вещи самостоятельно? Думаю, что в любом случае у Днепропетровской прокуратуры есть основания всерьез задуматься над этой «необъяснимой» странностью в поведении следователей, увенчанных такими званиями, как «старший», «по особо важным делам» и так далее. Какие уж там особо важные дела, если они не только в самом простом разбирательстве не могут, да еще упорствуют, годами отстаивают версию, ложность которой уже стала очевидной и в Киеве и в Москве. Прочитав очерк Виктора Пронина, можно говорить о многих проблемах, которые тревожат не только юристов. Мне кажется важным то, что, предавая гласности промахи, ошибки, предвзятость, мы быстрее добьемся того, что качественней и чище станет следственная работа, повысится авторитет ее исполнителей».

Да, наших читателей волнует достоинство и авторитет юридических учреждений. В конце концов и следователь Н. Ф. Чекалин, и прокурор области М. С. Оберемок показали не просто низкую квалификацию, они проявили и равнодушие к чужой судьбе, стремление во что бы то ни стало сделать по-своему, даже вопреки здравому смыслу, закону, справедливости и указаниям непосредственного руководства».

И Михаила Семеновича Оберемка и Чекалина Николая Филипповича можно было бы понять, если бы они, замкнувшись в своих умозаключениях, не слышали голосов извне. Но голоса-то раздавались, весьма авторитетные голоса, призывающие их к сдержанности, к добросовестной, кропотливой работе. И даже теперь, когда с Валентины Гайдученко сняты все обвинения, они продолжают называть ее преступницей с убежденностью, достойной куда лучшего применения. Кто же со спокойной душой доверит им теперь свою судьбу? Кто откроется чистосердечно и с уверенностью, что его слова будут правильно поняты, истолкованы?

Весьма кратко, но четко выразился по этому поводу будущий юрист, студент Дальневосточного университета, наш читатель из далекого Холмса Сахалинской области Геннадий Карпов:

«На мой взгляд, и Н. Ф. Чекалин и прокурор М. С. Оберемок ошибочно занимают свои должности. То, что произошло, не оплошность. Столь многочисленный отряд многоопытных юристов не может заблуждаться все восемь лет...»

Юрист из Ленинградской области Наум Борисович Биндман взглянул на всю историю с несколькими другой стороны:

«Итак, Валентина Гайдученко не единожды выступала в печати по самым злободневным вопросам, приходилось ей и давать объяснения, поскольку ее позиция не всегда совпадала с точкой зрения того или иного местного начальства. И, конечно, «вызывалась на ковер». Не здесь ли собака зарыта? Не здесь ли кроется причина столь

страстного желания осудить ее, наказать, несмотря на то, что в уголовном деле явно не сходились концы с концами?»

Обратим внимание на это письмо нашего читателя — при низком качестве правосудия возможны самые невероятные толкования, самые крайние объяснения случившегося. Надо признать, подобные случаи разрушают веру людей в справедливость, вынуждают их искать побочные причины осуждения, нередко весьма далекие от обстоятельств дела. Стоит ли говорить, что круги общественного мнения, общественного интереса еще долгие годы расходятся от таких вот исключительных уголовных дел, они формируют убеждения людей, под их влиянием складывается отношение к тем духовным, нравственным, идеологическим ценностям, которые суд и прокуратура призваны защищать и утверждать.

Письмо из Куйбышева, от Виктора Сергеевича Яблонского: «Я судья с двадцатипятилетним стажем. Семь лет работал в первой инстанции, восемнадцать — во второй и в первой. Внимательно прочитав очерк «Учитывая тяжесть содеянного...», не могу не высказать несколько замечаний, которые кажутся мне существенными. При наличии показаний самой Валентины Гайдученко, отрицавшей свою вину в убийстве матери, и заявлений врача Лысковой, фельдшеров Заборы и Квасневского, полностью подтвердивших объяснения Валентины Гайдученко и пояснивших, что они не видели следов побоев на теле матери, следователю Н. Ф. Чекалину для опровержения этих показаний следовало бы найти свидетелей, которые были бы очевидцами нанесения побоев, или же иметь заключение экспертизы, в котором бы твердо говорилось о том, что все побои нанесены до появления врачей «Скорой помощи». Поскольку у следователя ничего этого не было, его обвинение выглядит голословным. И хотя показания врачей и Валентины Гайдученко не были опровергнуты, следователь подписал обвинительное заключение, а судья Т. И. Кириченко подписал приговор. Это, на мой взгляд, свидетельствует об их недобросовестности или же о юридической неподготовленности. Вынося постановление о возбуждении уголовного дела в категорической, обвиняющей форме, что уже само по себе является нарушением законодательства, следователь Н. Ф. Чекалин стал рабом своей версии. Считаю, что необходимо провести тщательную проверку работы Н. Ф. Чекалина и М. С. Оберемка, поскольку есть все основания предположить их недобросовестность при решении и других дел. Что касается поведения Валентины Гайдученко, то оно вызывает восхищение. Несомненно, статья в «Огоньке» и все те конкретные действия, которые, надеюсь, она вызовет, послужат укреплению социалистической законности».

Здесь Виктор Сергеевич Яблонский посмотрел в корень всей проблемы. Можно весьма подробно и убедительно говорить о профессиональных упущениях Н. Ф. Чекалина, М. С. Оберемка

и других участников всех этих печальных событий, однако главное все-таки заключается в том, что их деятельность подрывает веру людей в социалистическую законность, вольно или невольно заставляет усомниться в работниках честных, преданных своему делу, самоотверженно работающих в правосудии. Доказательством этого служит тот факт, что немало писем с просьбой к редакции вмешаться, настоять на пересмотре дела пришло именно из Днепропетровской области. Люди, даже справедливо осужденные, вспомнив, кто занимался их делами, какая прокуратура следила за соблюдением законности, теперь усомнились: а действительно ли их осудили по закону?

Вот коллективное письмо из Одессы, подписанное участницей Великой Отечественной войны, ветераном труда Е. А. Оноиченко и другими товарищами — всего полтора десятка подписей. Письмо составлено в весьма резких выражениях, но видно, что за резкостью стоит искренняя заинтересованность в действительности и чистоте нашего правосудия, возмущение незаконным осуждением Валентины Гайдученко:

«Нас беспрестанно возмущает тот факт, что люди, которые по долгу службы обязаны знать наши законы, неуважительно относятся к ним, так легко идут на служебно-должностные нарушения, грубо попирают социалистическую законность, тем самым принося огромный ущерб всему нашему обществу...»

Многие читатели в своих письмах ставят вопрос несколько своеобразно, хотя и вполне закономерно — уж коли мы настойчиво и целеустремленно боремся с браком на производстве, если мы наказываем бракоделов рублем, называем их поименно с трибун производственных собраний, если мы не можем более мириться со скверно сшитым костюмом, кое-как собранной машиной, если качество стало необходимой категорией во всех областях производственной и культурной жизни, то как нам поступать с бракоделами от правосудия? Как к ним относиться, учитывая, что они не только допускают брак в своей работе, но ни в какую не хотят признаваться в этом, в угоду собственным амбициям продолжают настаивать на том, что, восемь лет преследуя невинного человека, были правы?

Справедливости ради надо сказать, что пришло одно письмо, в котором автор не согласен с точкой зрения журнала и считает, что Валентину Гайдученко зря освободили из мест заключения. Письмо это пришло из Днепропетровска от бывшего старшего следователя С. С. Гладченко:

«Гайдученко торжествует победой, размахивая удостоверением Союза журналистов. Неприглядная картина!» —

так выразил автор свои чувства.

Заметим, что С. С. Гладченко ошибается. Прежде всего Валентина Васильевна еще не восстановлена в Союзе журналистов и у нее пока нет удостоверения. По этой простой причине размахивать им она никак не может. Нельзя сказать и того, что она «торжествует победой». До торжеств еще далеко, у нее до сих пор нет работы.

Что же думают обо всем происшедшем читатели, которые не имеют юридического образования и которые, конечно же, составляют большинство приславших свои письма в редакцию? Не

ссылаясь ни на статьи Уголовного кодекса, ни на положения законодательства, они пишут об обвинении Валентины Гайдученко с точки зрения наших обычных житейских забот.

Вот письмо из Москвы от Зинаиды Ильиничны Костяной:

«Валентине Васильевне Гайдученко низкий, низкий поклон за мужество, стойкость, принципиальность, честность. Спасибо вам, милая, что не сломались, выстояли. Что было бы, переведись у нас такие Валентины Гайдученко? Очень рада, что вы опять вернулись на свою необходимую работу и, как прежде, трудитесь на благо нашей Родины, нашего народа...»

Здесь надо сказать, что читательница несколько опережает события, Валентина Гайдученко еще не вернулась к журналистской деятельности, но мы надеемся, что это рано или поздно произойдет.

Письмо из Риги от полковника-инженера в отставке Андрея Павловича Барыбина...

«Молодец В. В. Гайдученко — не смирилась с выводами этих так называемых юристов, написала в «Огонек», а дальше дело уж завертелось. Теперь как будто бы все в порядке, за исключением «пустяка» — огромный моральный и материальный ущерб. Вряд ли сможет легко вернуться к прежней работе Валентина Васильевна, восемь лет пребывала в бездействии способная журналистка, которая могла бы написать о многом, помочь нам справиться со многими недостатками, поднять проблемы в самых различных областях жизни...»

Андрей Павлович упомянул чисто экономические факторы последствий подобных приговоров — человек-то вышиблен из производственной деятельности, в простое находится специалист, которого государство обучало полтора десятка лет. Неужели мы стали столь богатыми, что можем позволить себе разбрасываться первоклассными работниками, людьми, способными трезво взглянуть на недостатки, привлечь к ним общественное внимание и уже тем самым способствовать их искоренению? Нет, такие люди будут нужны всегда, и всегда их будет не хватать.

Не вникая в суть тех или иных статей Уголовного кодекса, читатели ставят вопрос о соответствии принимаемых решений вообще нашей морали. Собственно, за каждым решением, принимаемым официальным органом, будь то выделение квартиры или вынесение приговора, советский человек хочет видеть утверждение тех нравственных ценностей, которые лежат в основе нашего общества. И каждое самое незначительное уклонение, двусмысленность, не говоря уже о случаях, подобных описанному в очерке, вызывают острую непримиримость, возмущение. Сотни читательских писем еще раз подтверждают это.

Борис Хирик из Кишинева:

«До предела возмущен действиями этих юристов — Оберемки, Чекалина, Лаптева, Вьюниченко, Жищого. Как можно им доверять судьбы людей? Как могли они обвинить человека в самом чудовищном преступлении, не имея доказательств? Как могли подписать обвинение, если сами говорят, что факты можно толковать по-разному, если все можно свести к обычной драке, а потом и вообще отпустить человека по амнистии? Получается, делают, что хотят? Мне пятьдесят два года, я работаю водителем. Преклоняюсь перед мужеством этой женщины, пережившей такое несчастье и сумевшей отстоять свою честь. Передайте ей мое искреннее сочувствие и поздравления с победой разума и справедливости. Хорошо представляю, как ей жилось эти восемь лет. Полностью согласен с автором очерка: каждый из нас должен быть непоколебимо уверен:

что бы ни произошло, какие бы неприятности, неожиданности, обстоятельства ни подстерегали нас, — в любом случае с нами поступят справедливо. В этом главный принцип нашего социалистического общества, социалистического правосудия. А Валентине Васильевне надо добиваться своего до конца, теперь вся наша страна знает, что она невиновна, и мы все на ее стороне».

Еще одно письмо из Ленинграда, от читательницы «Огонька» Шилиной:

«Нет слов для восхищения и возмущения. Восхищение мужеством Валентины Гайдученко и возмущение людьми, которые поступили с ней противозаконно. И вот о чем подумалось: ведь не все мы имеем столько сил, знаний, твердости, как Валентина Гайдученко, что же делать нам, если придется столкнуться с такими «юристами»? Заранее сдаться, заранее признать свою вину, чтобы не вызвать их раздражения, чтобы потом не сказать прокурор, что я плохой человек, поскольку со мной трудно разговаривать, как сказал М. С. Оберемок о В. В. Гайдученко?»

Да, опять возникает разговор об ответственности за принимаемые решения, о личной ответственности, как об этом говорится в документах ЦК КПСС, о готовности подтвердить правильность принимаемых решений не только собственной уверенностью, но и документами, фактами, обстоятельствами, чтобы за решениями стояла забота о порученном деле, а не только о блеске пуговиц на мундире.

А вот письмо Ольги Александровны Борщевой из Ростова-на-Дону:

«Работаю в газетном киоске. Вы себе представить не можете, какой необыкновенный спрос был на № 47 «Огонька». Все возмущались несправедливостью по отношению к Валентине Гайдученко, обменивались мнениями прямо у моего киоска, и все хотели знать, какое наказание получат днепропетровские горе-юристы».

Письмо читательницы В. Г. Дидухиной из Челябинска:

«Меня особенно поразила моральная и нравственная сторона дела. Я хочу обратиться к бывшим друзьям, знакомым Валентины Гайдученко, которые, как ясно из очерка, отшатнулись от нее после вынесения приговора в самое трудное для нее время. Настоящие друзья так не поступают. Ведь они знали Валентину куда лучше, чем следователь Н. Ф. Чекалин или прокурор М. С. Оберемок, могли знать цену выдвинутому обвинению, они знали взаимоотношения матери и дочери, вообще обстановку в семье. Но, с другой стороны, их тоже можно понять, потому что авторитет суда у нас высок и люди с доверием относятся к вынесенным приговорам. Следовательно, тем более надо перепроверять и подозрения и обвинения, поскольку это отражается не только на судьбе отдельного человека. Втянутыми в печальный круговорот оказываются нередко десятки людей, и рвутся дружеские связи, многолетние привязанности, люди могут разлучиться в близких друзьях и до конца жизни остаться в одиночестве».

Своеобразным продолжением служит письмо из Кривого Рога от Д. Кана, который когда-то работал с Валентиной Васильевой в одной газете. Он пишет, что и сам поверил было предъявленному ей обвинениям и что бывшие коллеги Валентины тоже были озадачены ее осуждением. Теперь же в своем письме Д. Кан благодарит редакцию за то, что всем его коллегам-журналистам возвращена вера в сильного, мужественного человека, что отпала тяжёлая обвинительная и в общем-то, пишет наш читатель, «мы испытываем чувство облегчения, потому что тяжесть предъявленного Валентине обвинения каким-то образом коснулась всех нас».

Соотношение описанных в очерке событий с собственной жизнью,

с собственной судьбой — мотив многих писем. Ветеран партии, войны и труда В. А. Богуславская пишет из Молдавии:

«Я представила, что с дочерью поступят после моей смерти так, как поступили с Валентиной Гайдученко. И перед охватившим меня страхом меркнут все давние воспоминания о разрухе, голоде, о боях и тяготах войны. Считаю, что днепропетровские юристы ссылались на статьи закона попросту прикрывали свое безразличие к человеку, свой угасший к нему интерес. Стоит ли с таким отношением к делу и с таким отношением к человеку продолжать заниматься следственной работой?»

«Считаю, что на свете есть три святые профессии — врач, учитель и юрист, — подхватывает эту мысль О. Д. Снисаренко из Орла. — Но юрист, по моему, вдвойне соединяет в своей профессии врача и учителя. Да, он должен излечивать пороки в человеческой личности, он должен его учить жить по совести, по закону, по справедливости и осторожно, умело пользоваться властью, которая для того и дана ему народом. Прошу передать эти мои слова следователю Н. Ф. Чекалину и прокурору М. С. Оберемку — именно их я имею в виду. Извините за помарки, писала глубокой ночью, боялась, что к утру остынут от очерка и не решусь написать. С комсомольским приветом, Ольга Снисаренко».

А дальше идет ее письмо Николаю Филипповичу Чекалину. Приведем его, опустив наиболее сильные выражения:

«Чекалин! Прочитав очерк Виктора Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...», я была глубоко возмущена вашим поведением. Вы стоите на страже закона, в ваших руках человеческие судьбы, и вы не имеете никакого права калечить их в угоду собственной карьере или чести мундира. Думаю, что вам нельзя работать в следственных органах. Я сама будущий юрист, и надеюсь, мое письмо заставит вас задуматься. Вы можете думать о себе что угодно, пока о качестве вашей работы никто не знает. Но теперь, когда о ней стало известно миллионам, не знаю, что даст вам право уважать себя».

«Я был просто шокирован, прочитав этот очерк, — пишет из Юрмалы Андрей Мелналикис. — И не смогу успокоиться, пока не узнаю, что виновники злоупотреблений законом должным образом наказаны. Это сделать необходимо, чтобы не убивали они веру людей в справедливость и гуманность советских законов. Считаю, что произошло кощунство, самое настоящее надругательство над нашими законами, над моралью и нравственностью. Эти слова произнес в очерке Н. Ф. Чекалин, но я глубоко убежден, в первую очередь они относятся к нему самому».

Еще одна точка зрения, ее высказал Семен Иванович Белозуб из города Волхов Ленинградской области:

«Мне думается, настало время подключить к разбору подобных случаев аттестационную комиссию, чтобы скомпрометировавших себя юристов, в данном случае Н. Ф. Чекалина, М. С. Оберемку, Н. И. Жищого и других, попросту лишить всех званий и дипломов, поскольку проявили они себя не только неподготовленными, но даже неспособными понять то, что им вольно выдают другие. Что же делать, бывает, человек обнаруживает неспособность к той или иной профессии еще на студенческой скамье, а иногда это проявляется гораздо позже, когда он успевает получить приличную должность, обзавестись кабинетом и подчиненными. А суть-то остается прежней — данная работа ему противопоказана. Это особенно касается работы юриста, требующей от человека и душевного такта и способности понять ближнего».

Еще письмо, которое нельзя не привести, его написала А. В. Климова из поселка Михайловского Ярославской области:

«Уверена, что равнодушных среди читателей не найдется, вы получите тысячи писем. Очерк «Учитывая тяжесть содеянного...» мой муж не смог дочитать до конца — схватился за сердце и лег в постель. Я вот тоже никак не могу успокоиться и решила написать

А. Саврасов. 1830—1897. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ.

Куйбышевский художественный музей.

А. Архипов. 1862—1930. РЫБАКИ.

Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева.

вам. Думаю, мы все должны быть благодарны Валентине Васильевне за ее мужество и бесстрашие. Такие примеры нужны нам, чтобы мы все становились сильнее, увереннее. Дорогая Валентина Васильевна! Приезжайте, пожалуйста, к нам в гости, отдохните у нас в Михайловском. Мы с мужем живем вдвоем, в двухкомнатной благоустроенной квартире. В десятке метров лес, Волга. Если приедете летом, будем ходить за грибами, малиной, а остальные дары природы у нас на огороде. Приезжайте к нам, дорогой человек, приезжайте со всей семьей. С уважением Александра Владимировна и Василий Васильевич Климочкины.

Подобное письмо не единственное. Едва ли не в каждом выражено восхищение мужеством Гайдученко, ее настойчивостью. Об этом пишут Малинины из Волгограда, учительница Мазилкина из Куйбышевской области, М. И. Суворов из Тувинской АССР, Михаил Иванович Григорович из Архангельской области, Георгий Захарович Доронин из Вильнюса, коллектив автобазы № 2 из Хабаровска, коллектив редакции газеты «Советское Приморье» Приморского края, Зоя Георгиевна Горкова из Талды-Кургана, Виктор Григорьевич Пронин из Одессы, И. Ф. Бондаренко из Тюмени и многие-многие другие.

А наши читатели И. Н. Гузий из г. Брежнева и В. А. Игумнов из Красноармейска, увы, точно предсказали окончание этой истории.

«Не будет ничего удивительного, если виновникам будет объявлено по выговору», — написали они в своих письмах.

Приводим ответы, полученные редакцией из Прокуратуры УССР, Министерства юстиции УССР и Днепропетровского обкома партии.

ОТВЕТ ПРОКУРАТУРЫ УССР:

«В связи с опубликованием в Вашем журнале № 47, 1983 г., очерка В. А. Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» Прокуратурой УССР еще раз были тщательно изучены материалы прекращенного уголовного дела в отношении Гайдученко В. В., и вопрос о допущенных по нему нарушениях законности рассмотрен на заседании коллегии.

Коллегия признала, что для возбуждения дела и его расследования имелись основания, обусловленные фактом смерти Мусиенко Е. И. и первичным заключением судмедэксперта о том, что «причиной ее смерти является черепно-мозговая травма с кровоизлиянием под твердую и мягкую мозговые оболочки». Однако в ходе дальнейшего расследования отдельными работниками прокуратуры Днепропетровской области допущены существенные недоработки, неполнота, неправильная оценка доказательств, что привело к необоснованному задержанию, аресту, привлечению Гайдученко В. В. к уголовной ответственности и ее осуждению. Этому способствовало и отсутствие должного прокурорского надзора и контроля за расследованием, волокита, формальное отношение к разрешению поступающих жалоб.

Фактам допущенных нарушений законности дана острая оценка, и виновные должностные лица приказом прокурора УССР привлечены к строгой дисциплинарной ответственности.

Следователь по особо важным делам прокуратуры Днепропетров-

ской области Чекалин Н. Ф., расследовавший это дело в период работы следователем прокуратуры Жовтневого района г. Днепропетровска, освобожден от занимаемой должности.

Прокурору области Оберемку М. С., его заместителю Заносиенко В. А., прокурору Жовтневого района г. Днепропетровска Вовку В. А., прокурору следственного управления прокуратуры республики Матяшу Н. М. объявлен каждому строгий выговор. Выступавшим по делу в судах в качестве государственных обвинителей работникам прокуратуры области Трайдуку Н. Н. объявлен выговор, а Дудиной Л. П., с учетом того, что она являлась в то время молодым специалистом и не имела достаточного опыта, — замечание. К дисциплинарной ответственности привлечены также бывший следователь прокуратуры Жовтневого района Жицкий Н. И., работники следственного управления облпрокуратуры Цымбал В. Р. и Думчинова А. П. Вопрос об ответственности зам. прокурора Жовтневого района Богуну И. Д., санкционировавшего арест В. В. Гайдученко, будет решен после его выздоровления, поскольку он находится на лечении в больнице.

Приказ направлен прокурорам областей и транспортным прокурорам республики, которым дано указание обсудить его со всеми оперативными работниками, принять меры к усилению надзора и контроля за расследованием и рассмотрением в судах уголовных дел, разрешением жалоб, к недопущению случаев нарушений законности...

Прокурор Украинской ССР, государственный советник юстиции 2-го класса
П. Г. ОСИПЕНКО.

ОТВЕТ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ УССР:

«В связи с публикацией в журнале «Огонек» № 47 за ноябрь 1983 года статьи В. Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» коллегия Министерства юстиции Украинской ССР рассмотрела вопрос о грубом нарушении законности судами Днепропетровской области при рассмотрении уголовного дела по обвинению Гайдученко В. В.

Критика в адрес Жовтневого райнарсуда города Днепропетровска и Днепропетровского областного суда коллегией Министерства признана правильной.

При рассмотрении некачественно расследованного уголовного дела судами было допущено нарушение требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств преступления, что повлекло постановление незаконных обвинительных приговоров в отношении Гайдученко В. В.

Народному судье Жовтневого райнарсуда г. Днепропетровска Залевской Н. Э. и члену Днепропетровского облсуда Емандыковой Л. Д. строго указано на допущенные ими нарушения закона при рассмотрении дела по обвинению Гайдученко В. В., и поставлен вопрос о привлечении их за это к партийной ответственности.

В отношении бывшего народного судьи Жовтневого райнарсуда г. Днепропетровска Кириченко Т. И. и бывшего члена Днепо-

петровского облсуда Дудника В. Г., которые с 1982 года в судах не работают, также поставлен вопрос о привлечении их к партийной ответственности за допущенные ими нарушения закона при рассмотрении названного уголовного дела.

Председателю Днепропетровского областного суда Буркуну В. В. строго указано на недостаточный контроль за организацией работы судебной коллегии по уголовным делам. Одновременно поставлен вопрос о привлечении Буркуна В. В. к партийной ответственности за существенные недостатки в работе областного суда.

Министр
В. И. ЗАЙЧУК.

ОТВЕТ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ:

«Рассмотрев материалы проверки Прокуратуры и Министерства юстиции Украинской ССР по статье «Учитывая тяжесть содеянного...» в журнале «Огонек» № 47 за ноябрь 1983 года, бюро Днепропетровского обкома Компартии Украины признало критическое выступление правильным.

За непринятие надлежащих мер по устранению нарушений законности при расследовании уголовного дела в отношении Гайдученко В. В. заместителю прокурора области т. Заносиенко В. А., непосредственно отвечающему за состояние следствия, объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Жовтневому райкому партии Днепропетровска поручено рассмотреть вопрос об ответственности народных судей и членов областного суда, причастных к вынесению неправосудного приговора.

Учитывая, что прокурор области Оберемку М. С. строго наказан в дисциплинарном порядке прокурором Украинской ССР и освобожден от должности в связи с истечением конституционного срока полномочий, бюро обкома партии сочло возможным ограничиться принятыми мерами.

Руководителям административных органов поручено осуществлять дополнительные меры по обеспечению законности в повседневной деятельности милиции, судов и прокуратуры.

Секретарь обкома
Компартии Украины
В. БОЙКО.

* * *

Прокуратура УССР, а также Министерство юстиции Украинской ССР и Днепропетровский обком партии, признавая «грубое нарушение законности судами Днепропетровской области при рассмотрении уголовного дела по обвинению В. В. Гайдученко», называют все новых и новых действующих лиц. Что же их всех заставляло «ошибаться» восемь лет, что толкало их на эти самые «грубые нарушения»?

К сожалению, официальные письма на эти вопросы не отвечают.

Остается добавить, что редакция, связавшись с Днепропетровской прокуратурой, уточнила, что Н. Ф. Чекалин действительно освобожден от занимаемой должности. Теперь он старший помощник прокурора Жовтневого района Днепропетровска.

НА ПАРТИЗАНСКИХ ТРОПАХ

Осенью 1941 года немецкая группа армий «Центр» оккупировала значительную часть Московской области и вплотную подошла к советской столице. И здесь, под Москвой, немецко-фашистские захватчики потерпели сокрушительное поражение. В разгром немецких войск внесли достойный вклад партизаны и разведывательно-подрывные группы, действовавшие в тылу врага. Семнадцать тысяч солдат и офицеров противника истребили в лесах Подмоскovie партизаны.

Об этих отважных людях, об их героических делах рассказывает книга «Клятва верности сдержали». В книге приведены документы, свидетельствующие об огромной работе областной и городских партийных организаций в создании партизанского движения. Для централизации и более оперативного руководства борьбой в тылу врага МК ВКП(б) создал 12 подпольных окружных комитетов партии.

Партизанские отряды формировались из добровольцев. В них вступали партийные и советские работники, беспартийные трудящиеся, комсомольцы, учащаяся молодежь. Они проходили необходимую военную подготовку. В лесных чащах и скрытых балках готовились основные и запасные базы для партизанских отрядов. Создавались партизанские отряды и непосредственно в Москве. В октябре — ноябре 30 таких отрядов были переправлены в тыл врага. Партизаны поддерживали связь с частями Красной Армии и вели разведку по их заданию.

Так, например, комиссар партизанского отряда Пономарев и командир отряда Агафонов в донесении пишут: «17 ноября 1941 года группа в 10 человек, разведав передний край противника, вышла на Варшавское шоссе. Пробыв в тылу 7 дней, принесла много данных о противнике и сдала в 110-ю стрелковую дивизию. В этом походе особенно самоотверженно вели себя партизаны Новиков и Герасимов».

В партизанских отрядах, в разведывательно-диверсионных группах воевали и молодые защитницы Родины. В смелости, находчивости они не уступали мужчинам.

Так, в группе М. Н. Соколова, с которой Зоя Космодемьянская 4 ноября первый раз пошла на задание, были еще К. Милорадова, В. Зоричева и Л. Королева. А разведывательно-подрывная группа Елены Колесовой целиком состояла из девушек.

Лена и ее подруги уничтожили более 100 солдат и офицеров противника, заминировали дороги, на десять километров нарушили линии связи и без потерь вернулись в свой штаб. Елена Колесова была впоследствии удостоена звания Героя Советского Союза.

Книга «Клятва верности сдержали» полезна не только для изучающих историю Великой Отечественной войны, она интересна и для широкого круга читателей, особенно для молодежи.

А. ГОЛИКОВ

Клятва верности сдержали. Партизанское Подмоскovie в документах и материалах. М. «Московский рабочий», 384 стр.

«ОН БЫЛ ПИСАТЕЛЬ ИЗ НАРОДА...»

Моя болезнь (сочинительство) так далеко зашла, что я принадлежу уже не самому себе, не своим домочадцам, а нашей литературе и той огромной семье, которая называется «народ».

Шолом-Алейхем.

Если и можно дать однозначное определение такому значительному и своеобразному художнику, каким был Шолом-Алейхем, то оно лучше всего сформулировано им самим в письме к Льву Толстому: «...я еврейский народный бытописатель». Причем, конечно, «бытописатель» здесь не означает — наивный описатель нравов и жизни. Бытописание Шолом-Алейхема — это настоящее проникновение в мир, характеры, поступки маленьких людей, населявших города и местечки дореволюционной России. Наделенный от природы необычайным талантом схватывать «живые черты всякого явления, любого человека», он создал в своих книгах потрясающую картину трагедии еврейских народных масс, загнанных царским правительством в недоброй памяти «черту оседлости». Именно в книгах Шолом-Алейхема заговорили массы этого несчастного народа, обреченного в дореволюционном прошлом на бесконечное бесправие, унижение и нищенское существование.

Размышляя о пути Шолом-Алейхема в литературе, нельзя забывать, что он, выросший и воспитанный в патриархальной еврейской семье, в своем творчестве следовал традициям великой литературы критического реализма.

Не надо быть слишком проницательным, чтобы увидеть среди гигантов русской словесности девятнадцатого века предшественника Шолом-Алейхема, художника, который так же, как и он, понял душу маленького человека, проник своим гением в его мир, ужаснулся несправедливости и жестокости этого мира. Конечно, именно Гоголь оказал наибольшее влияние на прозу Шолом-Алейхема. Справедливо замечает Р. Рубина, исследовательница творчества писателя, что гений Гоголя был его идеалом с юных лет. А став знаменитым писателем, он символически бережно хранил в особом конверте свой свободный перевод известного отрывка из «Мертвых душ»: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирая всю громадно-несущуюся жизнь, озирая ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»

Шолом-Алейхем писал по-настоящему веселые книги. Выдающийся сатирик и великий стилист, он буквально погружает читателя в раскованный, свободный быт своих героев, они — и местечковые портные, и коммивояжеры, и бродячие актеры, и неудачливые «бизнесмены» — живут поистине «живой жизнью», с такой тонкой наблюдательностью и юмором созданы их характеры. Но глубокая печаль чувствуется едва ли не за каждой, даже самой веселой строкой Шолом-Алейхема. Гуманист и знаток человеческой души, он отлично понимал, что «незримые, неведомые» миру слезы так часто сопутствуют на нашей земле даже сильным, не говоря уже о тех, кому судьба уготовила вечную боль и унижение. И потому вдруг вырываются у его, казалось бы, беззаботных и веселых персонажей такие, например, признания: «...Вся наша отрада в том, что мы изливаем один перед другим всю горечь

Шолом-Алейхем. Портрет работы художника С. Грузберга (Львов).

исстрадавшегося сердца, вместе сетуем над бездомностью благодати, скорбим о судьбе несчастной, исхлестанной «клячи», то есть народа нашего, — а уж если, с божьей помощью, иногда на проводах царицы субботы хлебом по малости вина, нам становится так весело, так весело, что слезы льются из глаз...»

Прочитайте, перечитайте в первую очередь новеллы Шолом-Алейхема хотя бы из цикла «Касриловка», имеющего подзаголовок «в маленьком мире маленьких людей», и вы окунетесь в такую глубину, в такое подернутое рыской нищеты и бесправия болото окраинных местечек, что поневоле вспомните Салтыкова-Щедрина. Но мир рассказов Шолом-Алейхема ярко и своеобразно окрашен национальным колоритом, писатель — замечательный мастер не стилизации, нет, а живой, народной разговорной речи, которая даже в переводе создает совершенно своеобразную атмосферу его рассказов.

В насыщенном юмором, колоритными описаниями и грустными раздумьями мире живут и герои крупных произведений писателя. Такие, как благородный Тевье-молочник из одноименной повести и тонкий и талантливый Мотл из повести «Мальчик Мотл». Эти вещи пронизаны смехом, но в них же слышится и неизбывная тоска по той жизни, которая должна бы быть у таких людей, как Тевье-молочник и мальчик Мотл, и вера, что талант народа, его жизнестойкость не могут сломить самые ужасные условия существования.

Прочтя русский перевод первой части повести «Мальчик Мотл» под названием «Дети черты», А. М. Горький писал Шолом-Алейхему в 1910 году с Капри: «Искренне уважаемый брат! Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал. Чудесная книга... Вся она искрит-

ся такой славной, добротной и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни».

Человек необычайно театральный, блестящий драматург, обладавший неподражаемым мастерством свободного, искрящегося диалога, Шолом-Алейхем именно актерам посвятил свой знаменитый роман «Блуждающие звезды». В этом романе писатель, сам сполна испивший горькую чашу «пролетария пера», с огромной обличительной силой обрушился на «капиталистический рай» Америки, с которым он воочию имел возможность познакомиться. Заброшенность и одиночество настоящего художника в буржуазном мире — вот основная мысль этого романа.

Он сам побывал в Америке после революции 1905 года и воочию убедился в бесчеловечности и бездуховности заокеанского рая. Вернувшись в Россию, писатель не раз совершал поездки по стране, читая свои произведения. Росла его слава, поклонники следовали за ним, непревзойденным исполнителем собственных сочинений, из города в город.

На одном из немецких курортов застала Шолом-Алейхема первая мировая война. Отрезанный от России, не имея возможности вернуться на родину, он уезжает в Америку и здесь всего пятидесяти семи лет от роду умирает вдали от родины 15 мая 1916 года.

Однажды в минуты болезней и горя, в «черные дни», он написал стихотворение «Надпись для памятника на моей могиле», которое как бы сфокусировало особенности его творчества и духа:

Здесь погребен простой еврей.
Он был писатель из народа,
Всю жизнь писал он для людей
Простого звания и рода.

Он на смех поднимал, честил,
Явил насмешкой мир великий.
Но мир, однако, не тужил,
А он век прожил горемыкой.

И в час, когда все от души
Смеялись, позабыв печали,
Он плакал, — видит бог, — в тиши,
Тайком, чтоб люди не видали.

Шолом-Алейхем в переводе с еврейского на русский язык означает приветствие: «Мир вам». Не случайно избрал этот псевдоним Шолом Рабинович, родившийся в украинском городе Переяславе Полтавской губернии. Глубокий, своеобразный художник, он создал и передал читателям в своих книгах действительно целый мир, мир жизни истинно народной.

На недавнем заседании президиума Антисемитского комитета советской общественности справедливо и точно отмечалось, что «Шолом-Алейхем вел неустанную борьбу за реализм в литературе. Писатель призывал на страницах своих книг к интернациональному единению людей труда. Эта идея интернациональной сплоченности угнетаемых в борьбе против социального и духовного гнета вызвала и вызывает особую злобу сионистов, националистов всех мастей».

Писатель снискал заслуженное и широкое признание, любовь и уважение советских людей. Его произведения издавались в СССР 542 раза на двадцати четырех языках».

М. ЛИНЕЦКИЙ,
кандидат филологических наук

ИСПОЛНИЛОСЬ 150 ЛЕТ
СО ДНЯ ВЫХОДА ПЕРВОГО
НОМЕРА ПОПУЛЯРНОГО
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЕЖЕНЕ-
ДЕЛЬНИКА «КВЕТЫ», ЧТО В
ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ
ОЗНАЧАЕТ «ЦВЕТЫ». МЫ
СВЯЗАЛИСЬ С РЕДАКЦИЕЙ
ЖУРНАЛА В ПРАГЕ, К ТЕЛЕ-
ФОНУ ПОДОШЕЛ ЗАМЕ-
СТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕ-
ДАКТОРА ВЛАДИМИР ЛЕН-
СКИЙ.

— От всей души «Огонек» поздравляет коллег! Как чувствуете себя на сто пятьдесят первом году жизни?

— То, что в Праге очень трудно купить «Кветы», лишний раз свидетельствует об интересе со стороны читателя. Журнал расходуется буквально за считанные часы. И это невзирая на тираж, который за последние десять лет вырос более чем вдвое и составляет сейчас 380 тысяч экземпляров — для Чехословакии немало. Несмотря на внушительный «возраст», чувствуем себя прекрасно. Мои коллеги полны энергии и творческих сил.

— У журнала «Кветы» долгая история. Вот если перенестись на полтора столетия назад, в XIX век?

— ...На чешских землях и в Словакии нарастает процесс национального возрождения, идет борьба против засилья чужих языков, за развитие литературы, науки и искусства. Литератор и общественный деятель Йозеф Кастан Тыл в условиях абсолютистского режима Габсбургской монархии выступает в защиту национальной культуры, вместе с друзьями мечтает о журнале для народа, который смог бы стать подлинной «общественной книгой» масс. Мечта Тыла осуществилась в январе 1834 года. Редакция нового издания, которое решено назвать «Кветы», помещалась в тесной комнатке солдатских казарм на нынешней пражской площади Республики. За свою работу Тыл получает 4 золотых в месяц — этой суммы ему хватает, чтобы... два раза не очень сытно пообедать.

Со временем журнал превращается в подлинную трибуну чешской письменности. На его страницах публикуются такие видные авторы, как Карел Сабина, Карел Гинек Маха, Карел Яромир Эрбен, Божена Немцова, позднее Витезслав Галек Ян Неруда, и многие другие.

— В начале века изданием журнала занимались чешские социал-демократы. «Руде кветы» («Красные цветы») — так он назывался?

— «Руде кветы» распространялись среди пролетариата в эпоху грядущих революций. И сыграли большую роль в деле сплочения рабочих накануне жестоких схваток с классом угнетателей. Одним из редакторов журнала был Антонин Мацек — автор чешского текста «Интернационала», рабочий, а затем коммунистический журналист. В издании сотрудничали классики литературного репортажа Эгон Эрвин Киш, писатели Иржи Махен и Станислав Костка Нейман, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии Иван Ольбрахт, политические карикатуристы Франтишек Кубка и Макс Швабинский.

— Расскажите, пожалуйста, о связях журнала со своими читателями.

— Уже много лет «Кветы» организуют традиционные балы. На них приглашаются бригады социалистического труда, завоевавшие в соревнованиях право называться именем журнала. Таких коллективов в стране сейчас шесть.

Этим не ограничиваемся. Стараемся всегда быть рядом с читателем, особенно молодым. Ежегодно в городе Пелгржимов устраиваем праздники Мира, а в районном центре Зноймо — дни пионеров и молодежи. Вместе со Свазармом — организацией, аналогичной ДОСААФ, — проводим парад авиации. Это служит делу воспитания граждан Чехословакии в духе патриотизма и интернационализма. Во многом «Кветы» тесно сотрудничают с братским журналом «Живот» («Жизнь»).

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. А. КУЛИДЖАНОВА

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО РЕЖИССЕРА

Лев Кулиджанов — имя, широко известное не только в кино. Артист одаренный, он вошел в режиссерское искусство, пройдя реалистическую школу Сергея Аполлинариевича Герасимова, — школу правды. В фильмах, созданных Кулиджановым, запоминаются не только отдельные, ярко сыгранные роли, но весь образ картины. Во всех его лентах — и это существенно для режиссерского почерка — актеры всегда выбраны точно, хотя порой и неожиданно.

Например, как зрело и законченно был им создан четверть века назад (вместе с таким же молодым Яковом Сегелем) «Дом, в котором я живу». Фильм — почти дебют, а как метко выбраны актеры, какое пристальное внимание к деталям, к быту, как правдиво показано время. Здесь создавались кинематографические судьбы Михаила Ульянова, Евгения Матвеева, здесь вошла в большое кино юная школьница Жанна Болотова.

Картина попала тогда на весьма престижный фестиваль, проводимый в рамках Всемирной выставки в Брюсселе, и была удостоена приза «За лучшую постановку». Отсюда она зашагала по экранам мира, встав рядом с такими шедеврами, как «Судьба человека», «Баллада о солдате», «Летят журавли»...

Неожиданным было появление Юрия Никулина в фильме «Когда деревья были большими» в совсем ином амплуа, чем доселе. Это определило и успех картины и кинематографическую судьбу самого Никулина. Здесь же играл «новый» в ту пору актер — Василий Шукшин.

А «Преступление и наказание», куда органично вошли и опытный Иннокентий Смоктуновский и молодой ленинградский актер Георгий Тараторкин, ставший теперь одним из ведущих мастеров экрана... Мне довелось видеть «Преступление и наказание» по Достоевскому на кинофестивале в Венеции. Вместительный зал дворца на острове Лидо был переполнен. Публика своеобразная, пестрая. Но и она была захвачена тем сложным психологическим поединком, который тонко, виртуозно вели Иннокентий Смоктуновский и его молодой партнер Тараторкин.

Прошло полтора десятка лет, и я увидел этот фильм по телевидению. Он несколько не потерял своей силы и глубины. Более того, оказался очень близким голубому экрану. Именно здесь — может быть, даже сильнее, чем на большом экране, — прозвучала тревожная многозначная мысль гениального писателя.

И, наконец, поистине громадный замысел! Создать фильм о жизни Карла Маркса...

Фильмография творчества Льва Кулиджанова может подсказать мысль, что режиссер идет будто по разным, часто противоположным направлениям, охватывая темы, далеко отстоящие одна от другой; что режиссер ведет свой поиск в направлениях почти противоположных. Но это совсем не так! Здесь — постижение главной сути экранного искусства. Стремление охватывать широкие пласты жизни созидующим взглядом современника. Нести зрителям не пустяки, не безделушки, а важное, познавательное, существенное и художественно ценное.

Фильм о Карле Марксе, созданный на сложнейшем историческом материале, получил широчайшее общественное признание. Он удостоен самых высоких наград. О нем много написано, много сказано. Но хочется еще раз напомнить о принципиальном значении фильма для кинематографического процесса последних лет.

Всматриваясь в кадры этой картины, мы как бы перелистываем страницы жизни молодого Маркса — и это обогащает наше представление о пути основателя научного коммунизма. В то же время каждый кадр дает обильную пищу для серьезных раздумий об учении Маркса, как о самом главном, самом существенном в судьбах человечества.

Создание этого фильма — пример успешного творческого сотрудничества кинематографий социалистических стран, взаимообогащения национальных культур, оплодотворенных великой идеей. Это также и пример утверждения на экране поистине эпохальных тем и проблем.

Народный артист СССР Лев Кулиджанов — один из ведущих кинорежиссеров нашей страны. Первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР, депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК КПСС. Серьезнейший повседневный опыт идеологической и организационной работы помогает ему и как художнику.

Хочется сердечно поздравить Льва Александровича с присвоением ему высокого звания Героя Социалистического Труда.

Режиссер находится ныне в расцвете сил. Он исполнен больших творческих замыслов. Главный из них — создать фильм о XX веке — эпохе Великой Октябрьской революции, эпохе величайших революционных процессов.

Вл. БАСКАКОВ,
доктор искусствоведения,
секретарь правления
Союза кинематографистов СССР

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

С ДАЛЬНИМ ПРИЦЕЛОМ

...Потерпев поражение, республиканская армия отступила на территорию Франции. Педро получил задание штаба Франко оставаться в рядах республиканцев.

Во французском лагере интернированных испанцев он работал уже на немецкую разведку. Ему помогли «бежать» и поселиться в Париже под фамилией Фелиппе Медрано. Как того требовал шеф немецкой разведки, он жил скромно, незаметно, катил по утрам свою тележку продавца зелени, весело выкрикивая: «Спаржа в пучках... Морковь, капуста». И ждал своего звездного часа. Час этот настал в тот день, когда в Париж вступили гитлеровцы, однако затаенная надежда получить солидную должность в штабе оккупантов или в полиции рухнула: фашисты внедрили его в один из подпольных комитетов парижских франтире-ров. В Париже Фелиппе пробыл недолго: опасность провала провокатора нарастала, и его перебросили в Лотарингию, туда, где действовали маки... После войны агента Фелиппе Медрано — Арриго Кастильо унаследовало ЦРУ. Что же касается Мигуэля, то он почти десять лет прожил в Москве вместе с испанскими и советскими сверстниками. Его торжественно приняли сперва в пионеры, а потом в комсомол. Ему нравилась страна, ставшая для него родным домом, но ни на один день не угасала в нем любовь к Испании. И после войны о нем, так же как и об отце, позаботилось ЦРУ — оно добилось возвращения Мигуэля в Испанию с первой же группой репатриантов. В Мадриде его встретил молодой человек, отрекомендовавшийся дальним родственником.

— А отец, где он? — спрашивал Мигуэль.

— Его сейчас нет в Испании, по делам службы улетел в Венесуэлу и телеграфировал мне, чтобы я вас встретил. Вам здесь будет хорошо. А что касается расходов, то ваш отец достаточно богат, оплатит...

Мигуэля поселили в хорошем отеле, и первое время он недоумевал, по какому случаю его персоне такое внимание? Но позже все стало на свое место.

...Их очень устраивал этот потомок испанской знати, которого по хитрому замыслу разведки Франко в свое время с дальним прицелом отправили в Москву вместе с детьми республиканцев. «Он понадобится и нам, и фюреру, и дуче». Фюрера и дуче нет в живых, но остались каудильо и «наследники».

Первые же беседы с Мигуэлем озадачили работников ЦРУ: орешек крепкий. Это была длительная и многотрудная операция — обратить в свою веру юношу, прожившего столько лет в Советском Союзе. Но у людей ЦРУ имелся большой опыт взращивания агента. В ход пошли испытанные средства — туристические поездки в Канаду и в США, идеологическая обработка («вот она, настоящая свобода личности, демократия»). Вскоре появился и отец, он активно подключился к сотрудникам ЦРУ. Сперва рядился в тогу архилевых троцкистов, потом стал петь с голоса правых социалистов, внушая Мигуэлю, что тот, кому дороги светлые идеалы свободы, прогресса, расцвета личности, пойдет рядом с борцами против коммунизма, против Советов. Минует год-другой, и политика, идеалы будут отброшены прочь. Подбор нужных друзей, родственников, среди которых генералы, высокопоставленные

чиновники, подбор книг и вовремя предложенная газета с антисоветской статьей сделали свое дело. Мигуэля приобщили к фешенебельному спортивному клубу, приохотили к корридам, он стал появляться на раутах. Действовали терпеливо, неторопливо, исподволь, объясняя, почему и как он, потомок грандов, оказался в России. Исподволь разжигали аппетит к сладкой жизни, не обошлось и без современных карменсит.

На обработку «русского испанца» не жалели денег, времени, сил. Знали: он стоит того. Мигуэль владел русским языком так же свободно, как и испанским. У него законченное среднее образование, полученное в советской школе. Есть друзья среди русских, а в Москве осталась любимая девушка. Русских, их нравы, образ жизни он знает куда лучше тех, кто учился в специальных колледжах.

В Испании Мигуэль с отличием окончил филологический факультет университета и попутно овладел науками, ничего общего с филологией не имевшими. Здесь же он принял «первое крещение» — ему поручили изучение лидеров африканского землячества. О первой пробе сил шеф отозвался одобительно. Но чтобы отправиться в большое плавание, требовался еще год специальной подготовки. И тогда на юге Франции, в портовом городе, открылась посредническая контора по сбыту товаров из Венесуэлы: «Арриго Кастильо и сын».

Сейчас старик отошел от дела, а молодой преуспевает. Энергия поразительная, и в средствах к достижению целей не стесняется.

...Аннет говорила тихо. Иногда умолкала, что-то вспоминала, обдумывала.

АРРИГО КАСТИЛЬО И ДРУГИЕ

Вскоре после возвращения из Испании дела торговой фирмы привели Аннет в тот самый южный портовый город Франции, где находилась контора «Арриго Кастильо и сын».

Аннет нашла ее на тихой, удаленной от центра улице, в неприметном доме.

Зачем она искала эту контору? Чем одинокая маленькая женщина могла повредить военному преступнику? Мест? Как она ее осуществит, на какое правосудие сможет опереться? Об этом она не думала. Это был случай, когда страстное желание и уверенность опрокидывают расчет и логику здравомыслия.

...Ее не сразу пропустили в контору. В подъезде человек, непохожий на швейцара, оглядел ее с головы до ног и долго рассматривал визитную карточку Аннет Бриссо, агента парижской торговой фирмы, пока наконец разрешил ей подняться наверх, в контору...

— С кем имею честь, мадам? — Еще красивый, хотя и согнутый годами испанец посмотрел на нее колким пронизывающим взглядом и указал на кресло. Но мадемуазель Бриссо продолжала стоять, разглядывая человека, которого искала столько лет. Да, это тот самый, с кем она случайно познакомилась в Барселоне. Тот самый, который...

Аннет всю ночь обдумывала, с чего начнет разговор и как поведет его к тому главному, что надо сказать убийце. Но сейчас все вылетело из головы. Нет, она не будет играть в прятки, не станет дипломатничать, начинать с намеков. Нужно в упор...

— Я дочь парижанки Франсуазы Бриссо, преданной вами. Я Аннет Бриссо, разведчица отряда маки, куда вы летом сорок второго года пробрались, выдав себя за бойца интербригады. Вы гнусно предали отряд маки фашистам. От имени погибших я пришла сказать Фелиппе Медрано, скрывающемуся под именем Арриго Кастильо: «Смерть предателю!»

Ею владело поразительное спокойствие. Что же, она готова сразиться в одиночку. Вот они стоят друг против друга — убийца ее матери, жениха, друзей и бывшая разведчица Аннет.

Он изобразил нечто подобное улыбке, а потом, потемнев лицом, набычившись, хотел что-то сказать, а может быть, и сделать, но она уже выхватила пистолет из сумочки. В это мгновение незаметно оказавшийся за ее спиной человек — это был Кастильо-младший — ударил по руке, и пистолет упал на пол.

Обессиленная, она рухнула в кресло и прижала к лицу дрожащие руки. Она не видела, как исчез Кастильо-старший. Когда подняла голову, перед ней, заложив руки в карманы и криво, как отец, усмехаясь, стоял, покачиваясь, Кастильо-младший.

— Мы вас ждали, мадам Бриссо, наши люди нас проинформировали. Итак, что будем делать? Звонить в полицию или тихо-мирно договоримся, что Аннет Бриссо навсегда забудет о существовании и Фелиппе Медрано, и Арриго Кастильо, и его сына?..

— Не запугаете! Я готова сесть рядом с вашим отцом на скамью подсудимых. Есть люди, которые посвятили жизнь розыску военных преступников.

— Видимо, эти люди и прислали вас сюда? Красное от-р-ребье. Я насмотрелся на таких за свою короткую жизнь.

Красивый, как отец в молодости, он достал из бара в стене бутылку вина.

— Не угодно ли? Нет?.. Тогда разрешите... За ваше здоровье, мадам Бриссо!

Осушив бокал, подошел к Аннет и, отчеканивая слова, проговорил:

— Советую навсегда забыть нас. Навсегда! Молчите? Хотите лаять на слона? Извольте немедленно убираться вон. Вон! Я Мигуэль Кастильо и не желаю разговаривать с девкой, подосланной коммунистами. Мигуэль Кастильо знает, как надо поступать с такими...

Он сразу не нашел нужных слов, между тем в комнату уже вошел тот самый человек, что сидел в подъезде. Теперь он стоял в дверях, широко расставив ноги, ожидая приказа хозяина.

— Андо, проводите эту женщину...

На следующий день Аннет позвонила в контору «Арриго Кастильо» и, изменив голос, сказала, что директор акционерного общества «Электроника» хотел бы перед отлетом в Венесуэлу встретиться с представителем этой посреднической фирмы и ей, секретарю директора, поручено уточнить день и час встречи: у Аннет был на сей счет свой план.

Ей ответили, что сеньоры Кастильо рано утром улетели в Венесуэлу. И никто не может точно сказать, когда они вернутся. Возможно, через месяц, а может быть, и через год...

И СНОВА УРОКИ ПОЛИТГРАМОТЫ

— ...Ну вот и вся моя исповедь, Мишель. Теперь без загадок. Когда-то ты допытывался у отца: каким образом дочь ажана стала разведчицей отряда маки?.. Помнишь, как мы ночью в доме отца ели жаркое из голубей? Отец так и не успел тебе ответить. Помнишь? Мы по тревоге поднимались. Теперь ты знаешь все.

Аннет опустила голову и стиснула тонкие пальцы.

— Мишель, я должна найти его. Я не успокоюсь, пока...

— Милая Аннет, я понимаю тебя. Но в том мире, где ты живешь, такие, как Кастильо, чувствуют себя вольготно, они никого не боятся, и бороться с ними ой как трудно. Боюсь, что у тебя не хватит для этого сил. А потерять можешь многое. Даже жизнь.

Однако Аннет не согласна была складывать оружие и страстно призывала к этому Мишеля, а Поляков не хотел продолжать диалог и мгновенно перевел разговор на другую орбиту.

— Ты, кажется, была в Московском университете. Как нашла студентов?

— Одна из наших газет бог знает что писала о вашей университетской молодежи, о ка-

ких-то смутьянах, тайных листовках, расправах с молодыми интеллектуалами. Но мои юные собеседники совсем не походили на бунтарей.

— Это все бредни. Да, были случаи, когда кто-то за рубежом, кому снится крушение советского строя, пытался сбить с толку некоторых юнцов с туманом в голове. Есть у нас и такие. В нашей печати сообщалось о судебном процессе над одним из этих. Докатился до того, что связался с зарубежными антисоветчиками, которые хотели тайком вывезти его из СССР по подложным документам. Некий Франсуа де Перраго, любитель легких заработков, пролетая из Финляндии в Австрию, остановился в Москве, выдавая себя за туриста. Он и передал свой паспорт легкомысленному юнцу. Но это же...

— Погоди-погоди... Как ты сказал — Франсуа де Перраго?.. Французские газеты что-то писали об этой истории. Вот видишь, а говоришь бредни...

— Повторяю: бредни. Сорняки бывают и на самом урожайном поле.

— Дорогой Мишель, я очень люблю тебя... И твою страну тоже... Вы спасли нас от фашизма. И все же... Хочу напомнить наши давние споры. Да, да, о свободе, о демократии... Они не закончены. Вот и этот случай со студентом...

— Ты припомнила мои уроки политграмоты. Бедный, бедный Мишель! Я, профессор Поляков, ставлю ему двойку за те уроки. Он не сумел толком объяснить разницу между истинной и мнимой свободой личности. На Западе немало мастеров стряпать мифы о свободе личности. Не помню, кому принадлежат эти мудрые слова: возможность делать все, что нам угодно, не вольность, не свобода. Скорее это оскорбительное злоупотребление истинной свободой. Ты согласна?

Она не ответила. Лишь повела плечами:

— Не знаю, может быть, и так. Это очень сложно.

— В жизни все очень сложно, Аннет. Вот сидит перед тобой молодой человек, большой друг моего племянника, журналист Сергей Крымов. Сейчас не время рассказывать тебе о нем. Но поверь, история его сложной и трудной жизни поучительна. Так ведь, Сережа?

Погруженный в свои мысли, Крымов ничего не ответил. Поначалу он жадно прислушивался к разговору, старался все запомнить. Но когда речь зашла о тех молодых, которые по

бедности духа убеждены, что лучше всех понимают «смысл жизни», у которых предел мечтаний на поверку не шел дальше заграничных джинсов или записи ультрамодной поп-музыки, ему стало не по себе. Показалось, что Поляков говорит и о нем, Крымове, каким он был пять-шесть лет назад, и о выдворенном из Советского Союза аспиранте Дюке, меньше всего интересовавшемся наукой, и о его соратнике Владике, и о тех тогдашних друзьях Сергея, всех тех, кто мнил себя властителем дум. Прошлое, казалось, забытое, эхом отозвалось в номере гостиницы, где шел острый диалог. И Сергею Крымову не по себе от одной только мысли, что он мог когда-то шагнуть по одной дорожке с проходившим Владиком, шпионом Дюком. Он был рядом с ними. Это были и его приятели. И кто знает, что было бы, если бы не Иришка, если бы не его закадычный друг Вася Крутов, если бы не Бутов... Сквозь годы ему вновь виделось то, о чем он, казалось, успел, а вернее, хотел забыть.

...Галантно поклонившись, Сергей обратился к Аннет:

— Если разрешите, то позволю себе повторить прочитанное мною в одном английском журнале. Я не повторю дословно, но смысл таков: замечено, что тот, кто кричит громче всех, требуя свободы, не очень охотно терпит ее.

Крымове хотел было сказать, что он сам, увы, когда-то был причастен к компании тех, «кто кричал громче всех». Однако воздержался: поймет ли француженка?

Аннет вдруг резко оборвала дискуссию:

— Господа, я устала и не очень люблю политику. Давайте о чем-нибудь другом.

— Точнее сказать, ты ее разлюбила, — заметил Поляков.

— Почему так считаешь?

— Дорогая моя Аннет, ты никуда не спрячешься от нее, от этой самой политики. Не забудь, когда Жюльена пытали, выкалывали глаза — это была политика. Когда твою мать увели в тюрьму — тоже. А предательство Кастильо?

— Зачем ты сыплешь соль на мои раны?

— Не буду больше. Никаких споров! И вообще неприлично, мой молодой друг, — мы вдвоем напали на хрупкую, беззащитную женщину, к тому же гостью. Виноваты, дорогая Аннет.

И он кающимся грешником опустился на колени.

— Отпусти грехи наши...

— Чем искупишь вину свою, Мишель?..

— Штрафным бокалом. Итак, прошу в ресторан...

МИР ТЕСЕН

...Приятного вида официант провел их к заранее заказанному Поляковым столику и положил перед дамой меню.

— О нет, пусть этим займутся мужчины.

И пока они обсуждали, чем можно удивить гостью, Аннет осматривала зал, посредине которого, оглушенные джазом, мельтешили танцующие.

Ее взгляд задержался на высоком мужчине в черном костюме, с гладко зачесанными темными волосами и красивым длинным лицом. Чуть прихрамывая, он пробирается к столику, сервированному на двоих. Одно место уже было занято. Аннет побледнела и вцепилась в руку Полякова.

— Мишель, боже мой! Видишь того... Вон он подходит к угловому столику... Господи, дай мне силы... Ты не узнаешь?

Поляков ничего не ответил, а Крымов растерянно оглядывался по сторонам, не понимая, что повергло гостью в такое смятение.

— Нет, нет, я не обозналась. И не ошибся тот, кто сказал мне: «Кастильо-младший, кажется, собирается в Москву. У него там осталась любимая девушка». Ну что ты молчишь, Мишель?

— Да, похоже, что это сын Фелиппе Медрано. Если бы не разница в возрасте, я бы подумал, что он его брат-близнец. Но допустим, что это так, — не представляю, какие законные обвинения можно предъявить?.. К тому же это сын, а не отец. Подумай, Аннет...

Потрясенная Аннет не слушала увещаний. Что ей до законных оснований? У нее свой кодекс чести и справедливости. Она схватит негодяя за руку и потащит... Куда? Неважно. Только бы не упустить! Сергей понял, что сейчас она ринется очертя голову, и вовремя, хотя и с трудом, удержал француженку.

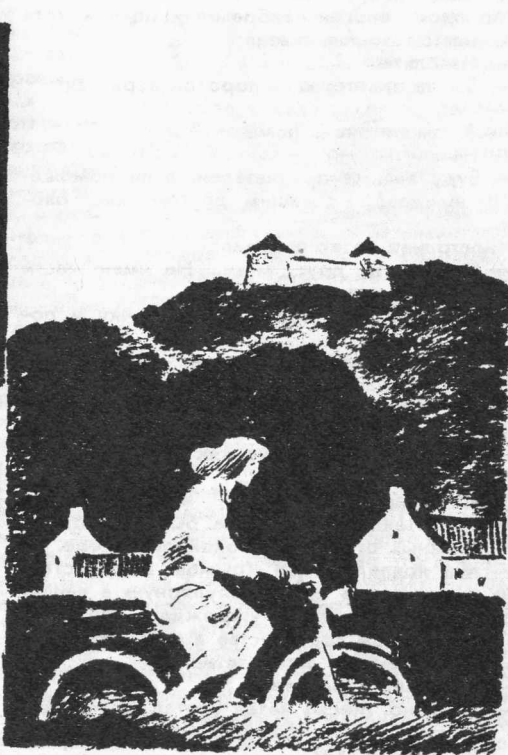
— Будьте благоразумны. Прежде всего надо убедиться...

— Именно это я и хочу сделать. Иду к нему...

И она впиалась взглядом в человека за угловым столиком.

— Успокойся, Аннет. Тебе нельзя... Он узнает мадемуазель Бриссо и скажет, что не имеет чести...

— А может, лучше мне? — нерешительно

подал голос Крымов. Сергей уже догадывался, о ком идет речь: он весь вечер слушал разговор о трагической судьбе отряда маки и испанце-провокаторе. — Как считаете, Михаил Петрович? У журналиста всегда в запасе подходящий предлог...

Взглянув на хромонового, Сергей заметил, что тот рассматривает их столик. Лицо бесстрастное, но взгляд встревоженный. Неужели и вправду Кастильо-младший?

Крымов готовился к разговору с испанцем и мысленно формулировал первый вопрос возможного интервью. Но Аннет вдруг сорвалась с места и помчалась, расталкивая танцующих. Увы, она опоздала. Хромоногий что-то сказал соседу по столу и быстро направился к двери в холл.

Аннет ринулась за ним. В холле испанца не было.

Взбурдаженная Аннет вернулась в зал и выслушала упреки Полякова.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя, как глупая девчонка?

Сергей вопросительно посмотрел на Полякова, на Аннет и, не дожидаясь их одобрения, направился к угловому столику.

Оставшийся в одиночестве молодой человек растерянно озирался, явно озадаченный внезапным исчезновением хромонового и неожиданным появлением разговорчивого незнакомца.

Крымов начал по-русски, хотя не представлял, кто он, его собеседник. Но едва тот произнес несколько слов по-русски, как Сергею стало ясно: иностранец, точнее, француз с истинно французским грациозным «р».

— Вы владеете русским?

— Да, с юношеских лет я немного изучал ваш язык.

И тем не менее Сергей — «пусть не задастся!» — решил продолжить разговор по-французски, вскользь заметив, что, видимо, для мсье это родной язык. Посчитав, что протокольная часть беседы завершена, Крымов приступил к делу тут же, придумав подходящий предлог для беседы — вчера он был в Сокольниках, где открылась очередная международная выставка.

— Извините за беспокойство. Я журналист, и, если я не ошибаюсь, ваш друг, — Сергей кивнул на пустой стул, — один из распорядителей павильона международной выставки в Сокольниках. Хотелось бы воспользоваться удобным случаем и получить интервью. Непринужденная беседа в столь приятной обстановке — половина успеха. Вы не разрешите подождать его здесь?

Молодой человек изобразил улыбку и, хотя явно насторожился, сказал:

— Извольте.

— Вы не знаете, как скоро он вернется?

— Нет.

— Я вам не очень помешаю?

— Нет.

— Буду весьма признателен, если поможете побеседовать с вашим другом, как говорят...

Иностранец резко прервал:

— Он мне не друг, мсье... Не имею чести знать вашего имени...

Сергей протянул визитную карточку и получил ответную.

— Присаживайтесь, мсье... — иностранец взглянул на карточку, — мсье Крымов... Простите, я плохо запоминаю русские фамилии. Прошу вас! Что будете пить? Виски, водка, коньяк? О, армянский коньяк превосходный напиток! Чудесный аромат...

Когда выпили по рюмке, иностранец несколько оттаял и явно готов был перейти от односложных ответов к спокойной беседе.

— Мы коллеги, мсье Крымов. Я представляю в Москве не очень популярную в вашей стране газету. Но смею утверждать, что в нашем небольшом государстве в кругу деловых людей она весьма авторитетна.

— Вы давно в Москве?

— Недавно. Месяц назад улетал из Москвы по вызову шефа и только вчера из Парижа.

— Вы живете там?

— Нет. Я выполнял просьбу отца навестить больного дядюшку. Неприятная миссия.

— Что так?

— Я недолюбливаю своего дядю. Мне не нравятся его дом, образ жизни, друзья. Но это не имеет отношения к делу.

Иностранец резко прервал беседу и только после длительной паузы продолжил разговор.

— Перед отъездом в Москву дядя сказал, что рекомендовал меня своему другу, и предупредил: «Он разыщет тебя сам. Это очень полезный журналисту человек. У него много друзей в Москве. Он сможет ввести тебя в круг московских интеллектуалов». Сегодня утром дядин друг позвонил мне, и мы условились вместе поужинать. Как видите — неудачно... Не пойму, что случилось? Впрочем... Пути бизнесменов неисповедимы.

— Да, пожалуй. Видимо, какие-то неожиданные дела заставили его покинуть вас. Что поделаешь, с бизнесменами такое случается. Но вы не огорчайтесь, подсаживайтесь к нашему столику. — И он кивнул в сторону Полякова. — Познакомлю с очаровательной француженкой Аннет Бриссо и ее московским другом профессором Поляковым. Смею заверить как коллеги коллегу, вам будет интересно. Оба бывшие маки, участники Сопrotивления...

Иностранец повернул голову в сторону Сережиных друзей.

— Маки? О, это более чем интересно. И по многим причинам. Упомянутый мною дядя был тоже маки. И, кажется, удостоен наград. А встреча в Москве двух маки — француженки и русского! Это великолепно! Находка для журналиста...

— Тогда милости прошу к нашему шалашу...

...Сергей представил нового знакомого коротко: «Луи Бидо, журналист».

Аннет испытующе оглядела незнакомца, обронила несколько слов в адрес хромонового, и вот уже потек сбивчивый разговор о том о сем, пока Луи не попросил разрешения задать Аннет и Полякову несколько вопросов.

— Мою газету очень заинтересует, как много лет спустя встретились на московской земле маки — француженка и русский.

Аннет и Поляков попытались было уклониться от интервью, но их уже дружно атаковали и Луи и Сергей. Интервью состоялось, хотя ответы — и господин Бидо это почувствовал — были нарочито краткими.

Сергей внимательно слушал француженку. Он хотел кое-что уточнить — детали могли бы обогатить будущий очерк, — но время позднее, уже одиннадцатый час, а он обещал Ирине позвонить не позже десяти. Еле дождался подходящего момента.

— Прошу извинения, но я должен позвонить жене, она у больного отца.

...Голос Ирины тревожен. «Отцу хуже. Сердечный приступ. Вызвала неотложку... Звонил Бутов... Я сообщила ему о моем желании повидать его. Виктор Павлович сказал: «Пусть позвонит...» Сегодня он долго задержится на работе. Когда придешь?»

— Скоро буду. — Сергей повесил трубку и на мгновение задумался. Удобно ли сейчас звонить полковнику? Время позднее. Можно и завтра, не к спеху. А впрочем, позвоню. Бутов, наверное, еще на работе.

— Виктор Павлович, это я, Сергей. Извините, что звоню так поздно.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего не случилось. Просто я нуждаюсь в вашей консультации. Хотел бы с вами повидаться. Делаю репортаж о встрече советского ученого, профессора Полякова, с боевой соратницей по отряду Сопrotивления во Франции. Тридцать лет спустя встретились Аннет и Мишель — француженка и русский, бойцы отряда маки. Сидим за столиком, пьем шампанское и мило беседуем. Я очень нуждаюсь в вашем совете... Это моя первая серьезная работа...

— Всегда рад помочь...

— Благодарю вас, Виктор Павлович. До встречи.

...Крымов вернулся в ресторан расстроенный.

— Тестю плохо. Я должен немедленно ехать домой.

ГОСТЬ ПРИБЫЛ

Утром в квартире Рубина раздался телефонный звонок.

— Слушаю.

— Господин Рубин? Захар Романович?

— Да, я. Что угодно?

— Вам привет от Нандора.

Рубин в замешательстве промолчал.

— Вы не слышите меня?

— Слышу. Как себя чувствует господин Нандор?

— Хорошо. Я бы хотел встретиться с вами. Это возможно?

— Думаю, что да. Вы откуда звоните?

— Из центра. Из автомата.

— Я к вашим услугам. Не буду возражать, если приедете ко мне, гостей положено принимать дома. Живу один. Я болен, и, признаюсь, гулять в таком состоянии не очень хочется.

— Ваш вариант меня не устраивает, — сухо отрезал незнакомец. — Надеюсь, вы в состоянии ходить?

— Да.

— Вот и отлично. Мы должны увидаться сегодня же, скажем, часов в двенадцать. Можете?

— Пожалуй. Где?

— В Третьяковской галерее.

— Где конкретно?

После некоторого молчания последовал ответ:

— Возле картины Сурикова «Боярыня Морозова». Вы, кажется, знаток живописи и, надеюсь, знаете, где она висит.

— Да, конечно, — ответил Рубин. — Как я вас узнаю?

— Это нетрудно. Светло-серый костюм, белая рубашка, темно-синий галстук. В правой руке буду держать газету.

— Простите, как вас величать?

— Мигуэль Кастильо. Значит, договорились? До скорой встречи.

Телефон умолк, но Рубин какое-то время еще продолжал держать трубку. Звонок незнакомца, хотя и не неожиданный, растревожил до сумятицы. Стенокардия — в последнее время она довольно часто напоминала о себе — сейчас же отозвалась очень уж резкой болью в сердце. Рубин принял лекарство и присел в кресло.

Боль в сердце утихла, а душевная боль не унималась. Жизнь прожита никчемно. И, кажется, подходит к концу. А что хорошего сделал он в этой жизни? Какой оставил след? Много таких нелегких вопросов задал Рубин себе в те тягостные минуты. Однажды на лекции в Доме ученых доктор философских наук сказал запомнившиеся Захару Романовичу слова: «Хорошо быть ученым, инженером, писателем, но очень плохо не быть при этом человеком». Есть интересная, любимая работа. Кое-чего достиг, получил признание, стал доктором наук, профессором. А вот человек не состоялся. От такого горького самому себе признания опять защемило сердце. Из дальних уголков памяти выплыли Леночка Бухарцева, первая любовь, которую он предал, и другое, еще более страшное предательство — измена Родине... И Рубин встрепенулся: Бутов!.. Что же я не звоню?

Дрожащей рукой Захар Романович набрал номер телефона полковника и, чуть ли не заикаясь, сообщил о звонке незнакомца, назначенном свидании в Третьяковской галерее.

— Скажите, что мне делать, как поступить в такой ситуации?

— Прежде всего успокоиться. Мне не нравится ваш голос — не волнуйтесь! На свидание идите. Узнайте, что именно он хочет от вас получить. Скорее всего речь пойдет о каких-то данных по наиболее важным и закрытым работам института. Скажите, что должны собраться с мыслями, к ходу это не делается, да и место для разговора на такую тему неподходящее. Как мы условились, скажите, что с рацией у вас не ладится, видимо, неисправна. Под этим предлогом вновь пригласите его к себе домой. Если будет настаивать на другом месте встречи — не отказывайтесь. Постарайтесь узнать, как долго он пробудет в Москве, когда и по каким делам намерен вновь прибыть в нашу страну? Как штаб-квартира в дальнейшем будет осуществлять связь с вами? Вам все понятно, Захар Романович?

— Понятно.

— В таком случае действуйте. — Это генеральское «действуйте» прочно вошло и в бутковский лексикон. — Главное, возьмите себя в руки, не волнуйтесь. После свидания с гостем позвоните. Буду ждать.

Продолжение следует.

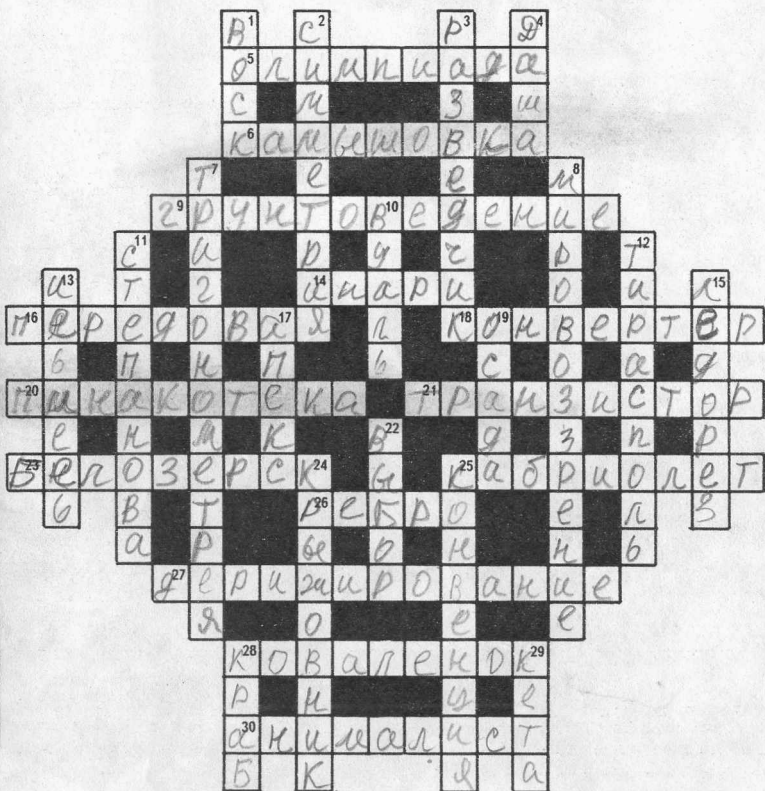
По горизонтали: 5. Международные спортивные соревнования. 6. Певчая птица. 9. Отрасль инженерной геологии. 14. Озеро на севере Финляндии. 16. Редакционная статья в газете, журнале. 18. Металлургический агрегат для получения стали. 20. Хранилище произведений живописи. 21. Полупроводниковый прибор. 23. Город в Вологодской области. 25. Кузов легкового автомобиля. 26. Место пересечения двух плоскостей. 27. Управление оркестром, хором. 28. Советский летчик-космонавт. 30. Художник, изображающий животных.

По вертикали: 1. Вещество, вырабатываемое пчелами для постройки сот. 2. Соразмерность, пропорциональность. 3. Военнослужащий, посланный для сбора сведений о противнике. 4. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 7. Раздел математики. 8. Система взглядов на окружающую действительность. 10. Легкая прозрачная ткань. 11. Народная артистка СССР, выступавшая во МХАТе. 12. Город в Молдавии. 13. Озеро на Валдайской возвышенности. 15. Устройство для защиты опор мостов, плотин. 17. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце. 19. Способ военных действий по овладению крепостью. 22. Роман Ю. В. Бондарева. 24. Ягодный кустарник. 25. Международный договор. 28. Десятиголый рак. 29. Лососевая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 3. Этнография. 8. Армения. 9. Скрыбин. 10. Кижи. 11. Желтков. 13. Экватор. 17. Шанс. 18. Тема. 19. Нона. 20. Теодоранис. 23. Уран. 24. Охра. 25. Иран. 26. Головно. 28. Частица. 30. Вахш. 32. Мозаика. 33. Тетерев. 34. Нестеренко.

По вертикали: 1. Хомья. 2. Шасси. 4. Танго. 5. «Игрок». 6. Орулган. 7. Диктант. 12. Касатонов. 14. Вентспилс. 15. Стадион. 16. Карагач. 21. Брюллов. 22. Ганимед. 27. Клише. 29. Артек. 30. Ван-та. 31. Штрек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, композитор Георгий Васильевич Свиридов. (См. в номере материал «Миру нужно песенное слово».)

Фото А. Маслова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ночной Будапешт * В одном из детских садов * Идет сбор урожая * Старейшая в Европе линия метро пущена в Будапеште в 1896 году. А так выглядит сегодня метро в столице Венгрии * На страже мирного неба * Гордость страны — рабочий класс * Озеро Балатон — венгерское море.

Фото Шандора КОВАЧА (Венгрия)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Научный — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 05.03.84. Подписано к печати 21.03.84. А 00342. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 886. Заказ № 2257.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Загадки старта

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель

«Огонька»
Фото А. БОЧИННА,
специальные корреспонденты «Огонька»

На эмблеме Международной шахматной федерации девиз — «Gens una sumus» — мы одна семья. Но даже в самой дружной семье порой нет единства.

В эти дни шахматный мир раскололся на два лагеря — убежденных приверженцев маститого В. Смыслова и восторженных почитателей юного Г. Каспарова. Равнодушных нет, и нейтралитет возможен лишь «по долгу службы». Когда президента ФИДЕ Флоренсио Кампоманеса, приехавшего на торжественное открытие матча, спросили, на чьей стороне его симпатии, он с улыбкой дипломатично отпарировал: «Как молодой человек, в свои 58 лет я болею, конечно, за Каспарова, но как седой — за Смыслова!»

У президента было отличное настроение в Вильнюсе: его радовали и великолепная организация матча, и приподнято-торжественная атмосфера состязания, и особенно дружеские, уважительные взаимоотношения самих соперников. Увы, это случается нечасто...

Вездесущие журналисты, — а их в пресс-центре аккредитовалось чуть ли не две сотни — подметили, что В. Смыслов и Г. Каспаров прибыли в Вильнюс вместе и даже в одном вагоне, что поселились они в одной и той же гостинице с символическим названием «Драугисте» (по-литовски «Дружба») и что «неофициальные главы делегаций» — жена Василия Васильевича Надежда Андреевна и мама Гарри Каспарова Клара Шагеновна — за день до начала поединка, объединившись в компанию, с увлечением слушали «Богему» в местном оперном театре...

Выбор города для проведения столь престижного состязания не случаен. Вильнюс славен шахматными традициями. Вошел в историю турнир 1912 года, где играли великие шахматисты прошлого А. Алехин, А. Нимцович, А. Рубинштейн. Достоянием летописи советской шахматной школы стали

проведенные здесь чемпионаты СССР, крупный международный турнир 1978 года, матч претендентов. И все же события, подобного нынешнему матчу, вильнюсцы еще не видели никогда. Интерес к нему огромен!

В разных концах города яркие плакаты приглашают любителей шахмат посетить Дворец работников искусств, отведенный для поединка; улицы, прилегающие к нему, празднично украшены шахматными флажками и эмблемами матча. Прекрасно и само здание, являющееся достопримечательностью старого Вильнюса. На его фасаде мемориальная доска: «Здесь с 10/XI 1812 по 8.I.1813 г. находилась главная штаб-квартира М. И. Кутузова, откуда великий полководец руководил русскими войсками при окончательном изгнании Наполеона из пределов России».

В эти дни в торжественном и респектабельном Белом зале дворца командуют полководцы шахматных армий. 10 марта 1984 года в бескомпромиссное сражение направили свои войска Смыслов и Каспаров.

Когда накануне во время сложной «двуступенчатой» жеребьевки Смыслов определил право Каспарова тянуть конверт с цветом фигур и тот, вскрыв его, радостно воскликнул: «Белые!» — стало ясно, что фортуна вновь благоволит к самому юному из претендентов. Уже в третий раз (до этого матча так было в его поединках с А. Белявским и В. Корчным) Каспарову достается «преимущество выступки». Казалось бы, какая разница, с чего начинать долгий поединок, если цвета в партиях чередуются? Но, во-первых, в далекое плавание всегда приятно отправиться с попутным ветром, а во-вторых, в матче необязательно должны состояться все запланированные встречи. Ведь «сэкономил» же Каспаров по одной «черной» партии с Белявским и Корчным...

Итак, 1. d4 — традиционное начало претендентских поединков, — и борьба началась. Признаться, для меня куда привычнее следить за соревнованиями «изнутри» в качестве участника, но остранный взгляд из зала имеет свои преимущества. Замечаешь уже не только шахматную сторону сражения — видишь самих бойцов. Бросается в глаза, как различны соперники не только по возрасту, но и по темпераменту, манерам, привычкам...

Г. Каспаров порывист, нетерпелив, словно наэлектризован. Когда углубляется в раздумье, так впиывается взглядом в доску, что кажется, его фигуры, как при телекинезе, сами должны переходить в наступление. Гарри напоминает мне юного Мишу Таля.

В. Смыслов, напротив, внешне само спокойствие. Он нетороплив и величествен. Сделав ход, Василий Васильевич обычно покидает сцену и удаляется в свою комнату отдыха. Конечно же, и там все его мысли о партии, и время от времени он выглядывает из-за двери, чтобы не пропустить момента, когда нужно вновь вернуться к шахматному столу...

Для Василия Васильевича это уже девятый матч в борьбе за звание чемпиона мира. Трижды на высшем форуме он сражался с М. Ботвинником, дважды на подступах к пьедесталу — с Е. Геллером; боролся с такими прославленными бойцами, как Л. Портиш, Р. Хюбнер, З. Рибли.

Для Смыслова уже ничто не ново — он испытал всю полноту признания.

Для Каспарова это первое восхождение к шахматному Олимпу — лишь третий его матч в жизни. Честолюбивые устремления Гарри, конечно же, острее и азартнее. Что же весомее — опыт или напор?

Начало матча сложилось интригующе. Оба стартовых и потому особенно нервных поединка и Г. Каспаров и В. Смыслов провели увлеченно и с подъемом. И тот и другой, используя белый цвет, настойчиво боролись за инициативу, играли с выдумкой и энергией. Они дали почувствовать друг другу, что их предматчевая подготовка была интенсивной и плодотворной. Особенно поразила дебютная идея Смыслова во втором поединке. В известном теоретическом положении он вдруг сделал ход, который на первый взгляд показался просто нелепым. Признаться, когда в пресс-центр, туда, где титулованные авторитеты без устали разыгрывают возможные и невозможные варианты играющей партии, демонстратор доставил этот ход, там его и всерьез не приняли.

Но стоило углубиться в анализ, как иронический скепсис сменился восторженным удивлением — так свежа, глубока и парадоксальна была новинка Смыслова!

Но и первый поединок, протекавший с перевесом у Каспарова, и второй, где «командовал парадом» Смыслов, не увенчались победами. В решающие моменты обом гроссмейстерам не хватило энергии для полного успеха.

Кто-то из корреспондентов в кулуарах сказал по поводу первой

партии: «Знаю двух шахматистов, которые не упустили бы такого перевеса, — это Фишер и Карпов». Его собеседник возразил: «А я называю двух, которые бы ее не проиграли, — кроме Смыслова, это еще и Петросян».

И все же, несмотря на некоторые упущения, две первые партии своей содержательностью покорили всех.

Увы, дальше начались разочарования... Смыслова словно подменили. И в третьей и в особенности в четвертой партиях экс-чемпион мира играл непривычно пассивно, вяло, тяжело. Что случилось? Почему вдруг отказала ставшая хрестоматийной смысловская интуиция, не раз выручавшая его в самых сложных ситуациях? Куда делась знаменитая тактическая изобретательность?

Слов нет, его соперник играл превосходно. Каспаров в этом матче предстал в новом качестве разностороннего гармоничного стратега, и, хотя накануне матча он говорил, что «шахматный стиль — это во многом проявление человеческого характера, и, следовательно, кардинально меняться он не может», за последние полгода творческий облик Гарри заметно преобразился. В его игре на смену тяге к запутанным иррациональным положениям пришла любовь к ясности и классической простоте. Азарт сменился объективностью, темперамент обрел контроль. Может быть, такая творческая метаморфоза, обогатившая и углубившая игру Каспарова, оказалась для Смыслова неожиданной? А может быть, как это ни грустно, все-таки сказывается возраст? Ведь с каждым этапом этого цикла партнеры Василия Васильевича молодели (Р. Хюбнеру — 35, З. Рибли — 32, Г. Каспарову — 20), а он нет...

Но есть еще и загадочное явление, называемое «спортивной формой». Она изменчива и труднопредсказуема. Чем объяснить, что у одного и того же человека — художника, спортсмена, артиста, шахматиста — сегодня все получается словно по заказу, а завтра все валится из рук? Спишем на биоритмы...

Положение Смыслова после двух рядовых поражений трудное и в спортивном и в психологическом плане.

Статистика свидетельствует, что никогда еще, ни в одном претендентском матче уступавший в счете два очка не выходил победителем.

К тому же известно, что Гарри, как редко кто другой, умеет развигивать достигнутый успех. Но в богатой событиями биографии В. В. Смыслова можно найти и повод для некоторого утешения. В матче с Ботвинником он на старте проиграл даже три партии и все же к двенадцатой вышел вперед. Повторится ли история?

Волнуются болельщики Смыслова. Полны оптимизма сторонники Каспарова. Но желание увидеть в этом матче еще немало увлекательных, красивых и боевых партий объединяет их в единый лагерь поклонников благородного искусства, имя которого — шахматы.

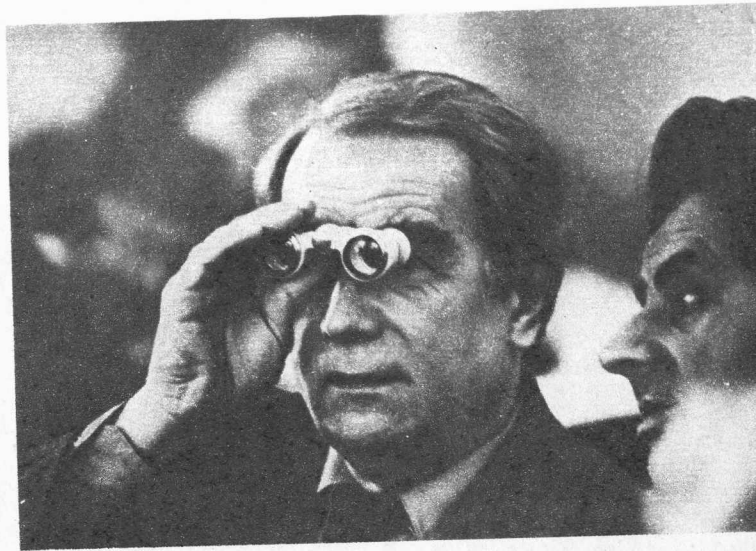
Вильнюс.

Жена В. Смыслова — Н. Смыслова (слева).

В пресс-центре.

Мать Г. Каспарова — К. Каспарова.

Записан первый ход...

26-75

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

